

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

HUMAN IN THE SOCIO-CULTURAL DIMENSION

Издается с февраля 2020 г.

Выходит один раз в полугодие

1

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **КОРОЛЬ А. Д.** – доктор педагогических наук, профессор; ректор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rector@bsu.by

**Заместители
главного редактора** **УСОВСКАЯ Э. А.** – кандидат культурологии, доцент; заведующий кафедрой культурологии факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: usovskaya@bsu.by
ВАЖНИК С. А. – кандидат филологических наук, доцент; декан факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: waznik@yandex.ru

**Ответственный
секретарь** **ШОДА М. Ю.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: marshoda@gmail.com

- Арташкина Т. А.* Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
Бабосов Е. М. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Баженова О. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Будучев В. А. Парижский университет, Париж, Франция.
Воронович И. Н. Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Гафаров Х. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Глейтер Й. Берлинский технический университет, Берлин, Германия.
Джохадзе Г. А. Государственный университет имени Ильи, Тбилиси, Грузия.
Духан И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Зверева Г. И. Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
Лаврентьев А. Н. Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова, Москва, Россия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мартинов В. Ф. Институт современных знаний им. А. М. Широкова, Минск, Беларусь.
Павильч А. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Печенева Т. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Свидерская М. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Симян Т. С. Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Снапковская С. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сухоцкая Т. Ф. Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь.
Суша А. А. Национальная библиотека Беларуси, Минск, Беларусь.
Филипп К. Я. Штуттгартский университет, Штутгарт, Германия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **KAROL A. D.**, doctor of science (pedagogics), full professor; rector of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rector@bsu.by

Deputy editors-in-chief **USOUSKAYA E. A.**, PhD (cultural studies), docent; head of the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: usovskaya@bsu.by
VAZHNIK S. A., PhD (philology); dean of the faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: waznik@yandex.ru

Executive secretary **SHODA M. J.**, PhD (philology); associate professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: marshoda@gmail.com

Artashkina T. A. Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
Babosov E. M. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bazhenova O. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Buduchev V. A. Paris University, Paris, France.
Voronovich I. N. Sports and Tourism Ministry of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Gafarov H. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gleiter J. Berlin Technical University, Berlin, Germany.
Jokhadze G. A. Ilia State University, Tbilisi, Georgia.
Dukhan I. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zvereva G. I. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
Lavrentiev A. N. Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts, Moscow, Russia.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Martynov V. F. Shirokov Institute of Contemporary Knowledge, Minsk, Belarus.
Pavilch A. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Pechenyova T. A. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Sviderskaya M. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Simyan T. S. Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Snapkovskaya S. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sukhotskaya T. F. Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus.
Susha A. A. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Philip K. Ya. University of Stuttgart, Stuttgart, Germany.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

УДК 811.161.3'367

МЕЦЬ ЦІ БЫЦЬ? ПАСЕСІЎНАЯ КАРЦІНА СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ

С. А. ВАЖНИК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Апісваюцца *быць-* і *мець-*канструкцыі з пазіцый функцыянальнай граматыкі і семантычнага сінтаксісу. Гэтыя канструкцыі цалкам раўнапраўныя пры выражэнні «аддзялімай прыналежнасці», аднак назіраюцца пэўныя селекцыйныя абмежаванні спалучальнасці дзеяслоўнага прэдыката *мець* з абстрактнымі неадчужальнымі (неаддзялімымі) імёнамі. Спалучальнасць беларускіх дзеясловаў *быць* і *мець* з імёнамі ў пазіцыі пасесума (аб'екта валодання) мэтазгодна апісваць праз селекцыйныя катэгорыі [+Concr]/[+Abstr], [+Anim]/[–Anim], [+Pers]/[–Pers].

Ключавыя словы: пасесіўныя адносіны; *esse*-мовы (*быць*-мовы) vs *habere*-мовы (*мець*-мовы); пасесіўная мадэль; адчужальная/неадчужальная прыналежнасць.

Образец цитирования:

Важник С.А. *Мець ці быць?* Пасесіўная карціна свету беларусаў. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:4–13.

For citation:

Vazhnik SA. *To have or to be?* The possessive picture of the world of the Belarusians. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:4–13. Belarusian.

Автор:

Сергей Александрович Важник – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики, декан факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Syarhei A. Vazhnik, PhD (philology), docent; professor at the department of computational linguistics and linguodidactics, dean of the faculty of social and cultural communications. wazhnik@yandex.by

ИМЕТЬ ИЛИ БЫТЬ? ПОСЕССИВНАЯ КАРТИНА МИРА БЕЛОРУСОВ

С. А. ВАЖНИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описываются *быть*- и *иметь*-конструкции с позиций функциональной грамматики и семантического синтаксиса. Эти конструкции полностью равноправны при выражении «отторжимой принадлежности», однако наблюдаются определенные селективные ограничения сочетаемости глагольного предиката *мець* с абстрактными неотчуждаемыми («неотторжимыми») именами. Сочетаемость белорусских глаголов *быць* и *мець* с именами в позиции посессума (объекта обладания) целесообразно описывать посредством селективных категорий [+Concr]/[+Abstr], [+Anim]/[-Anim], [+Pers]/[-Pers].

Ключевые слова: посессивные отношения; *esse*-языки (*быть*-языки) vs *habere*-языки (*иметь*-языки); посессивная модель; отчуждаемая/неотчуждаемая принадлежность.

TO HAVE OR TO BE? THE POSSESSIVE PICTURE OF THE WORLD OF THE BELARUSIANS

S. A. VAZHNIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article describes the Belarusian *be*- and *have*-constructions from the standpoint of functional grammar and semantic syntax. These constructions are completely equal when expressing «rejected belonging», but there is no complete synonymy between the marked constructions. There are certain selective restrictions on the compatibility of the verb predicate *мець* with abstract and possessive names. The compatibility of the Belarusian verbs *быць* and *мець* with the names in the possum position should be described by means of selective categories [+Concr]/[+Abstr], [+Anim]/[-Anim], [+Pers]/[-Pers].

Keywords: possessive relationships; *esse*-languages (*to be*-languages) vs *habere*-languages (*to have*-languages); possessive model; rejecting/non-rejecting belonging.

Уводзіны

Пасесіўны патэнцыял дзеясловаў *мець* і *быць* рэалізуецца ў зваротах *я маю* і *ў мяне ёсць*. Прычым калі для дзеяслова *мець* значэнне валодання з'яўляецца асноўным, першасным, то для дзеяслова *быць*, *a priori* экзистэнцыяльнага, быццёвага яно другаснае і нават маргінальнае. Настолькі далёкае ад першаснага, што аўтары даведчаных выданняў па беларускай мове яго ўвогуле не адзначаюць у акадэмічных слоўніках [16, с. 431–432; 17, с. 99].

Праз адзначаны вышэй канструкцыі не заўсёды, аднак усё ж выражаецца ўласна пасесіўнае значэнне. На прыкладзе зварота *ў мяне ёсць* гэта прадэманстравана А. Я. Міхневіч. Так, генітыў з прыназоўнікам *у* (*у N gen*), акрамя пасесіўнага значэння (*Вочы ў старога заўсёды суровыя*), можа выражаць таксама наступныя значэнні: аблятыўнае (*Трэба ўзяць аловак у хлопчыка*), эргатыўнае (*У яго дачка будзеца*), аб'ектнае (*Адкрыў вечка ў куфра і дастаў кашулю*), абмежавальнае (*Ва ўсіх быў добры настрой*), экспрэсіўнае (*Ты глядзі ў мяне!*) [10, с. 123]. Да ўсяго, як паказваюць вынікі нашага даследавання, варта вылучаць уласна пасесіўныя (адчужальная прыналежнасць), квазіпасесіўныя (неадчужальная прыналежнасць), апасесіўныя структуры.

Ідэя ўладання, валодання шырока прадстаўлена ў беларускай мове. Перадусім у лексіцы. *Гаспадар*, *уладар*, *уладальнік*, *прыватнік*, *уласнасць*, *спадчына*, *гаспадарыць*, *уладарыць*, *валодаць*, *ствараць*, *купляць*, *красці*, *перадаваць*... Ва ўсіх гэтых словах так ці інакш мае месца пасесіўны кампанент. Усе яны ўжываюцца, калі гаворка ідзе пра сітуацыю валодання чым-небудзь. Прыкладзём для прыкладу тлумачэнне ядзернага слова згаданай тэматычнай групы: *Гаспадар* – чалавек, які нечым *валодае*, нечым *распараджаецца*, пра нешта *руніцца*, *вядзе гаспадарку*, і любая *гаспадарка* – галоўны клопат *гаспадара* (Р. Барадулін). *Гаспадарліваць* беларусаў адлюстравана ў парэміях і фразеалагізмах: *як хто*

дбае, так і мае; у каго ў шкатуле, той і ў тытуле; у добрай гаспадыні ёсць сала і масла ў скрыні; хто мае грошы, той добры і харошы; хто жонку добру мае, той гора не знае; маееш дачку – май і гарэлачку ў глачку; май сваё насенне, рабі дзецям вяселле; у каго грошай кашэль, на таго не апрагнуць шынель. Як бачым, кожная мова мае сваю «ўласніцкую» канцэпцыю, што пацвярджаецца і іншымі даследаваннямі [4–6; 9–11; 13; 14; 18].

Катэгорыя пасесіўнасці як універсальная катэгорыя мовы

Катэгорыя пасесіўнасці (КП), пра якую так ці інакш ідзе гаворка ў публікацыі, – адна з універсальных паняццёвых катэгорый мовы, асноўнае яе значэнне выяўляецца праз выражэнне адносінаў валодання, уладання, уласнасці, прыналежнасці [7, с. 388–389]. У розных мовах пасесіўнасць мае свой адмысловы набор словаўтваральных, лексічных, марфалагічных, сінтаксічных сродкаў выражэння. Больш за тое, у асобных мовах (напрыклад, у турэцкай, фінскай, венгерскай) пасесіўнасць мае статус граматычнай катэгорыі: яна рэгулярна выражаецца асобнай марфемай, чаго нельга канстатаваць у адносінах да беларускай мовы.

Беларуская сістэма прыналежнасці мае на агульнаславянскім фоне некалькі прынцыповых граматычных адрозненняў, выдзяляючы якіх і будзе прысвечаны дадзены артыкул.

Асноўнымі фармальнымі сродкамі рэалізацыі КП на марфалагічным узроўні з’яўляюцца разнастайныя пасесівы: 1) прыналежныя прыметнікі з адпаведнымі суфіксамі (дзедаў, братаў, Янукоў, баброва, воўчы, Кастусёў, Сяргею, Зосін, бабулін, мамін, ластаўчына, пчаліны); 2) прыметнікі з прыналежна-адносным значэннем (купалаўскі, коласаўскі, бацькоўскі, мацярынскі, сястрынскі); 3) прыналежныя займеннікі (мой, твой, наш, ваш, яго, ягоны, яе, ейны, іх, іхні, наскі); 4) прыналежна-зваротны займеннік свой (Кахай сваё); 5) пытальна-адносны займеннік чый (Чые гэта дзеці?); 6) родны пасесіўны склон (хата брата, кніга маці, хвост вавёркі).

Вядомы сучаснай беларускай мове і давальны пасесіўны, дзе N dat абазначае асобу, на карысць або шкоду якой адбываецца пэўнае дзеянне. Я. Ф. Карскі да *dat. pos.* адносіў наступныя выпадкі: *Яго сыну жонка памерла; Яму галава баліць* [8, с. 413–414].

Сінтаксічныя сродкі выражэння КП

Сінтаксічныя сродкі, відавочна, займаюць цэнтральнае месца ў функцыянальным полі КП беларускай літаратурнай мовы. Яны тычацца перадусім пасесіўных дзеясловаў *мець* (+N acc), *валодаць* (+N instr), *уладаць* (+N instr), *належаць* (+N dat), *быць* (y + N gen), што ўтвараюць так званую пасесіўную мадэль. Пакажам гэта на прыкладзе дзеяслоўнай дыстрыбуцыйнай мадэлі (ДДМ) прэдыката *мець* (табл. 1).

Табліца 1

ДДМ дзеяслоўнага прэдыката *мець*

Table 1

The verb distributive model of predicate *to have*

1.1	Пасесар (Subj-Pr)	Прэдыкат валодання (Pred)	Пасесум (Obj-Pm)
1.2	[+Pers]	<i>Poss</i>	[±Адчужальны: +Concr / +Abstr ±Anim: ±Pers]
2.1	N nom	V f	N acc
2.2	<i>Арсень мае машыну (кватэру, ката, каня, жонку, сябра, дзяўчыну, дзяцей, блакітныя вочы, мужны характар, гонар, мажлівасць, добры настрой, вытанчаны густ і г. д.).</i>		

На глыбінным (прапазіцыйным) узроўні (1.1) усе пасесіўныя прэдыкаты маюць аднолькавую прэдыкатна-актантную структуру: *пасесар* (уладальнік) – *прэдыкат* – *пасесум* (аб’ект валодання).

На катэгарыяльна-семантычным узроўні (1.2) пасесар часцей характарызуецца селекцыйнай прыметай [+Pers] – персанальны актанта. Для пасесума істотным будзе цэлы комплекс селекцыйных катэгорый, якія дазваляюць больш дакладна апісаць спалучальнасць пасесіўных дзеяслоўных прэдыкатаў.

Розніца ў дыстрыбуцыі дзеяслова *мець* і іншых пасесіўных дзеясловаў выяўляецца толькі на марфалага-граматычным узроўні ДДМ (2.1) у формах выражэння пасесара і пасесума.

Узровень 2.2 – узровень лексічнай рэалізацыі кожнай актанта пазіцыі ДДМ у маўленні згодна з патрабаваннямі на ўзроўнях 1.2 і 2.1.

Як паказвае аналіз фактычнага матэрыялу, праз пасесіўную мадэль могуць выражацца не толькі ўласна пасесіўныя адносіны. Параўн.: *Хацелася б верыць, што яно [захапленне мастацтвам] мае нябачныя духоўныя сувязі і перадаецца ў спадчыну. Мой дзед Нікіфар быў вядомым кавалём, ліцейных спраў майстрам, капаў студні, меў сталярную майстэрню і быў уладальнікам раскошных вусоў. А ўвогуле – майстрам ва ўсіх справах. Меў вялікі хутар. Мая мама Ніна валодала вытанчаным густам, добра вышывала і вязала кручком. У дзяцінстве займалася роспісам на сценах. І хочацца думаць, што іх імкненне да прыгожага перадалося і мне¹*. Падобныя прыклады будуць разгледжаны ніжэй.

Esse- і habere-мовы свету

У залежнасці ад таго, якая сінтаксічная канструкцыя ўжываецца ў той ці іншай мове для выражэння пасесіўных адносін (або адносін прыналежнасці), усе мовы свету падзяляюцца на дзве вялікія групы:

1. **Esse-мовы (быць-мовы)**, у якіх для выражэння адпаведных адносін выкарыстоўваецца зварот *у Х ЁСЦЬ У*. Валоданне пры гэтым разглядаецца як *пасіўны стан* або нават як *месцазнаходжанне*.

2. **Habere-мовы (мець-мовы)**, у якіх выкарыстоўваецца пасесіўны зварот *Х МАЕ У*. Валоданне ў такіх мовах прыраўноўваецца да актыўнага дзеяння.

Да **esse-моў** адносяць большасць *цюркскіх, фіна-ўгорскіх, дагестанскіх* моў, а таксама *японскую*. Сюды ж трапілі *руская і латышская мовы*, якія атрымалі пасесіўную «прышчэпку» пад уплывам фіна-ўгорскага субстрату. Адзначым пры гэтым наяўнасць у рускай мове рэдкіх, але прэцэдэнтных выказванняў з дзеясловам *иметь*: *Честь имею!*; *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *Думайте сами, решайте сами: иметь или не иметь?*; *Что имеем – не храним, потерявши – плачем*. Гаворка ў гэтых прыкладах ідзе аб валоданні ўвогуле, валоданні ўяўным, пажаданым і г. д. [14, с. 194]. Пры гэтым такія канструкцыі часам маюць архаічна-кніжнае адценне [12, с. 211].

Да **мець-моў** адносіцца большасць *заходнееўрапейскіх* (напрыклад, *англійская, нямецкая, французская*) і амаль усе *славянскія*, прычым не толькі з моўнага арэала *Slavia Latina* (польская, чэшская, славацкая, харвацкая), але і тыповыя мовы арэала *Slavia Orthodoxa* (балгарская, славенская, сербская, македонская). У. А. Плунгян аднёс да *мець-моў і беларускую*. Верагодна, прычынай гэтаму стала тыпалагічная розніца з рускай мовай пры выражэнні пасесіўнасці. Напрошваецца аналогія з даследаваннем Г. Вяжбіцкай рускіх безасабовых сказаў і іх англійскіх адпаведнікаў. Перад намі, па сутнасці, два розныя спосабы бачання свету: носьбіты англійскай мовы глядзяць на свет праз прызму канструкцыі *Што Я раблю ў свеце?* Носьбіты рускай мовы ўспрымаюць свет праз фаталістычную канструкцыю *Што СВЕТ робіць са мной?*

Беларуская мова: быць- ці мець-мова?

У беларускай літаратурнай мове маюць месца і *быць-*, і *мець-*звароты. Параўн.: *Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова* (А. Разанаў) – *Раз у цябе ёсць сіла, ты заўсёды знойдзеш спосаб жыць на свеце, праб'еш сабе дарогу – што жывое, жывым і застанецца* (Я. Колас). А таму беларускую мову лагічна лічыць і *esse-*, і *habere-*мовай адначасова [3, с. 376]. Спецыфіка беларускай мовы – у сінкрэтызме.

Цікава, што і класічная *лацінская* мова была **сінкрэтычнай** па сваёй сутнасці: яна прайшла шлях ад *быць-мовы* да *быць-* і *мець-мовы*. Параўн.: *Est mihi liber – Habeo librum; Mihi sunt libri – Habeo libro; Domus mihi est – Habeo domum; Mihi est pecunia – Habeo pecuniam*. Першая форма больш архаічная. Як зазначыў вядомы французскі індаеўрапеіст Э. Бенвеніст: «І як бы мала нам ні было вядома аб гісторыі той ці іншай мовы, мы часта назіраем, што **развіццё ідзе ад тыпа *mihi est* да *habeo*, але не наадварот**, а гэта значыць, што нават там, дзе існуе *habeo*, яно магло ўзнікнуць з папярэдняга *mihi est*» (вылучэнне паўтлустым наша. – С. В.) [1, с. 212]. Лічыцца, што дзеяслоў *мець* з'явіўся ў індаеўрапейскіх мовах значна пазней, чым дзеяслоў *быць*. Пасля ўзнікнення паняцця ўласнасці дзеяслоў *мець* стаў ужывацца больш шырока і выцесніў лексему *быць* са сфер валодання і ўласнасці. Гэта барацьба дзеясловаў *быць* і *мець* скончылася перамогай апошняга ва ўсіх мовах-нашчадках, уключаючы заходнееўрапейскія і большасць славянскіх.

Калі казаць пра беларускую карціну свету праз прызму катэгорыі пасесіўнасці, то ў савецкі час яна сур'ёзна мяняецца: па прычыне моўнай русіфікацыі ў часы БССР **беларуская мова выпала з агульнаеўрапейскай тэндэнцыі *esse* → *habere***. Так, у старабеларускай мове маюць месца абедзве канструкцыі. Як роўназначныя прадстаўлены яны і ў пачатковы перыяд фарміравання беларускай літаратурнай мовы. Аднак у 1920-я гг. пачынаецца барацьба з прыватнай уласнасцю як з перажыткам

¹Мікалай Кузьміч, мастак-ювелір, аўтар адноўленага крыжа Еўфрасінні Полацкай // ЛІМ. 2020. 4 снеж. С. 16.

папярэдняга строю, што не можа не адлюстроўвацца ў мове: індывідуальна-асобаснае замяняецца абшчынна-калектыўным. Як з’едліва заўважае В. Вячорка, *Я маю зямлю і каня змяняецца на У мяне ёсць кніжка калгасніка* [5, с. 225–227].

Мець- і быць-канструкцыі ў мастацкім тэксе

У апошнія дзесяцігоддзі зварот *у мяне ёсць* пачаў пераважаць у беларускай мове, у прыватнасці, у тэкстах мастацкай літаратуры. Да такой высновы прыйшла І. В. Гліннік [6]. Даследчыца, прааналізаваўшы 121 сказ з пасесійнымі зваротамі *ў мяне ёсць* і *я маю* ў аповесці В. Быкава «Яго батальён», адзначае 55 % выпадкаў структур з дзеясловам *быць* і адпаведна 45 % – з дзеясловам *мець* [6, с. 151–152]. Мяркуем, што тэзіс І. В. Гліннік, які нам падаецца дастаткова верагодным і слушным, патрабуе, аднак, праверкі на больш рэлевантным матэрыяле з большым ахопам аўтараў і прыкладаў. Узнікае пытанне аб колькаснай і якаснай суадноснасці *быць-* і *мець-*канструкцый у сучаснай беларускай мове.

Крэн у бок тыпа *mihi est* назіраецца і ў тэкстах большасці беларускіх СМІ, якія дагэтуль адчуваюць уплыў рускай мовы і рускай культурнай прасторы.

Па нашых назіраннях і папярэдніх падліках, у беларускай фразеалогіі і парэміях, архаічных па сваёй сутнасці, заўважаецца паралельнае ўжыванне разглядаемых зваротаў з нязначнай перавагай канструкцыі *я маю*, што таксама патрабуе асобнага спецыяльнага даследавання.

Суадносіны зваротаў *я маю* і *ў мяне ёсць*

Ці цалкам «дублетныя» ў семантыка-сінтаксічным плане *быць-* і *мець-*канструкцыі ў беларускай мове? Ці заўсёды мажлівая замена зварота *ў мяне ёсць* зваротам *я маю* (і наадварот)?

Звароты *ў мяне ёсць* і *я маю* суадносныя па значэнні [11, с. 213–216]. Аднак поўнай сінаніміі паміж імі няма [10, с. 123]. Поўная ўзаемазамыняльнасць гэтых зваротаў мажлівая толькі ў выпадку выражэння *адчужальнай прыналежнасці*. Гэта не выпадкова, бо самі прэдыкаты *быць* і *мець* «абслугоўваюць» розныя семантыка-сінтаксічныя сферы. Пры гэтым трэба прымаць у разлік той факт, што ў беларускай мове ёсць зварот з мадальным *мець*: *Маю яшчэ шмат зрабіць сёння*. Гэты зварот не мае сіноніма з дзеясловам *быць* [10, с. 126].

А. Я. Міхневіч адзначае, што не заўсёды мажлівая замена зварота *ў мяне ёсць* зваротам *я маю* нават пры выражэнні пасесійных адносін, якія ў традыцыйнай граматыцы разумеюцца дастаткова шырока. Да ўсяго дастаткова часта адбываецца пропуск дзеяслова *ёсць* у цяперашнім часе. Гэта залежыць ад наступных семантыка-сінтаксічных асаблівасцей слоў у пазіцыі пасесума:

1) *адчужальнасць* або *неадчужальнасць* прадмета: *У яго ёсць кніга* – **У яго ёсць твар* (сказ не мае сэнсу, бо кожны чалавек мае твар; сказ набывае сэнс, калі пры назоўніку ў намінатыве ўзнікае абавязковае азначэнне: *У яе прыгожы твар*);

2) *канкрэтнасць* або *абстрактнасць* прадмета: *У мяне ёсць кніга* – *У мяне ёсць надзея*;

3) для *адчужальных* або *абстрактных* назоўнікаў важнай асаблівасцю з’яўляецца іх прыналежнасць або непрыналежнасць да імёнаў з *мадальна-камунікацыйным значэннем*: *жаданне, надзея, думка, просьба* і г. д.;

4) для *адчужальных канкрэтных* імёнаў істотнай прыметаю з’яўляецца *актуалізаванасць* – *неактуалізаванасць* валодання прадметам: *У мяне новы парасон* (актуалізаванае валоданне: «вось тут, зараз, у момант гутаркі») – *У мяне ёсць новы парасон* (неактуалізаванае валоданне: «ёсць наогул, дома»). Пры гэтым звяртае на сябе ўвагу адсутнасць лексемы *ёсць* у выпадках з актуалізаваным валоданнем.

Суадносіны гэтых асаблівасцей знайшлі адлюстраванне ў табл. 2.

Табліца 2

Суадносіны семантыка-сінтаксічных асаблівасцей слоў у пазіцыі пасесума

Table 2

Correlation of semantic-syntactic features of words in the possessum position

Катэгорыя	Абстрактнасць		Канкрэтнасць	
	I Мадальна-камунікацыйнае значэнне	II Немадальна-камунікацыйнае значэнне	III Актуалізаванае валоданне	IV Неактуалізаванае валоданне
Адчужальнасць				
Неадчужальнасць	V		VI	

А. Я. Міхневіч вылучае і падрабязна апісвае шэсць тыпаў фраз, пабудаваных паводле канструкцыі ў мяне ёсць [10; 11, с. 214–216]. Звядзём разважанні вучонага ў табліцу для зручнасці далейшага аналізу (табл. 3).

Табліца 3

Тыпы фраз з улікам мадальна-камунікацыйнага значэння і актуалізаванага валодання

Table 3

Types of phrases taking into account modal-communicative meaning and actualised ownership

№	Пасесум (селекцыйныя прыметы)	Лексіка- тэматычная група	Наяўнасць прэдыката ёсць	Наяўнасць абавязковага азначэння	Наяўнасць сінанімічнай канструкцыі з дзеясловам маю	Прыклады
I.	+Адчужальны +Abstr	Мадальна- камуніка- цыйнае значэнне	+	—	+	У мяне ёсць <u>намер</u> пайсці сёння ў <u>тэатр</u> Ці ёсць у цябе <u>жаданне</u> <u>дапамагчы</u> ? Ёсць яшчэ ў старога <u>надзея</u> <u>пабачыць сына</u> У мяне ёсць <u>просьба</u> да яго Ёсць у маці <u>слова</u> да нас У цябе на ўсё ёсць <u>адказ</u> !
II.	+Адчужальны +Abstr	Немадальна- камунікацый- нае значэнне	—	—	— (Маю і часце бачыць вас – мадальнае значэнне)	У нас вялікая <u>радасць</u> : дачка нарадзілася!! Не чапай яго, у яго <u>бядка</u>
III.	+Адчужальны +Concr +Актуалізава- нае валоданне	‘зараз, у момант гутаркі’	—	—	+	А ў нас <u>новая настаўніца</u> * Ну, <u>Толік</u> , вось і ў цябе <u>веласіпед</u> ! У мяне <u>цудоўная кватэра</u> . У мяне <u>лекцыя</u> сёння ва універсітэце Мама, паглядзі, у <u>Колі</u> <u>жывы</u> <u>шпак</u> ! У <u>Мікіты</u> <u>брат</u> на <u>поўначы</u> * У мяне ў <u>вёсцы</u> <u>маці з сястрой</u> *
IV.	+Адчужальны +Concr –Актуалізава- нае валоданне	‘увогуле’	+	—	+	У нас у школе ёсць <u>новая</u> <u>настаўніца</u> * <u>Толік</u> , у цябе ёсць <u>веласіпед</u> ? У мяне ёсць <u>кватэра</u> ў <u>Брэсце</u> У яго ёсць <u>машына</u> У гэтым годзе ў мяне ёсць <u>лекцыя</u> ва <u>універсітэце</u>
V.	–Адчужальны +Abstr		—	+	+	У дзядулі <u>мяккі характар</u> <u>Душа</u> ў яе сапраўды <u>чулая</u>
			+	—	+	Ёсць у нас <u>характар</u> ! (значэнне станоўчай якасці) Няма ў яго <u>душы</u> ! (значэнне адмоўнай якасці)
VI.	–Адчужальны +Concr	Частка – цэ- лае; часткі цэла; тэрміны роднасці – сваецтва і інш.	—	+	+	У <u>хаты</u> <u>страха</u> <u>старая</u> У <u>дрэва</u> <u>пажоўклае лісце</u> У <u>Апанаса</u> <u>чырвоны твар</u> У <u>генерала</u> <u>сівыя скроні</u> У мяне <u>бацька</u> <u>стары ўжо</u>

У жывой мове могуць сустракацца адступленні ад апісаных заканамернасцей, абумоўленыя кантэкстам і рознымі стылістычнымі фактарамі.

Такім чынам, як даказаў А. Я. Міхневіч, селекцыйныя катэгорыі *адчужальнасць/неадчужальнасць* і *канкрэтнасць/абстрактнасць* з'яўляюцца ключавымі ў семантыка-сінтаксічнай інтэрпрэтацыі сінанімічных зваротаў *у мяне ёсць* і *я маю*. Аднак фактычны матэрыял паказвае, што для больш дакладнага аналізу пасесіўнага патэнцыялу і ўзаемазмяняльнасці гэтых канструкцый варта ўлічваць таксама і такія селекцыйныя прыметы, як *адушаўлёнасць/неадушаўлёнасць, персанальнасць/неперсанальнасць*.

У традыцыйнай граматыцы пасесіўнасць разумеецца дастаткова шырока. У склад пасесіваў уключаюцца элементы, што абазначаюць не толькі ўласна прыналежнасць або валоданне, але і некаторыя іншыя адносіны, звязаныя пераважна з выражэннем *неадчужальнай прыналежнасці*: напрыклад, 'быць часткай цэлага', 'быць у пэўных сваяцкіх (службовых і г. д.) адносінах да каго-небудзь'. Гэты шырокі падыход да пасесіўнасці не можа задаволіць сучасную сінтаксічную навуку, таму што не ўсе фармальныя сродкі, прызнаныя традыцыйнай граматыкай за пасесівы, з'яўляюцца такімі [2; 9; 18]. Патрэбна больш дакладная кваліфікацыя разглядаемых канструкцый. У сувязі з гэтым прапануем адрозніваць:

1. Уласна пасесіўныя структуры, звязаныя з выражэннем *адчужальнай прыналежнасці*: *Зямля ў цябе ёсць?* (П. Пестрак); *А даўней тры пары ботаў у нас было на ўсё сяло* (Я. Колас); *У мяне ёсць стары, яшчэ бацькаўскі, капітал...* (К. Чорны); *Уяўляеш, у яго ёсць чорнае паліто* (А. Глобус); *Збегаю ў камок – грошы ў мяне ёсць* (А. Бароўскі); *Ён меў нават свой уласны домік* (М. Лынькоў); *Ён меў цэлыя тры гектары* (Я. Маўр); *Ён меў на гэтай пасадзе персанальную машыну* (В. Шыдлоўскі); *На той вайне ён меў каштоўнасцей на цэлы маёнтак* (К. Чорны) і інш. Найбольш істотным пры выражэнні ўласна пасесіўных адносін будзе наступны набор селекцыйных абмежаванняў: *адчужальны аб'ект* – канкрэтны – *неадушаўлены/адчужальны аб'ект* – канкрэтны – *адушаўлены* – *неперсанальны*. І перш за ўсё гэта тычыцца катэгарыяльна-семантычных прымет [+Concr], [–Anim], бо сема 'прадмет валодання, маёмасць' знаходзіцца ў прэсупазіцыі значнай колькасці *канкрэтных неадушаўлёных імёнаў* [9, с. 209].

2. Квазіпасесіўныя структуры, што выражаюць іманентную, уяўную, не аддзялімую ад «нібы яе ўладальніка» *неадчужальную прыналежнасць*: *Цяпер у мяне ёсць жонка, трое дзяцей* (А. Крэйдзіч); *У мяне ўжо 29-ы спектакль і ўпершыню на беларускай літаратуры* (ЛІМ); *Так, Уладак, я меў дзяўчыну, хацеў ажаніцца сёлета* (Я. Брыль); *Рукі ён меў залатыя* (Дзеяслоў) і інш. Прыклады квазіпасесіўных структур тычацца перш за ўсё разнастайных варыянтаў сувязі паміж *цэлым* і *часткай* і суадносяцца з такімі *неадчужальнымі* паняццямі, як *частка* – *цэлае* [+Concr], *часткі цэла* [+Anim], адносіны роднасці – сваяцтва [+Pers], *сяброўскія адносіны* [+Pers], *службовыя адносіны* [+Pers], *жывая істота* – *хвароба* [+Anim], *творца* – *твор* [+Pers] і інш. Сюды ж трапляюць і такія «духоўныя арыенціры Асобы», як *Радзіма, мова, Бог, вера* і пад.

3. Апасесіўныя структуры, увогуле не звязаныя з выражэннем прыналежнасці: *Лес любіў спакой, у яго ёсць важныя думкі, мары* (Я. Колас); *У нас ёсць свой лад жыцця* (В. Быкаў); *У нас ёсць невялічкія сумненні* (С. Бязлепкіна); *У яе ёсць нейкі свой клопат* (Я. Сіпакоў); *Ты наўная, добрая, у цябе ёсць будучыня* (Л. Адамовіч); *А чаму не? Час у мяне ёсць* (У. Караткевіч); *Поспехі ён меў слабыя* (К. Чорны); *Яны маюць шанец дабіцца цалкам адмоўнай рэакцыі* (Звязда); *Яны маюць іншы погляд на гэтае пытанне* (Звязда); *Я меў смагу, і вы напалі мяне* (В. Быкаў) і інш. Перш за ўсё абмежаванні тут тычацца катэгарыяльна-семантычнай прыметы [+Adchужальны; +Abstr].

Як бачым, спалучальнасць прэдыкатаў валодання *быць* і *мець* выходзіць за межы ўласна пасесіўных адносін. Паміж імі няма фармальнай розніцы: яны характарызуюцца аднолькавымі сродкамі выражэння, аднак маюць істотныя адрозненні ў плане зместу. Розніцу ў семантыцы ўласна пасесіўнай і квазіпасесіўнай структур можна выявіць праз **прыём трансфармацыі**. Так, уласна пасесіўныя структуры можна замяніць сінанімічнымі канструкцыямі з дзеясловам *належаць*: *Міхась мае дом* ↔ *Дом належыць Міхасю*. Такія трансфармацыі не з'яўляюцца магчымымі ў адносінах да квазіпасесіўных структур: *Алесь мае кашаль* – **Кашаль належыць Алесю*. Прыём трансфармацыі дзейсны і ў дачыненні да вызначэння апасесіўных структур.

Калі ж дзеясловы *быць*, *мець* спалучаюцца з актантамі, пазначанымі селекцыйнай катэгорыяй [+Abstr], то яны не могуць лічыцца **прэдыкатамі адносін (рэлятыўнымі прэдыкатамі)**, а павінны кваліфікавацца як **прэдыкаты квалітатыўных прапазіцый**, што абазначаюць 'мець якія-небудзь якасці, уласцівасці'. Параўн.: *Лічылася, што ён мае незвычайную сілу* (ён – **моцны**); *У старэйшай дачкі было такое характэрнае* вобліку, калі нічога не дадасі і нічога не напавіш (дачка – **прыгожая**).

Тое ж у пэўнай ступені тычыцца і спалучальнасці пасесіўных дзеясловаў з неадчужальнымі актантамі, што абазначаюць **часткі цэла чалавека**. Параўн.: **Вольга мае валасы, ногі, рукі, нос, вусны* і г. д. У прэсупазіцыі такіх імёнаў ёсць указанне на тое, што гэта ўласціва любому чалавеку. Таму актанта павінны быць

трабують абавязковага ўдакладнення праз указанне на іх якасці/уласцівасці: *Вольга мае доўгія валасы, вялікія вочы, прыгожыя вусны*. Іншымі словамі, вяршынным прэдыкат валодання ўтрымлівае ў сабе квалітатыўную прапазіцыю, і таму сам павінен лічыцца **пасесіўна-квалітатыўным**.

Ніжэй прыводзіцца дапрацаваная намі схема А. Я. Міхневіча з улікам селекцыйных катэгорый $\pm$ Адчужальны; +Concr / +Abstr; $\pm$ Anim; $\pm$ Pers (табл. 4).

Табліца 4

Типы фраз з улікам селекцыйных катэгорый [$\pm$ Адчужальны; +Concr / +Abstr; $\pm$ Anim; $\pm$ Pers]

Table 4

Types of phrases based on selective categories [$\pm$ Alienable; +Concr / +Abstr; $\pm$ Anim; $\pm$ Pers]

№	Пасесум / селекцыйныя прыметы	Лексіка-тэматычная група / селекцыйная прымета	Прыклады
Уласна пасесіўныя структуры Прэдыкат адносін / пасесіўны прэдыкат			
1.	+Адчужальны +Concr –Anim	Аб’екты нежывой прыроды	<i>Я не самотны, я кнігу маю ...</i> (М. Багдановіч)
2.	+Адчужальны +Concr +Anim –Pers	Жывёла	<i>Нават конь у яго ёсць!</i> (Л. Дайнека)
Квазіпасесіўныя структуры Пасесіўна-квалітатыўны прэдыкат			
1.	–Адчужальны +Concr	Частка – цэлае	<i>У хаты старая страхы</i> (А. Міхневіч)
2.	–Адчужальны +Concr +Anim	Часткі цела; жывая істота – хвароба	<i>...Пазайздросціла гэтай птушцы, што ў яе ёсць крылы і яна можа лятаць</i> (С. Грахоўскі)
3.	–Адчужальны +Concr +Anim +Pers	Тэрміны роднасці – сваяцтва Сяброўскія адносіны Службовыя адносіны Творца – твор	<i>У цябе ёсць знаёмыя мастакі?</i> (В. Супрунчук)
4.	–Адчужальны +Abstr		<i>У нашых людзей сёння добры настрой</i> (А. Міхневіч)
5.	–Адчужальны +Abstr	Радзіма, мова Бог, вера	<i>Светлая, рамантычная, кранальная, трапяткая, пяшчотная, але і нязломная, нягледзячы на ўсе накіраваныя трагедыі, Радзіма ў Караткевіча (і, значыць, ва ўсіх нас) такая, што не любіць яе нельга – да самазабыцця, нельга не ганарыцца ёй, яна не адпускае...</i>
Апасесіўныя структуры Квалітатыўны прэдыкат			
1.	+Адчужальны +Abstr	Мадальна-камунікацыйнае значэнне	<i>Дык цяпер у цябе ёсць магчымасць абысціся без параўнанняў</i> (А. Крэйдзіч)
2.	+Адчужальны +Abstr	Немадальна-камунікацыйнае значэнне	<i>Да гэтага часу ён меў дачыненне пераважна з адміністрацыяй калгаса</i> (Я. Колас)

Культурна-прагматычная «аўра» прыналежных займеннікаў

Так званыя пасесівы выконваюць, паводле А. К. Кіклевіча, функцыю аператараў ніжэйшага ўзроўню, якія актуалізуюць адзін з актантаў пасесіўнай прапазіцыі, залежнай ад прапазіцыі вяршыннага прэдыката. Часцей за ўсё гэта тычыцца актанта *акцыянальнай, рэляцыйнай і квалітатыўнай прапазіцыі*. Так,

напрыклад, колькасць прыналежных займеннікаў, што выражаюць уласна пасесіўную семантыку, складае ўсяго 4,6 % [9, с. 208; 18, с. 125–131].

У маўленні прыналежных займеннікі *мой, наш, твой, ваш* і іншыя набываюць пэўную сукупнасць «дадатковых» пераносных значэнняў, абумоўленых камунікатыўнымі фактарамі, якую Б. Ю. Норман называе *культурна-прагматычнай «аўрай»* [13, с. 605]. Дзякуючы такім культурна-прагматычным кантатацыям, куды ўваходзіць *ацэнная, маральна-этычная, эмацыянальна-экспрэсіўная інфармацыя*, прыналежных займеннікі набываюць незайменнікавыя рысы, якія дазваляюць ім вылучацца з ліку займеннікавых слоў сваім «напоўненым» лексічным значэннем. Пры гэтым функцыянаванне прыналежных займеннікаў звязана з выражэннем апасесіўнай семантыкі. Нагадаем, што самі па сабе займеннікі не называюць прадметы, прыметы прадметаў, а ўказваюць на іх. Такім чынам, іх «пустое» лексічнае значэнне канкрэтызуецца толькі ў пэўным кантэксце. Аднак «напаўненне» канкрэтным зместам прыналежных займеннікаў тыпу *мой, наш* адбываецца не за кошт вяртання да папярэдняга кантэксту (як, напрыклад, у выпадку з асабовымі займеннікамі), а за кошт «падключэння» да *нацыянальна-культурнага коду (вертыкальны кантэкст)*. Параўн.: *І тая [Ванда], патрымаўшы кнігу ў руках, напярочыла вяртаньне нам нашага Крыжа* (Наша Ніва. 1999. 9 жн.), дзе словаспалучэнне *наш Крыж* павінна разумецца як «Крыж Еўфрасінні Полацкай, які з'яўляецца галоўнай нацыянальнай рэліквіяй беларусаў».

Найчасцей такую пазатэкставую «нацыянальна-культурную» інтэрпрэтацыю прыналежных займеннікі атрымліваюць у загаловках, дзе, як вядома, у згорнутым выглядзе адлюстроўваецца ўвесь тэкст. Параўн.: *Наша Станюта* (Звязда. 2000. 1 студз.); *Кахай сваё* (Наша Ніва. 1999. 15 лістап.); (ARHE. 1999); *Пабужжа наша і ня наша*² (Наша Ніва. 1999. 16 жн.); *Выстава нашага мастацтва* (Наша Ніва. 2000. 10 студз.). Займеннікі актуалізуюць тут не якую-небудзь адну (апасесіўную) прапазіцыю, а ўвесь тэкст цалкам, падмацоўваючы нацыянальна-культурнае «гучанне» так званых пасесіваў канкрэтным зместам усяго тэксту. Так, у загаловку «Наша Станюта» займеннік *наша* разумеецца як «славутая прадстаўніца, вобраз Беларусі», што можна пацвердзіць наступнымі словамі з самога тэксту: *Вылучыўшы асобную намінацыю «жанчына стагоддзя», мы найперш хацелі даведацца, якім уяўляюць нашы чытачы вобраз Беларусі ў жаночай сутнасці за апошнія сто гадоў. Карціна атрымалася наступная. Наша краіна ў дваццатым стагоддзі – гэта найперш Стэфанія Станюта, народная артыстка СССР, нязменная на працягу дзесяцігоддзяў «прыма» Купалаўскага тэатра* (Звязда. 2000. 1 студз.).

Заклучэнне

Адказваючы на пытанне, зададзенае ў загаловку артыкула, можна канстатаваць, што абодва варыянты прымальныя для беларускай мовы. Гэтыя два галоўныя беларускія дзеясловы суіснавалі і заўсёды будуць суіснаваць, утвараючы гнасеалагічную пару паняццяў. Параўн.: *быць – значыць, мець*. Сапраўды, ты ёсць, калі нешта маеш: *Пакуль іншыя народы прырасталі здабыткамі, мы мацаваліся стратамі. І цяпер мы багатыя на «няма»...* (В. Акудовіч). А таму слушна і адваротнае: *мець – значыць, быць*. Асабліва актуальна гэта гучыць для прадстаўнікоў тытульнай нацыі на Беларусі і для нацыянальнай культуры.

Паралельнае функцыянаванне ў беларускай мове дзвюх пасесіўных канструкцый – яшчэ адна характэрная рыса беларускага сінтаксісу. На яе не звяртаецца ўвага ў шматлікіх даведніках па супастаўляльнай граматыцы беларускай і рускай, а таксама беларускай і польскай моў. Прыемнае выключэнне з правіла – «Руска-беларускі размоўнік» А. Я. Міхневіча [12].

Як неаднаразова адзначалася ў нашых публікацыях, *спецыфіка беларускага сінтаксісу на агульнаславянскім фоне – у сінкрэтызме* (суіснаванні ўласна беларускага і агульнаславянскага). А. Я. Супрун зазначаў, што беларуская літаратурная мова знаходзіцца паміж двума моўнымі арэаламі – *Slavia Orthodoxa* і *Slavia Latina* [15]. Наяўнасць у сучаснай беларускай літаратурнай мове дзвюх «пасесіўных» канструкцый – яшчэ адзін прыклад на карысць канцэпцыі славутага вучонага-славіста.

Бібліяграфічны спасылкі

1. Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке. В: Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс; 1974. с. 203–224.
2. Важнік СА. Катэгорыя пасесіўнасці ў кантрастыўным аспекце (польска-беларускія паралелі). У: Кіклевіч АК, рэдактар. *Паланістыка*. 1999;1999:105–121.
3. Важнік СА. *Кантрастыўны сінтаксіс польскай і беларускай моў: семантыка і дыстрыбуцыя дзеяслоўнага прэдыката*. Мінск: Права і эканоміка; 2008. 492 с.
4. Вячорка В. Каралёва Бона, ейны муж і Пітагорава тэарэма. Беларуская мова – за прыватную ўласнасць на ўсё. *РС*. 2016:190–202.

²Прыклад прыводзіцца з захаваннем арыгінальнай арфаграфіі.

5. Вячорка В. «Я маю» ці «ў мяне ёсць»? Пра беларускі індывідуалізм і калектывізацыю ў мове. *РС*. 2017;221–229.
6. Гліннік ІВ. Дзеясловы *мець* і *быць* у сістэме сродкаў выражэння пасесіўнасці ў беларускай і польскай мовах. В: Головня АИ, редактор. *Карповские научные чтения. Выпуск 5. Часть 2*. Минск: БГУ; 2011. с. 148–152.
7. Журина МА. Посесивность. В: Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1990. с. 388–389.
8. Карский ЕФ. *Белорусы. Выпуск 3*. Москва: Издательство АН СССР; 1956. с. 413–414.
9. Киклевич АК. Об индексальных выражениях с семантикой посесивности (на материале русского и немецкого языков). В: Белорусский государственный университет. *Славяно-германские языковые параллели*. Минск: БГУ; 1996. с. 190–212.
10. Міхневіч АЯ. Сінанімія зваротаў у мяне ёсць – я маю ў беларускай мове. У: Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт. *Беларуская мова і літаратура ў вну*. Брэст: Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт; 1971. с. 123–126.
11. Міхневіч АЯ. Селекцыйная катэгорыя «адчужальнасць / неадчужальнасць». У: Міхневіч АЯ. *Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка; 1976. с. 201–220.
12. Михневич АЕ. *Русско-белорусский разговорник*. Минск: Вышэйшая школа; 1991. 211 с.
13. Норман БЮ. О притяжательных местоимениях в славянских языках. *Slavia Orientalis*. 1999;LVIII(4):599–616.
14. Плунгян ВА. Сравниваем предложения. В: Плунгян ВА. *Почему языки такие разные. Популярная лингвистика*. Москва: АСТ-Пресс; 2020. с. 178–200.
15. Супрун АЯ. Беларуская літаратурная мова: паміж Slavia Orthodoxa і Slavia Latina. У: Сямешка ЛІ, рэдактар. *Мова – Літаратура – Культура. Частка 1*. Мінск: БДУ; 1999. с. 21–24.
16. Атраховіч КК, рэдактар. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Том 1*. Мінск: БелСЭ; 1977. с. 431–432.
17. Лукашанец АА, рэдактар. *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 1996. с. 99, 344.
18. Kiklewicz A. Czy w języku polskim istnieją zaimki dzierżawcze. *Prace Filologiczne*. 1997;XLII:121–133.

References

1. Benveniste E. [The verbs «to be» and «to have» and their functions in the language]. In: Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress; 1974. p. 203–224. Russian.
2. Vazhnik SA. [The category of passivity in the aspect of contrastive (Polish-Belarusian parallels)]. In: Kiklevich AK, editor. *Palanistyka*. 1999;1999:105–121. Belarusian.
3. Vazhnik SA. *Kantrastywny syntaksis polskaj i bielaruskaj mow: sjemantyka i dystrybucyja dzejaslovnaga predykata* [Contrastive syntax of Polish and Belarusian languages (semantics and distribution of the verbal predicate)]. Minsk: Prava i ekanomika; 2008. 492 p. Belarusian.
4. Vjachorka V. [The Queen Bona, her husband, and the Pythagorean theorem. Belarusian language – for private ownership of everything]. *RS*. 2016:190–202. Belarusian.
5. Vjachorka V. [«Ja maju» or «u mjanje jos’c’»? About Belarusian individualism and collectivisation in the language]. *RS*. 2017:221–229. Belarusian.
6. Glinnik IV. [The verbs «to be» and «to have» in the system of means of expressing possessiveness in the Belarusian and Russian languages]. In: Golovnya AI, editor. *Karpovskie nauchnye chtenija. Vypusk 5. Chast’ 2* [Karpov scientific readings. Issue 5. Part 2]. Minsk: Belarusian State University; 2011. p. 148–152. Belarusian.
7. Zhurinskaya MA. [Possessiveness]. In: Yartseva VN, editor. *Lingvistichieskii entsiklopedichieskii slovar’* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1990. p. 388–389. Russian.
8. Karskii EF. *Belorusy. Vypusk 3* [The Belarusians. Issue 3]. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR; 1956. p. 413–414. Russian.
9. Kiklevich AK. [About indexal expressions with the semantics of possessiveness (based on the material of the Russian and German languages)]. In: Belarusian State University. *Slavyano-germanskie yazykovye paralleli* [Slavic-Germanic language parallels]. Minsk: Belarusian State University; 1996. p. 190–212. Russian.
10. Mihnjevich AJa. [Synonymy of phrases u mjanje jos’c’ – ja maju in the Belarusian language.]. In: Brest State University. *Bielaruskaja mova i litaratura w vnu* [Belarusian language and literature in higher educational establishments]. Brest: Brest State University; 1971. p. 123–126. Belarusian.
11. Mihnjevich AJa. [Selective category «rejection / non-rejection»]. In: Mihnjevich AJa. *Prabljemy sjemantyka-sintaksichnaga dasljedavannja bielaruskaj movy* [The problems of the semantic-syntactic study of the Belarusian language]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1976. p. 201–220. Belarusian.
12. Mikhnevich AYa. *Russko-bielorusskii razgovornik* [Russian-Belarusian phrasebook]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1991. p. 211. Russian.
13. Norman BYu. [About possessive pronouns in Slavic languages]. *Slavia Orientalis*. 1999;XLVIII(4):599–616. Russian.
14. Plungyan VA. [Compare offers]. In: Plungyan VA. *Pochiemu yazyki takie raznye. Populyarnaya lingvistika* [Why the languages are so different? Popular linguistics]. Moscow: AST-Press; 2020. p. 178–200. Russian.
15. Suprun AJa. [Belarusian literary language: between Slavia Orthodoxa and Slavia Latina]. In: Sjameshka LI, editor. *Mova – Litaratura – Kultura. Chastka 1* [Language – Literature – Culture. Part 1]. Minsk: Belarusian State University; 1999. p. 21–24. Belarusian.
16. Atrahovich KK, editor. *Tlumachalny slovník bielaruskaj movy. Tom 1* [Explanatory dictionary of the Belarusian language. Volume 1]. Minsk: Bjelaruskaja saveckaja encyklopedyja; 1977. p. 431–432. Belarusian.
17. Lukashanec AA, editor. *Tlumachalny slovník bielaruskaj litaraturnaj movy* [Explanatory dictionary of the Belarusian literary language]. Minsk: Bjelaruskaja encyklopedyja; 1996. p. 99, 344. Belarusian.
18. Kiklewicz A. Czy w języku polskim istnieją zaimki dzierżawcze. *Prace Filologiczne*. 1997;XLII:121–133.

ВЗГЛЯД НА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ВИД УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т. П. БЕЦЕНКО¹⁾

¹⁾Сумской государственный педагогический университет им. А. С. Макаренко,
ул. Роменская, 87, 40002, г. Сумы, Украина

Предпринята попытка рассмотреть специфику лингвокультурологического анализа художественного текста. Выяснено содержание этой разновидности работы с текстом, определены цели и задачи, представлен алгоритм анализа. Обоснованы составляющие лингвокультурологического анализа. Лингвокультурологический анализ художественного произведения осмыслен в аспекте его народоведческих, этнографических, фольклорных связей. Предложены подготовительные упражнения, предшествующие лингвокультурологическому разбору художественного текста. Необходимость использования лингвокультурологического анализа художественного текста в учебной деятельности обусловлена современными проблемами мирового значения. В связи с активными контактами представителей различных этносов появилась потребность во взаимопонимании, взаимопроникновении, взаимоуважении и изучении традиций, обычаев, обрядов близких и отдаленных в родстве этносов. Источником познания в этом случае являются художественные произведения. Для того, чтобы постичь культурное наследие других народов, считаем необходимым изучать и понимать их материальные и культурные ценности на примере лингвокультурологического анализа произведений художественного творчества.

Ключевые слова: алгоритм лингвокультурологического анализа текста; народоведение; языковые уровни анализа текста; лингвокультура; культурная сема; культурная коннотация; культурно маркированная единица; знак этнокультуры; национальная картина мира; этнографизм; народно-поэтический символ; культурно-эстетический знак национальной культуры.

VIEW AT THE LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE ARTISTIC TEXT AS A KIND OF LEARNING ACTIVITY IN THE SYSTEM OF MODERN HUMANITIES EDUCATION

T. P. BETSENKO^a

^aSumy State Pedagogical University named after A. S. Makarenko,
87 Romenska Street, Sumy 40002, Ukraine

The article presents an attempt to consider the specifics of the linguoculturological analysis of a literary text. The content of this kind of work with the text is clarified, the goals and objectives are determined, the analysis algorithm is presented. The components of the linguoculturological analysis have been substantiated. The linguoculturological analysis of a work of art is comprehended in the aspect of its national studies, ethnographic, folklore ties. Preparatory exercises

Образец цитирования:

Беценко Т.П. Взгляд на лингвокультурологический анализ художественного текста как вид учебной деятельности в системе современного гуманитарного образования. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:14–21.

For citation:

Betsenko T.P. View at the linguoculturological analysis of the artistic text as a kind of learning activity in the system of modern humanities education. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:14–21. Russian.

Автор:

Татьяна Петровна Беценко – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры украинского языка и литературы.

Author:

Tatiana P. Betsenko, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Ukrainian language and literature.
tpb2016@ukr.net

preceding the linguoculturological analysis of the literary text are proposed. The need to use the linguoculturological analysis of a literary text in educational activities is due to modern problems of world importance. In connection with the active contacts of representatives of different ethnic groups, there is a need for mutual understanding, interpenetration, mutual respect and study of traditions, customs, rituals of closely related and distant ethnic groups. The source of knowledge in this case are works of art. In order to comprehend the cultural heritage of other peoples, we consider it necessary to study and understand their material and cultural values on the example of the linguocultural analysis of works of art.

Keywords: algorithm for linguoculturological analysis of text; ethnology; language levels of text analysis; linguocultural concept; cultural seme; concept of culture; culturally marked unit; sign of ethnoculture; national world picture; ethnographism; folk-poetic symbol; cultural and aesthetic sign of national culture.

Введение

Лингвокультурология – отрасль языкознания, изучающая проявления культуры народа в его языке и речевой деятельности, способы, средства и формы, с помощью которых «язык сохраняет в лингвокультурах элементы культуры и передает их через тексты в общественную языковую практику» [1, с. 61]. Культура при этом мыслится как образ жизни народа, его духовно-материальная реальность. Лингвокультурология пересекается с лингвофольклористикой, этнолингвистикой, лингвострановедением, лингвосомиотикой и т. п., а также с этнографией, этнологией, страноведением, мифологией, культурологией, этикетом, религиоведением и др.

Вопрос связи культуры народа и его языка рассматривался уже в XIX в. в сравнительно-историческом языкознании (Я. Гримм, Ф. Буслаев, И. Гердер и др.), психологическом направлении лингвистики (В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, Г. Пауль, А. Потебня, К. Бюлер и др.), в XX в. – в неогумбольдтианстве, лингвострановедении, этнопсихолингвистике и др. Сегодня вопросами лингвокультурологии в Украине занимаются С. Я. Ермоленко, В. Жаворонок, В. Калашник, Л. Мацько, Е. Селиванова, в России – Н. Арутюнова, В. Костомаров, Ю. Степанов, Т. Толстая, Н. Толстой, в Беларуси – В. Маслова, в Польше – А. Вежбицкая, Е. Бартминский. Вопрос о необходимости разработки методики лингвокультурологического анализа художественного текста подняла академик Л. Мацько. По ее мнению, «лингвокультурологический анализ художественного текста предполагает хорошую общелингвистическую ориентацию в тексте и требует знания теоретических основ лингвокультурологии, ее методологии и методики анализа основных понятий лингвокультурологии: лингвокультурный концепт, национальная лингвокультурная ментальность, лингвокультурема, культурная сема, культурная коннотация, культурный фон, культурное пространство, культурная традиция, культурное наследие, культурная парадигма» [1, с. 61]. Л. Мацько обозначила основные направления (составляющие) лингвокультурологического анализа художественного текста.

Сегодня в связи с активным взаимодействием представителей различных этносов возникла проблема социокультурной важности: появилась потребность во взаимопонимании, взаимопроникновении, взаимоуважении и изучении традиций, обычаев, обрядов близких и отдаленных в родстве этносов. Источником познания в этом случае являются, в первую очередь, художественные произведения. Поэтому для постижения культурного наследия других народов считаем необходимым изучить и понять их способ мышления, специфику быта, духовно-материального строя на примере лингвокультурологического анализа произведений художественного творчества.

Цель статьи – охарактеризовать содержание, цели и задачи, выявить специфику и этапы лингвокультурологического анализа художественного текста как вида учебной деятельности, как разновидности работы с текстом, как способа понимания иной картины мира, соотносимой с определенным этносом.

Понятие лингвокультурологического анализа художественного текста

Лингвокультурологический анализ художественного текста заключается в выявлении разноуровневых языковых единиц, непосредственно указывающих на народно-языковую, лингвоэтническую, страноведческую среду (источник) их возникновения и существования, рассмотрение языковых средств обозначения этнической действительности, имеющих четко выраженную национальную окраску, ориентирующих на этноидентификацию воспроизводимых реалий и служащих маркерами национальной картины мира; в установлении культурной (народоведческой) семантики разноуровневых лингвоединиц и их соотносительности с определенным этносом; в выяснении народоведческого характера сообщаемой в тексте информации; в поиске и описании особенностей реализации в тексте ментальности говорящего или автора.

Лингвокультурологический разбор можно оформлять в виде связного текста или отдельных ответов на вопросы, которые заданы в алгоритме.

Указанный вид учебной деятельности предполагает наблюдение, анализ и описание текста с позиций его лингвокультурной сущности, т. е. с учетом того, как, каким способом, с помощью каких языковых единиц рассматриваемый текст соответствует определенной культуре, значит, является ее отображением. Например, для анализа можно взять отдельные тексты японских, китайских, арабских, туркменских, азербайджанских, турецких, вьетнамских и других писателей. Интерес также представляют произведения, в которых отображена определенная картина мира с точки зрения иноземцев или представителей другой этнокультуры (например, произведения Дж. Ф. Купера, М. Рида, Т. Хейердала, авторов произведений об индейцах, роман В. Пикюля о японской действительности «Три возраста Окини-сан» и др.).

В каждом отдельном случае лингвокультурологический разбор – это путь постижения другой системы ценностей, отличной действительности с иными приоритетами. Это интересный и увлекательный способ познания и намерения понять другую культурную среду, мировоззрение и духовные величины носителей культуры. На наш взгляд, сегодня у всех людей планеты так или иначе возникает необходимость увидеть, заметить и постичь отличный от своего способ мышления, другие видение мира и сознание. Этому будет способствовать такой вид деятельности, как лингвокультурологический анализ. В ходе выполнения подобной работы возникает возможность познавать, сравнивать, делать обобщающие выводы о сущности и предназначении человека на земле, его месте в макропространстве.

Цель, задачи, объект и предмет лингвокультурологического анализа художественного текста

Цель лингвокультурологического анализа художественного текста нам видится в целенаправленном выявлении, анализе и описании разноуровневых языковых единиц, соотнесенных с определенным этнокультурным пространством, которые, в свою очередь, являются характерным признаком народного (этнического) континуума, его духовно-материальной действительности, имеют народно-языковой (этноязыковой) колорит, создают культурный фон текста, а значит, идентифицируют его с конкретным этнокультурным бытием, обеспечивают воспроизведение национальной картины мира и выступают культурно-эстетическими знаками национальной культуры.

Задачи лингвокультурологического анализа художественного текста следующие:

- выявить идейно-тематическую направленность текстовой информации в аспекте ее этнокультурной аргументации;
- охарактеризовать общий культурный фон, представленный в тексте, установить соотнесенность текста с определенной культурой, этносоциумом, что реализует культурную действительность в названиях предметов духовно-материальной природы, мотивировать с точки зрения традиций определенной культуры образную сюжетную канву текста, персонажей и образы как составляющие этнодействительности, выявить языково-культурный феномен текста с позиций ментальности автора в контексте эпохи;
- осмыслить стилевую и жанровую принадлежность текста с точки зрения этнокультурной, культурно-языковой, языково-эстетической действительности, национальных художественных традиций, культурно-эстетических установок, норм;
- познать языково-культурное своеобразие текста с учетом сферы общения и ситуации, на которую он ориентирован, его функций, фактора адресата, типа мышления, формы и типа речи;
- доказать лингвокультурную принадлежность текста на основе анализа его разносистемной языковой организации, выявить средства и способы воспроизведения культуры (этнодействительности) на примере описания языкового материала, наблюдаемого в тексте;
- установить разноуровневые языковые единицы, связанные с определенным культурным, лингвокультурным, народно-бытийным, народоведческим контекстом, которые способствуют воспроизведению этнодействительности в тексте, классифицировать и описать лингвокультураны, охарактеризовать лингвокультураны с учетом этимологических, культурно-семантических, стилевых и стилистических сведений;
- рассмотреть культурно-эстетические знаки национальной культуры, зафиксированные в тексте, как факты интеллектуально-образной деятельности, как показатели творческого духа художника;
- обосновать вес лингвокультурных единиц в плане формирования культурно-этнической картины мира в художественном произведении;
- осознанно воспринять лингвокультурные единицы, использованные в тексте, как факты культурно-мыслительной деятельности индивида, показатели освоения им окружающей среды – родной или иностранной, осмыслить мастерство авторского изображения этнокультурного континуума на примере актуализации соответствующего языкового материала, охарактеризовать умение художника представить лингвокультурную действительность в художественном произведении, доказать решающее значение языковой субстанции в создании или воспроизведении определенного фона этнодействительности;

- мотивировать эмоциональный колорит текста, соотнося его эстетику с этнокультурной речевой этической и речевой этикетной традицией отдельной культуры.

Объектом лингвокультурологического анализа художественного текста считаем языково-культурный феномен организации текста как разноуровневой разноаспектной целостности, который является фрагментом этнобытия, фактом этнодействительности, реальностью духовно-материальной жизнедеятельности индивида (автора, персонажа и т. д.), предметом – анализ разноуровневых языковых единиц, соотносённых с определённым этнокультурным социумом, которые выступают характерными составляющими его культурно-бытовой действительности, служат созданию необходимого культурного фона текста [2].

Предлагаемый вид интеллектуально-творческой деятельности относим к разновидности филологического анализа текста, который также объединяет его лингвостилистический анализ.

Алгоритм лингвокультурологического анализа художественного текста

Для успешного выполнения лингвокультурологического анализа текста необходимо усвоить соответствующие термины и оперировать следующими понятиями: *лингвокультурема, культурная сема, культурная коннотация, культурный фон, концепт культуры, культурно маркированная единица*, а также *знак этнокультуры, национальная картина мира, этнографизм, фольклористика, народно-поэтический символ, культурно-эстетический знак национальной культуры* и др.

Схема лингвокультурологического анализа художественного текста базируется на единстве его идеи, содержания, языковой материи (языкового фона, стилевых и стилистических черт), которые имеют непосредственное отношение к определённой культурной (этнокультурной) среде. В центре лингвокультурологического разбора находятся вычленение и рассмотрение лингвокультурем, словесно-образных, номинативных маркеров национальной картины мира, языковых средств создания и моделирования этноколорита.

Ниже приведем алгоритм лингвокультурологического анализа художественного текста.

1. Определение темы, идеи, мотивов произведения, выяснение специфики сюжета и композиции, установление образов и персонажей с общей характеристикой их связи с национальной культурно-художественной, литературной традициями, канонами национального литературного жанра, фольклорными источниками и тому подобным, определение культурных времени и пространства, реализованных в тексте, установление культурного фона.

2. Обоснование стиля текста, его жанра, сферы общения, ситуации, на которую ориентирован текст; определение его основных функций, фактора адресата, типа мышления, формы речи с подчеркиванием этнокультурного, национального характера указанных реалий, их ментального колорита, этноонтологической выразительности.

3. Анализ общих стилевых черт текста в этнокультурном аспекте, наблюдение за языковой организацией текста, описание его языковых признаков на всех уровнях с учетом этнокультурной, языково-культурной, этнолингвистической, этнографической, народоведческой информации:

- характеристика фонических средств, реализованных в тексте, удостоверяющих связь с определённой этнокультурной действительностью (обозначение произношения, ударения в словах и др.), выявление признаков национально-культурной просодики (ритма, метра и др.);

- анализ лексических единиц, принадлежащих к определённому этноконтинууму (вычленение лингвокультурем, выявление этнографизмов, диалектной лексики, выделение культурных сем, обозначающих культурные реалии, установление наличия культурологических концептов с обоснованием их контекстуальной семантики, характеристика лексического состава текста как отражение национально-языковой картины бытия, представляемого в произведении, наблюдение за использованием стилистически маркированных этноединиц, культурной коннотацией стилистических значений языковых единиц, определение их этнокультурной принадлежности и эмотивной выразительности, этнокультурная характеристика фразеологических конструкций, определение культурной семантики устойчивых выражений, их народоведческой принадлежности, особенностей употребления);

- обоснование этнолингвокультурной специфики грамматической организации текста (актуализации национально-языковой словообразовательной базы, характерных морфологических единиц, национально маркированных грамматических конструкций как способов и средств выражения мысли, обеспечения актов коммуникации, выяснение национально-языкового колорита, свойственного синтаксическим структурам).

4. Характеристика тропеистики (выявление традиционных для определённой культуры художественно-выразительных средств; установление их культурной семантики, специфики употребления (трансформации); анализ эпитетов, метафор, перифразов, символов как лингвокультурных единиц и культурно-эстетических знаков национальной культуры с традиционной семантикой, коннотацией,

спецификой употребления с учетом архетипов их природы; обоснование сущности национально-культурной эстетики (коннотативной семантики), присущей языковым единицам; описание национально-языкового эмоционального колорита текста как способа и средства представления или реализации культурной информации; выявление общего культурно-эмоционального фона текста.

5. Фиксация интертекстуальных культурных связей в тексте, мотивация их стилевых и стилистических потенций [2].

Лингвокультурологический анализ текста не обязательно осуществлять при помощи наблюдения за языковой организацией и культурно-стилистической семантикой единиц, реализованных в произведениях, посвященных описанию национальной действительности. То, что национальные художественные тексты по возможности обязательно должны быть проанализированы в указанном аспекте, несомненно. Еще интереснее и существеннее попытаться проанализировать с использованием лингвокультурологического подхода тексты зарубежных авторов, в которых отражена определенная картина мира: американская, индийская, турецкая, казахская, татарская, вьетнамская, испанская, болгарская. Не менее весомым будет осуществление лингвокультурологического анализа фольклорных текстов (родственных и неродственных культур). Следующей ступенью, возможно, будет выполнение сравнительного лингвокультурологического анализа поэтических текстов или фрагментов прозы.

Приемы и методы лингвокультурологического анализа художественного текста

Лингвокультурологический анализ текста рекомендуется начинать с внимательного чтения, выделения тех фактов, которые имеют отношение к национальной действительности отдельного этноса, с наблюдения за способами репрезентации этнодействительности в тексте, со сбора иллюстративного материала (конкретных примеров), а в последующем – их описания (классификации, систематизации), возможно – сравнения.

Наблюдение, т. е. рассмотрение, внимательное изучение – первое, к чему нужно приступать, работая с лингвокультурологическим разбором текста.

Собранный иллюстративный материал (различные примеры), установленные факты нужно классифицировать с точки зрения их уровневой принадлежности: уровень содержания (смысла, идеи), уровень языкового воплощения (языковые средства реализации национального колорита, национальной картины мира), уровень формы. Например, цикл философских *рубай* Омара Хайяма, *упанишад*ы (древнеиндийские трактаты религиозно-философского характера), *самхиты* (древнеиндийские Веды, сборники гимнов и мантр, к которым примыкают *брахманы*, *араньяки* и *упанишад*ы). Как правило, лингвокультурологические факты на языковом уровне фиксируют лексемы, реже – словосочетания, предложения. Очень выразительными показателями культуры этноса являются фразеологические обороты.

Анализ (расчленение на составляющие) лингвокультурологического материала предлагаем выполнять согласно указанному выше алгоритму.

Каждую установленную разновидность единиц, относящихся к определенной культуре (лингвокультуре, этнографизмы, диалектную лексику), нужно классифицировать соответствующим образом. Отдельными видами работы будут выяснение культурных сем, обозначающих культурные реалии; установление наличия культурологических концептов с обоснованием их контекстуальной семантики; характеристика лексического состава текста как отражение национально-языковой картины бытия, представляемого в произведении; наблюдение за использованием стилистически маркированных этноединиц, культурной коннотацией стилистических значений языковых единиц, определение их этнокультурной принадлежности и эмотивной выразительности; этнокультурная характеристика фразеологических конструкций, определение культурной семантики устойчивых выражений, их народоведческой принадлежности, особенностей употребления.

После этого можно приступать к целостному, синтезированному описанию собранного и проанализированного материала. В последующем возможны *сопоставление*, *сравнение* разноуровневых фактов, зафиксированных в текстах других культур.

Упражнения, задания, предшествующие лингвокультурологическому анализу текста

Для подготовки и приобретения соответствующего опыта, а в дальнейшем – успешного проведения лингвокультурологического анализа, считаем целесообразным практиковать выполнение в учебном процессе некоторых видов упражнений. Если проводится анализ переводного текста, то по возможности рекомендуем сравнивать перевод с оригиналом.

Приведем примеры упражнений, которые можно использовать при сравнении текстов на белорусском и украинском языках.

Для лингвокультурологического анализа были выбраны два текста (М. Коцюбинского и Я. Купалы) и их переводы на русский язык.

Тіні забутих предків

Коли Іванові минуло сім літ, він уже дивився на світ інакше. Він знав вже багато. Умів знаходити помічне зілля – одален, матриган і підойму, розумів, про що канькає каня, з чого повстала зозуля, і коли оповідав про все те вдома, мати непевно позирала на нього: може, воно до нього говорить? Знав, що на світі панує нечиста сила, що аридник (злий дух) править усім; що в лісах повно лісовиків, які пасуть там свою маржинку: оленів, зайців і серн; що там блукає веселий чугайстир, який зараз просить стрічного в танець та роздирає нявки; що живе в лісі голос сокири. Вище, по безводних далеких недеях, нявки розводять свої безконечні танки, а по скелях ховається щезник. Міг би розказати і про русалок, що гарної днини виходять з води на берег, щоб співати пісень, вигадувати байки і молитви, про потопельників, які по заході сонця сушать біде тіло своє на каменях в річці. Всякі злі духи заповнюють скелі, ліси, провалля, хати й загороди та чигають на християнина або на маржину, щоб зробити їм шкоду [3].

М. М. Коцюбинский

Тени забытых предков

Когда Ивану минуло семь лет, он уже глядел на мир иначе. Он уже знал многое. Умел находить целебные растения – валерьяновый корень, красавку, луговую герань, понимал, о чем кричит коршун, откуда взялась кукушка, и когда рассказывал об этом дома, мать неуверенно поглядывала на него: может быть, это «тот» с ним беседует. Знал, что на свете владычествует нечистая сила; что аридник (злой дух) правит всем; что в лесах полно леших, пасущих там свою маржинку, оленей, зайцев и серн; что там бродит веселый чугайстир, приглашает первого встречного потанцевать и разрывает мавок; что живет в лесу голос топора. Выше, на безводных далеких недеях, мавки ведут свои бесконечные пляски, а в скалах прячется черт. Мог бы рассказать и про русалок, выходящих в погожие дни из воды на берег, чтобы петь песни, придумывать сказки и молитвы, об утопленниках, которые после захода солнца сушат бледное тело свое на речных камнях. Всякие злые духи населяют скалы, леса, ущелья, хаты и огороды и подстерегают християнина или маржину, чтобы причинить им вред [4].

М. М. Коцюбинский

Курган

Паміж пустак, балот беларускай зямлі,
На ўзбярэжжы ракі шумнацечнай,
Дрэмле памятка дзён, што ў нябыт уцяклі, –
Ўдзірванелы курган векавечны.

Дуб галлё распусціў каранасты над ім,
Сухазелле у грудзі ўпілося;
Вецер стогне над ім уздыханнем глухім, –
Аб мінуўшчыне ў жальбах галосе.

На Купалле там птушка садзіцца, пяе,
У Піліпаўку воўк нема вые;
Сонца днём распускае там косы свае,
Ночкай зоры глядзяць залатыя.

Хмары неба ўсцілалі мо тысячу раз,
Перуны білі з краю да краю, –
Ён стаіць – гэта памяць людская, паказ...
Толькі гутарка ходзіць такая. [5, с. 53].

<...>

Пацяклі, паплылі за гадамі гады...
На гусяравым наспе жвіровым
Палыны узышлі, вырас дуб малады,
Зашумеў непанятлівым словам.

Лет за сотню звёў час, ці і болей мо лет,
Зацвілі пераказы ў народзе;

Кажуць людзі: ў год раз ночкай з гусямі дзед
З кургана, як снег, белы выходзе.

Гуслі строіць свае, струны звонка звіняць.
Жменяй водзіць па іх абамлелай,
І ўсё нешта паяе, што жывым не паняць,
І на месяц глядзіць, як сам, белы.

Кажуць, каб хто калі зразумеў голас той,
Не зазнаў бы ніколі ўжо гора...
Можна тут веру даць, толькі слухаць душой...
Курганы шмат чаго нам гавораць [5, с. 58].

Янка Купала

Курган

Меж равнин и болот белорусской земли,
На побережье реки шумнотечной
Дремлет память тех дней, что былём поросли,
Каменистый курган вековечный.

Ветви дуб распустил коренастый над ним,
Из груди травы силы уносят.
Ветер стонет над ним вольным вздохом глухим, –
О событиях прошедших голосит.

На купалу там певчая птица сидит.
На пилиповку волк глухо воет.
Солнце днём распускает там косы свои.
Ночью небо от зорь золотое.

Тучи небо скрывали по тысячу раз.
Грозы били от края до края.
Он стоит – это память людская, показ.
Только ходит молва вот такая.

<...>

Потекли, поплыли годы вешней водой.
На гусли́ровым напе жвировым –
Полынь-травы взошли, вырос дуб молодой,
Зашумел неразборчивым словом.

Лет уж сотню прошло, может более лет.
Поползли пересуды в народе.
Молвят люди: раз в год ночью с гусями дед,
Бел, как снег, из кургана выходит.

Гусли строит свои, струны звонко звучат.
Кистью водит по ним онемелой.
И всё что-то поёт, что живым не понять,
И на месяц глядит, как сам белый.

Говорят, если кто-то поймёт голос тот,
Путь он к жизни счастливой укажет.
Может, стоит поверить и слушать душой...
И курганы о многом расскажут [6].

Янка Купала

Предложим ряд заданий, которые необходимо выполнить для надлежащего лингвокультурологического анализа текста.

1. Выпишите из текста *слова-этнографизмы*.
2. Выпишите из текста *культурные концепты*. Определите смысловое ядро концепта, характерное для данной культуры. Сравните семантику концепта с аналогичными понятиями в другой культуре (родной).
3. Выпишите из текста *знаки-символы*, определите их семантику.

4. Выпишите из текста *фольклорные знаки-символы*, определите их культурные семы, культурную коннотацию. Сравните значение символов в разных культурах.
5. Охарактеризуйте способы *языковой репрезентации национальной картины мира*.
6. Определите, какие факты на какую *национальную картину мира* указывают в художественном тексте.
7. Прочитайте текст. Попробуйте определить, какие *факты* указывают на *украинскую (белорусскую) картину мира*.
8. Из художественных текстов писателей разных народов мира выпишите фрагменты, которые включают факты национальной действительности. Прокомментируйте их.
9. Подберите фрагменты народных сказок (украинских, русских, белорусских, польских, английских и др.). Попробуйте выяснить, как в них отображены факты национальной культуры, национальная картина мира.
10. Подберите тексты народных веснянок (украинских, белорусских). Установите сходные образы-символы в песнях.
11. Сравните тексты народных колыбельных песен (украинских, белорусских). Определите аналогичные образы-символы, языковые факты. Прокомментируйте.

Заключение

Важность и необходимость в овладении лингвокультурологическим анализом текста и его использовании видим в том, что он позволяет глубоко и всесторонне постичь другую этническую действительность при помощи языка. В процессе выполнения такого вида работы значительно расширяется мировоззрение индивида, повышается его креативный потенциал, пробуждается интерес к культурному достоянию других народов. Наблюдается формирование нового миропонимания, иной системы ценностей. Индивид толерантно воспринимает и оценивает другую этническую действительность. Таким образом, лингвокультурологический анализ текста – путь к достижению взаимопонимания и взаимопонимания между носителями разных культур.

Лингвокультурологический анализ художественного текста (как поэтического, так и прозаического) – широкое поле для познавательно-интеллектуальной деятельности, которая может быть успешно реализована в учебном процессе и станет основой для осуществления научных сравнительных языковедческих исследований. Использование этого вида работы в разном объеме целесообразно практиковать при изучении языка с иностранцами (с учетом их культурной специфики).

Библиографические ссылки

1. Мацько Л. Лінгвокультурологічний аналіз художнього тексту. *Культура слова*. 2011;75:56–66.
2. Бетенко ТП. Лінгвокультурологічний аналіз художнього тексту в парадигмі сучасних наукових студій: базові поняття. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія*. 2019;38(3):10–16.
3. Коцюбинський ММ. Тіні забутих предків [Интернет; процитовано 3 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=1058>.
4. Коцюбинський ММ. Тени забытых предков [Интернет; процитовано 3 декабря 2020 г.]. Ушаков Н, переводчик. Доступно по: <https://e-libra.ru/read/386940-teni-zabytyh-predkov.html>.
5. Купала Я. *Поўны збор твораў. Том 6. Паэмы, пераклады*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1999. 430 с.
6. Купала Я. Курган [Интернет; процитовано процитовано 3 декабря 2020 г.]. Гагина В, переводчик. Доступно по: <https://e-libra.ru/read/386940-teni-zabytyh-predkov.html>.

References

1. Mats'ko L. [Linguocultural analysis of the literary text]. *Kul'tura slova*. 2011;75:56–66. Ukrainian.
2. Betsenko TP. Linguoculturological analysis of artistic text in the paradigm of modern scientific researches: basic concepts. *Naukovyj visnyk Mizhnarodnogo humanitarnogo universytetu. Serija: Filologija*. 2019;38(3):10–16. Ukrainian.
3. Kocjubyns'kyj MM. Shadows of forgotten ancestors [Internet; cited 2020 December 3]. Available from: <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=1058>. Ukrainian.
4. Kotsyubinskii MM. Shadows of forgotten ancestors [Internet; cited 2020 December 3]. Ushakov N, translator. Available from: <https://e-libra.ru/read/386940-teni-zabytyh-predkov.html>. Russian.
5. Kupala Ja. *Powny zbor tvoraw. Tom 6. Pajemy, peraklady* [The complete collection of works. Volume 6. Poems, translations]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1999. 430 p. Belarusian.
6. Kupala Ja. The burial mound [Internet; cited 2020 December 3]. Gagina V, translator. Available from: <https://e-libra.ru/read/386940-teni-zabytyh-predkov.html>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.01.2021.
Recieved by editorial board 25.01.2021.

СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ИЗ ОПЫТА АПРОБАЦИИ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ

А. Г. КЛОКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается вопрос смешанного обучения в высших учебных заведениях. В теоретической части описываются предпосылки перехода от традиционной системы образования к дистанционной, которая предполагает использование электронных ресурсов и самообразование учащихся. Проанализированы основные модели и характеристики такого обучения. Практическая часть раскрывает прикладные аспекты смешанного обучения на примере занятия по английскому языку. В качестве темы выбрана монархия Великобритании. В рамках занятия получилось включить в очно-дистанционный диалог студентов открытое задание, стимулирующее их творческую активность. Занятие подробно описано по этапам, последний из них посвящен рефлексии эмоций, испытанных во время выполнения заданий. В заключении говорится об основных результатах применения формы смешанного обучения в преподавании студентам английского языка.

Ключевые слова: смешанное обучение; дистанционные технологии; электронные ресурсы; онлайн-занятия; монархия Великобритании; открытое задание; рефлексия.

BLENDED LEARNING IN HIGHER SCHOOL: FROM THE EXPERIENCE OF TESTING A HEURISTIC CLASS

A. G. KLOKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The present article is devoted to the issue of blended learning in the higher educational establishment. Theoretical part reveals the background of transforming traditional educational system into a distant one based on electronic resources and self-education. The article describes the main models and features of such learning. Practical part discovers applied aspects of blended learning taking as example an English class. The chosen topic is «The British monarchy», which allowed a problem task motivating creativity of students to be included into an intramural-distant dialogue between students. The class is described in detail according to its stages the last of which is devoted to the feedback of emotions experienced while completing the tasks. Conclusion overviews the main results of using the form of blended learning in English teaching process.

Keywords: blended learning; distant technologies; electronic resources; online classes; British monarchy; a problem task; reflection.

Образец цитирования:

Клокова АГ. Смешанное обучение в высшей школе: из опыта апробации эвристического занятия. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:22–28.

For citation:

Klokova AG. Blended learning in higher school: from the experience of testing a heuristic class. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:22–28. Russian.

Автор:

Анна Герардовна Клокова – кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов.

Author:

Anna G. Klokova, PhD (philology); associate professor at English department of humanitarian faculties.
anna1981203@gmail.com

Введение

Как известно, современный этап развития образования характеризуется внедрением электронного обучения, предполагающего использование дистанционных технологий. Одной из новейших образовательных технологий является смешанное обучение, или *blended learning*, в основе которого лежит концепция объединения классно-урочной системы и дистанционного обучения, осуществляемого посредством разнообразных платформ и приложений. В результате «постепенно меняются принципы организации образовательного процесса, создаются условия для реализации динамичного персонализированного обучения» [1, с. 4].

Среди основных преимуществ рассматриваемой технологии на первый план выступают следующие:

- удобство формата, когда каждый обучающийся имеет возможность получить нужные знания и умения;

- уменьшение временных затрат на обучение;
- практически постоянный доступ к общению с преподавателем;
- независимость обучения от времени и места;
- разнообразие дидактических подходов;
- индивидуальный контроль за обучением;
- естественное освоение учащимися современных средств организации работы, коммуникации;
- приоритет самостоятельной деятельности обучающегося;
- интеграция электронного и традиционного учебно-методического контента [2, с. 57].

Все перечисленные положительные характеристики смешанного обучения подтверждаются практикой внедрения последнего в учебный процесс, широко распространенной в настоящее время.

Следует отметить, что внедрение электронных ресурсов в учебный процесс – явление достаточно новое, не совсем еще устоявшееся, а потому вызывающее определенные трудности (необходимость специальной подготовки преподавателей, оснащения учебного заведения компьютерным оборудованием, программным обеспечением и т. д.). В силу таких причин еще более привлекательной и продуктивной выглядит модель смешанного обучения, когда освоение новых технологий происходит постепенно. При использовании данной модели существует возможность для последовательной проектировки курсов, так как они не должны быть полностью интерактивными и мультимедийными, вполне достаточно корректно оформленных текстовых материалов, форума, чата, системы тестирования и др.

Ключевым аспектом подготовки занятий также является социокультурная составляющая, которая очень важна при изучении политической сферы жизни англоязычного общества. В процессе усвоения знаний происходит изучение особенностей другой культуры, что, в свою очередь, способствует межкультурному и межличностному пониманию. Как говорит М. Беннет, «ключом к развитию чувствительности и навыков, необходимых для межкультурной коммуникации, является прежде всего видение (восприятие) человека, сталкивающегося с культурными различиями»¹ [3, р. 180]. Так, формирование межкультурной компетенции, которое просто необходимо в эпоху глобализации мирового сообщества, может и должно осуществляться при использовании модели смешанного обучения.

Материалы и методы, теоретические основы

Существуют ряд основных моделей смешанного обучения, которые можно выбрать за основу при организации учебного процесса:

1. Модель «Face-to-face driver», при использовании которой значительная часть учебной программы изучается при непосредственном взаимодействии с обучающимися на занятии, а электронное обучение используется в качестве дополнения к нему. На наш взгляд, такая модель идеально подходит для студентов-первокурсников, только начинающих осваивать новые виды работы.

2. Ротационная модель подразумевает чередование способов работы с материалами. Учебное время распределяется между индивидуальным электронным обучением и обучением в аудитории вместе с преподавателем, который осуществляет дистанционную поддержку и при электронном обучении. Одной из разновидностей такой модели является *flipped classroom* (перевернутый класс). При наличии расписания очных занятий наблюдается преимущественное использование электронного обучения с условием определенного контроля над последним. Данная модель очень востребована, например, для обучения студентов, которые по той или иной причине находятся на дистанционном обучении.

3. Flex-модель (гибкая модель) предполагает преимущественное использование электронного обучения при обеспечении очной, онлайн- и офлайн поддержки обучаемых. Предполагается наличие ин-

¹Здесь и далее перевод наш. – А. К.

дидуального расписания, работа в малых группах, организация групповых проектов, возможно индивидуальное обучение. Этот вид деятельности более сложный в своей реализации, так как требует дополнительного времени и усилий.

4. Self-blend-модель (модель учебного меню) допускает изучение одного или нескольких электронных учебных курсов полностью онлайн. Представляется, что эффективность данного подхода не очень высока, но благодаря ему предоставляется возможность одновременного обучения в различных учреждениях.

5. Модель обогащенного виртуального обучения может быть применена в работе всего учебного заведения при обязательном каждодневном его посещении. Предусмотрено сочетание очных и дистанционных занятий. Данная модель очень удобна и достаточно эффективна [4].

Каждая представленная модель отличается преобладанием одной из трех составляющих, определяющих ее сущность:

- прямое личное взаимодействие участников образовательного процесса;
- интерактивное взаимодействие, опосредованное компьютерными технологиями и электронными информационно-образовательными ресурсами;
- самообразование [2].

При использовании смешанного обучения в высшем учебном заведении очень важно, на наш взгляд, выявить факторы, определяющие эффективность и успешность его внедрения в образовательный процесс. Важнейшим из них является повышение уровня ответственности студентов за результат обучения. Преподавателю в данном случае необходимо продумать методы подачи материала при помощи электронных технологий. При этом повышается его общая компетентность в тьюторском сопровождении. В области методики и дидактики происходит индивидуализация образования, внедрение инновационных методов, эвристических заданий с возможностью быстрой оценки их эффективности. В целом смешанное обучение улучшает наполнение электронных баз данных, способствует обогащению библиотек, а также позволяет снизить стоимость образовательного процесса.

При смешанном обучении количество занятий в аудитории сокращается, так как часть из них переносится в режим онлайн. Для последних необходимо самостоятельное освоение определенного материала или выполнение заданий. Онлайн-занятия могут проходить по схеме вопрос – ответ, также преподаватель может задавать тему для обсуждения или предлагать студентам самим определить ее. Сроки выполнения заданий при смешанном обучении фиксированные. Онлайн-занятие обычно разбивается на три этапа: работа «до», работа «во время», работа «после» [5, с. 64].

На первом этапе студенты готовятся к занятию, чтобы иметь возможность обсудить и проработать изученное, а также задать все необходимые вопросы. Здесь очень важно мотивировать и заинтересовать их, ведь одним из факторов успешной учебной деятельности является стимуляция творческого потенциала учащихся. Одним из способов такой стимуляции выступает технология эвристического обучения на основе диалога – обучение через открытие. Студент вначале создает свой образовательный продукт, выполняя открытое задание, для которого не существует заранее известного результата. Затем полученный продукт сопоставляется с культурно-историческим опытом. Открытое (эвристическое) задание, которое не имеет однозначных правильных ответов, – важнейший компонент содержания эвристического обучения. В открытости задания заложена возможность для обучающегося совершать собственные открытия. Получаемый студентом результат всегда уникален и отражает степень его индивидуального творческого самовыражения, а не предполагаемый правильный ответ. В диалоге они обсуждают свои личные достижения, что позволяет им лучше понять себя, окружающий мир, научиться задавать вопросы, развить свои познавательные и организационные способности [6].

Работа «во время» является основополагающей и направлена непосредственно на выполнение практических заданий, обсуждение тем, закрепление и проверку полученных знаний. На завершающем этапе осуществляется закрепление нового материала, могут быть предложены домашнее задание, тест и т. д. Студенты получают возможность оценить друг друга, а также провести рефлексию занятия на форуме, созданном преподавателем-тьютором.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим наглядный пример занятия по модели смешанного обучения с элементами эвристики. Данное занятие проходило на образовательной платформе «Moodle» Белорусского государственного университета. На наш взгляд, этот образовательный ресурс отлично подходит для совмещения классической системы обучения с элементами дистанционного подхода. Каждая новая тема в курсе иностранного языка сопровождается набором заданий, открытых в режиме онлайн, а также обязательным заданием по теме, время на выполнение которого строго ограничено.

Итак, вернемся к занятию в рамках модели смешанного обучения.

Учебная дисциплина: иностранный язык (английский).

Факультет: юридический.

Тема: монархия в Великобритании.

Цели педагога: организовать очно-дистанционный диалог-дискуссию студентов, мотивировать их использовать интернет-ресурсы для максимального участия в создании образовательного и коммуникативного продукта. На примере конституционного устройства Великобритании предоставить студентам возможность разработать свою собственную схему распределения обязанностей королевы и премьер-министра. Стимулировать обучающихся стремиться понимать и осваивать особенности другой культуры.

Целеполагание студента: выясните, что вам известно о сфере деятельности обеих персон, а что не известно. Подумайте, какие аспекты данной темы будут полезны для вашей будущей профессии. Проанализируйте межкультурные различия в изучаемой области на примере политических систем Беларуси и Великобритании.

Главная проблема занятия – предоставить студенту возможность сформулировать собственные критерии для разделения функций двух главных лиц Великобритании и аргументировать свою точку зрения на основании общих знаний в юридической сфере, осознавая при этом важность существования культурных различий.

Круг реальных объектов действительности: содержание текстов «The monarchy», «The British royal family», видео «The powers of the queen», «The roles of PM», размещенных на образовательной платформе «Moodle».

Методы изучения: мозговой штурм, дискуссия, работа в парах (группах), сравнительный анализ, сопоставительная характеристика.

Этапы занятия:

1. Целеполагание студента и постановка проблемы (перед занятием).

Войдите на образовательный портал (www.dl.bsu.by) – общеуниверситетские кафедры – кафедра английского языка гуманитарных факультетов – English for law students (part 1) – Тема 3 «British constitutional law»), ознакомьтесь с размещенным материалом и выполните задание «Queen vs prime minister», заполнив табл. 1.

Таблица 1

Соотношение известной и неизвестной для студента информации

Table 1

Student's correlation of what he (she) knows and what he (she) doesn't know

Параметры	Известная информация	Неизвестная информация
Обязанности королевы	Пример: королева является национальным символом государства	Пример: полномочия королевы в сфере международных отношений
Обязанности премьер-министра	Пример: отбирает кандидатов на должности	Пример: высшие назначения национального уровня

Выполните данное задание до ... (указать дату).

2. Открытое задание на создание образовательного продукта (на занятии).

Всё могут короли..?

Как известно, власть королевы Великобритании ограничена парламентом и политическую ответственность несет премьер-министр. Вы хотите подробно дифференцировать функции королевы и премьер-министра Великобритании. Объединитесь в пары и составьте перечень вопросов, адресованных обоим персонам. Используйте ключевые слова типа *кто? что? как? почему? можно ли?* Результаты отразите в удобном для вас виде (схема, таблица и т. д.). Представьте, что ваши вопросы будут участвовать в конкурсе материалов для составления сборника студенческих креативных идей на тему «Правовые чтения».

3. Демонстрация вопросов, сравнение полученного образовательного продукта (очные и дистантные коммуникации).

Выступите рецензентом любого вопроса. Сравните свой проблемный вопрос с вопросом одnogруппника (частично выполняется на занятии). Для последующего дистанционного обсуждения задания создается форум «Let's discuss». Все комментарии выкладываются здесь. Оставьте свои комментарии не позднее ... (указать дату).

4. Открытое задание на обобщение темы занятия (очная форма).

Что могут короли

Объединитесь в группы из четырех человек (по две пары, работавшие вместе на предыдущем этапе). Обменяйтесь вопросами и постарайтесь дать на них ответы. Сгруппируйте ответы по сферам жизни общества (экономическая, политическая, культурная и т. д.). Выявите наиболее проблемные вопросы,

аргументируйте свое мнение. Выберите модератора от каждой подгруппы и представьте обобщенный продукт как перечень полномочий королевы и премьер-министра.

Критерии оценивания знаний (дистанционная форма).

При выполнении первого задания оценивается способность задавать вопросы, видеть ключевые проблемы: задано 3–5 вопросов (1 балл), задано 6–8 вопросов (2 балла), более 8 вопросов (3 балла), оригинальные вопросы (1 балл дополнительно), неоднозначные, противоречивые вопросы (2 балла дополнительно). Студенты оценивают своих одногруппников по следующим критериям и выкладывают файл на форуме «Let's discuss» (табл. 2).

Таблица 2

Оценка студентами друг друга

Table 2

Students' assessment of each other

Фамилия и имя студента в паре	
Количество вопросов	Оценка (в баллах)
Оригинальность вопросов (если есть)	Оценка (в баллах)
Неоднозначность, противоречивость вопросов (если есть)	Оценка (в баллах)
Всего баллов	

При выполнении второго задания преподавателем оценивается умение сравнивать, анализировать и обобщать. Он может делать комментарии дистанционно. Также оценивается активность студентов на форуме (высокая, средняя, низкая активность).

Рефлексия осуществляется дистанционно посредством анализа высказываний студентов на форуме «Let's discuss».

Преподаватель задает студентам следующие вопросы:

- Насколько вам удалось реализовать цели, поставленные перед занятием?
- С какими трудностями вы столкнулись во время выполнения открытых заданий?
- Каким образом вы преодолевали трудности?
- Что вам удалось лучше всего и почему?
- Что не получилось и почему?
- Какой была динамика ваших чувств и настроений при изучении темы?

Одним из достижений подобного вида работы со студентами можно считать тот факт, что все хорошо справились с заданием на этапе работы «до». Рассмотрим один из примеров выполненного задания (табл. 3).

Таблица 3

Пример выполненного задания

Table 3

Example of the completed task

Duties	What I know	What I don't know
The queen's duties	1. In a monarchy, a king or queen is head of state. 2. Although the sovereign no longer has a political or executive role, he or she continues to play an important part in the life of the nation. 3. As head of state, the monarch undertakes constitutional and representational duties which have developed over one thousand years of history. 4. The sovereign acts as a focus for national identity, unity and pride; gives a sense of stability and continuity; officially recognises success and excellence; and supports the ideal of voluntary service.	1. Managing the relationship between the monarch and the government as a whole. Hiring and firing ministers. 2. Chairing the cabinet and its most important committees. Arranging other «cabinet business», i. e., the chairmanships of other committees, their memberships and agendas. 3. Overall control of the civil service as First Lord of the Treasury. The allocation of functions between departments; their creation and abolition. 4. Relationships with other heads of government. 5. An especially close involvement in foreign policy and defence matters. 6. Top civil service appointments. Top appointments to many institutions of a national character. 7. The handling of precedent and procedure.

Окончание табл. 3
Ending table 3

The prime minister's duties	1. The head of government of the UK. 2. Selects and recommends candidates for positions. 3. Coordinates policies and actions of the cabinet and various government departments.	1. Managing the relationship between government and the monarch. 2. Managing the relationship between government and opposition on a privy counsellor basis. 3. Establishing the order of precedence in cabinet. 4. The establishment and interpretation of procedural guidelines for both ministers and civil servants. 5. Oversight of changes to civil service recruitment practices. 6. Classification levels and secrecy procedures for official information. 7. Requesting the sovereign to grant a dissolution of parliament. 8. Appointment and dismissal of ministers (final approval of their parliamentary private secretaries and special advisers). 9. Senior appointments to the armed forces. 10. Top public sector appointments and appointments to royal commissions. Award of peerages and honours (except for those in the gift of the sovereign).
-----------------------------	---	--

Заключение

Подводя итоги описанного опыта использования смешанного обучения в высшем учебном заведении, стоит разграничить два основных полюса данного вопроса: взгляд с позиции студента и взгляд со стороны преподавателя. Что касается первого аспекта, то здесь основополагающими выступают следующие моменты:

- в какой степени может дистанционное обучение повысить мотивацию студента (и может ли в принципе);
- может ли обучение через интернет способствовать потере интереса обучающегося к образовательному процессу;
- какие чувства возникли у студента во время занятия смешанного типа;
- какие трудности встретились во время выполнения заданий и как их получилось преодолеть;
- каковы главные личные результаты (достижения) на данный момент.

В целом отзывы студентов о проведенном занятии весьма положительные. Вот один из них: «Работала в подобной системе впервые. Несмотря на это, мне понравился опыт. Было необычно и интересно. Я бы хотела больше таких занятий!» (Ивановская Яна, студентка третьего курса юридического факультета). О трудностях студенты не упоминали.

Что касается опыта преподавания, то наиболее трудным оказалось построение очно-дистанционной формы занятия с учетом различных видов работы (парной, групповой). Обсуждения все же требуют условия «здесь и сейчас». Не вызывает сомнения тот факт, что самый ожидаемый результат для преподавателя – интерес и мотивация студентов выполнять задания в дистанционном режиме, осознание необходимости обучаться, а не действие во избежание проблем с преподавателем. Безусловно, в условиях смешанного обучения на первый план выступают такие требования к тьютору, как мотивация для саморазвития, повышение компьютерной грамотности, опыт эвристической педагогики, оптимизация временных ресурсов.

Библиографические ссылки

1. Орешкина АК. Теоретические основы развития образовательного пространства системы непрерывного образования в контексте его социальных измерений. *Инновационные образовательные технологии*. 2014;2:4–7.
2. Нагаева ИА. Смешанное обучение в современном образовательном процессе: необходимость и возможности. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2016;6:56–67.
3. Bennet MJ. A developmental approach to training for intercultural sensitivity. *Intercultural Journal of Intercultural Relations*. 1986;10(2):179–196.
4. Hrastinski S. What do we mean by blended learning? *Tech Trends*. 2019;63:564–569.
5. Король АД. *Эвристический практикум по педагогике*. Гродно: ГрГУ; 2014. 193 с.
6. Хуторской АВ. *Эвристическое обучение*. Москва: Эйдос; 2011. 720 с.

References

1. Oreshkina AK. [Theoretical background of educational development of the steady education in the meaning of its social measuring]. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii*. 2014;2:4–7. Russian.
2. Nagaeva IA. Blended learning in modern educational process: necessity and possibility. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2016;6:56–67. Russian.
3. Bennet MJ. A developmental approach to training for intercultural sensitivity. *Intercultural Journal of Intercultural Relations*. 1986;10(2):179–196.
4. Hrastinski S. What do we mean by blended learning? *Tech Trends*. 2019;63:564–569.
5. Korol' AD. *Evristicheskii praktikum po pedagogike* [Heuristic workshop on pedagogics]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2014. 193 p. Russian.
6. Khutorskoi AV. *Evristicheskoe obuchenie* [Heuristic education]. Moscow: Eidos; 2011. 720 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.
Recieved by editorial board 15.01.2021.

ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА И СУДЬБА ПЕРЕВОДА: СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРИ АНАЛИЗЕ ПЕРЕВОДА

Т. ХАЙДЕН^{1), 2)}

¹⁾Международный исследовательский центр культурологии, Рейхсратсштрассе, 17, 1010, г. Вена, Австрия

²⁾Колледж св. Анны Оксфордского университета, Вудсток Роуд, 56, OX2 6HS, г. Оксфорд, Великобритания

В доаншлюсной Австрии издательство «Жолнай» (Zsolnay), сотрудничавшее с переводчиками еврейского происхождения, печатавшее переводы с идиша Шалом Аша, являлось одним из самых значимых. Автор анализирует основную причину неожиданного успеха бывшего агрария Пауля Жолная в издательской индустрии – хорошо организованную работу с переводчиками и авторами. В статье подчеркивается роль переводчиков на всех этапах работы над текстом, прослеживается их влияние на развитие издательства в самом начале пути и в долгосрочной перспективе. В рамках истории и социологии перевода на примере одного издательства поднимается одна из наиболее актуальных тем в западном переводоведении за последние два десятилетия – тема видимости переводчика (переводоведческий термин, введен в оборот Энтони Пимом) в тексте и обществе.

Ключевые слова: история перевода; социология перевода; переводческая политика издательства; переводчик.

PERSONALITY OF THE TRANSLATOR AND THE DESTINY OF THE TRANSLATION: SOCIAL FACTORS IN TRANSLATION ANALYSES

T. HAIDEN^{a, b}

^aInternationales Forschungszentrum Kulturwissenschaften, 17 Reichsratsstraße, Vienna 1010, Austria

^bSt. Anne's College of the University of Oxford, 56 Woodstock Road,
Oxford OX2 6HS, Great Britain

In the pre-Anschluss Austria, Zsolnay Publishing House was one of the most successful while collaborating with Jewish translators and publishing books by Schalom Asch. This article analyses one of the reasons of an unexpected success of the publisher with agricultural background – well organised translators' and authors' networks. The role of the translator at every level of translation production is being considered in this text, as well as translator's influence on the development of the publishing house at the very beginning and on its reputation in a long-term perspective. Within translation sociology and translation history the question of translators' visibility in text and society is being addressed – one of the most discussed topics in the West-European translation studies of the last two decades.

Keywords: translation history; translation sociology; publishing house; translation politics; translator.

В переводоведении в центре внимания оказывается переводной текст: многие сравнивают оригинал и перевод, анализируют переводческие стратегии или занимаются проблемами транслитерации и транскрипции. А какую роль играет история, социополитический контекст, финансовый аспект, экстратекстуальные факторы, цели и интересы переводчиков? Являются ли переводчики единственными

Образец цитирования:

Хайден Т. Личность переводчика и судьба перевода: социальные факторы при анализе перевода. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:29–34.

For citation:

Haiden T. Personality of the translator and the destiny of the translation: social factors in translation analyses. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:29–34. Russian.

Автор:

Татьяна Хайден – младший научный сотрудник^{1), 2)}.

Author:

Tatsiana Haiden, junior researcher^{a, b}.
posherstnik@gmail.com

актерами переводческого процесса? Какая роль отводится издателю, автору или инициатору перевода? Кто может выступать инициатором перевода? Влияют ли эти актеры непосредственно на результат [1, р. 229]? В этой статье на примере австрийского издательства «Жолнай» в межвоенный период будет проанализировано, каким образом переводчики, их связи, интересы и цели повлияли непосредственно на политику издательства? и как последняя приспособлялась к постоянно меняющейся политической и идеологической обстановке в Австрии в преддверии ее присоединения к Третьему рейху¹. Работа, посвященная статусу переводчиков и важности перевода в Австро-Венгрии, принадлежит Михаэле Вольф [2]. Она анализирует предпосылки для языковой ситуации, сложившейся к 1918 г. Данный труд во многом повлиял на автора этого материала и позволил получить информацию о социальных трансформациях в Австрии в период создания издательства «Жолнай». Статья М. Вольф, являясь переводоведческой, исключает какое-либо субъективное изучение текста или переводческих трансформаций. В этой работе анализ основан на социологической теории поля Пьера Бурдьё и результатах работы в архиве корреспонденции издательства «Жолнай» в Национальной библиотеке Австрии, в закрытой библиотеке-музее издательства, на частично реконструированных биографиях переводчиков и анализе паратекста переводов. Главная цель настоящей статьи – описать социально-политический контекст, в котором осуществлялся перевод, и установить интересы его актеров². В статье на конкретных примерах будет продемонстрировано, как личность переводчика влияет на успех его труда, почему так важно исследовать биографии переводчиков в контексте истории перевода и с какими проблемами сталкиваются ученые при восстановлении данных о переводчиках. Исследование опирается на принципы социологии перевода, база которой была заложена на конференции в Граце (Австрия) и представлена в совместной работе участников мероприятия [3].

Издательский дом в качестве предмета изучения – распространенная практика в переводоведении [4–6]. В этом случае возникает возможность получить ограниченное во времени и пространстве сообщество, на которое влияют различные внешние факторы. В таком сообществе есть своя внутренняя динамика, в нем действуют актеры, нацеленные на реализацию собственных целей и интересов³. Практика показывает, что не только переводчики являются актерами переводческого процесса: этот процесс начинается с инициатора, который предлагает для работы то или иное произведение, продолжается меценатами и спонсорами, работой с автором и переводчиком. Чаще всего все этапы перевода курирует издатель. Именно поэтому на примере издательства удобно анализировать влияние переводчиков на судьбу перевода и переводческую политику.

Издательский дом «Жолнай» был основан в Вене в 1924 г. Паулем Жолнаем, выходцем из богатой еврейской семьи, которая переехала в Австрию из Венгрии после развала Австро-Венгерской империи. Его личность, безусловно, сыграла решающую роль в небывалом успехе издательства. Гуманитарий П. Жолнай, несмотря на аграрное образование, считал литературу высшей ценностью, дружил с известными деятелями искусства Австрии, был частым гостем венских культурных салонов и приходился зятем Густаву Малеру. Эти социальные связи позволили ему с легкостью заполучить лучших австрийских и зарубежных авторов и без труда находить переводчиков для иностранных книг. Именно блестящая переводческая политика, наряду с социальным и экономическим капиталом П. Жолная, позволила его издательству стать одним из самых успешных в Австрии [7, S. 14]. Несмотря на критику современников (его издания пренебрежительно называли *Ausländererei*⁴), 38 % всей печатной продукции издательства «Жолнай» с 1924 по 1938 г. составляли переводы⁵ [8]. Ниже в таблице, составленной автором на основе архивных материалов и данных паратекста, приведены точные данные об изданных Б. Жолнаем переводах.

Переводы, опубликованные в издательстве «Жолнай» в 1924–1938 гг.

Translations published at Zsolnay Publishing House in 1924–1938

Год	Количество публикаций	Количество переводов
1924	18	8 (44,4 %)
1925	30	8 (26,7 %)
1926	20	7 (35,0 %)
1927	28	16 (57,1 %)
1928	36	18 (50,0 %)

¹ Полная версия исследования с анализом всех переводов, опубликованных издательством «Жолнай» в 1924–1938 гг. (231 произведение), будет опубликована в 2021 г. В данной статье демонстрируются наиболее яркие примеры биографий переводчиков с точки зрения социологии перевода.

² Термины «актеры» и «капитал» позаимствованы из работы П. Бурдьё [15].

³ Это можно представить как мини-поле в понимании П. Бурдьё [15].

⁴ От нем. *зарубежный* (пренебрежительное) [8, S. 22].

⁵ Correspondence Archive of Zsolnay Publishing House at the Literary Archive of the Austrian National Library.

Окончание табл.
Ending table

Год	Количество публикаций	Количество переводов
1929	50	24 (48,0 %)
1930	53	30 (56,6 %)
1931	44	13 (29,5 %)
1932	54	15 (27,8 %)
1933	41	11 (26,8 %)
1934	31	7 (22,6 %)
1935	44	10 (22,7 %)
1936	61	25 (41,0 %)
1937	51	22 (43,0 %)
1938	52	18 (34,6 %)
ВСЕГО	613	231 (37,7 %)

То, что П. Жолнай делал ставку на переводы и переводчиков, очевидно из архивного материала⁶, в котором отчетливо прослеживается систематический подход в переводческой политике. Издатель четко классифицировал переводчиков на *штатных*, *авторизированных* и *внештатных*⁷. Это подтверждается также паратекстом (большинство публикаций находится в закрытом архиве издательства⁸), где встречаются лишь три наименования *authorisierte Übersetzer* (для авторизированных переводчиков), *berechtigte Übersetzung* (для штатных переводчиков), *Deutsch von...* (для внештатных переводчиков). Этот подход отличается от внесистемного подхода к работе с переводчиками в других издательствах Австрии в то время (например, издательство «Кайзер» использовало разные наименования для функций, выполняемых одним и тем же переводчиком) [9, S. 3].

Иерархия прослеживается прежде всего в социальном и символическом капитале актеров-переводчиков: наибольшим авторитетом в издательстве обладали авторизированные переводчики, которые находились под непосредственной опекой автора, получали от него гонорар и могли себе позволить ставить условия издателю и спорить с ним. Инициатором переводов в этом случае выступал издатель, он был заинтересован в работе со знаменитыми авторами, которые, в свою очередь, требовали сотрудничества с авторизированными переводчиками. Основным же условием авторизированных переводчиков и агентов авторов в немецкоязычных странах было напечатать текст перевода без каких-либо изменений. Внештатные переводчики не могли себе позволить выдвигать такие требования, поскольку являлись инициаторами перевода и финансово зависели от издателя. Как следствие, они были вынуждены принимать предложенные редакторами изменения и соглашаться на низкий гонорар. Именно авторизированные переводчики оказывали влияние на автора и способствовали или препятствовали его сотрудничеству с издателем, тем самым воздействуя на переводческую политику региона. Штатных переводчиков было немного, и лишь один из них, Рихард Хоффман, работал на полную ставку. Он перевел для издательства с английского, русского и итальянского языков 30 книг различных авторов. Р. Хоффман также являлся редактором и представителем интересов издательства, переводил юридические документы и помогал П. Жолнаю при общении с иностранными авторами. После вынужденной эмиграции главы издательства в 1938 г. именно Р. Хоффман занимает эту должность вплоть до возвращения основателя из Лондона в 1946 г.

Леон Шалит, авторизированный переводчик Джона Галсуорси, рьяно отстаивал свое право на имя на обложке под именем автора и всеми силами защищал не только свои переводческие права, но и права других переводчиков. Это единственный случай в истории издательства в межвоенный период, когда имя переводчика упоминается непосредственно под именем автора. Л. Шалит был официальным представителем Дж. Галсуорси в немецкоязычных странах и лично решал для автора вопросы гонораров, сроков и рекламы. Л. Шалит стал также и близким другом семьи П. Жолная, что позволило усилить его влияние на работу издательства. Кроме того, благодаря социальным связям как в Австрии, так и в Англии,

⁶Österreichische Nationalbibliothek. Literaturarchiv [Electronic resource]. URL: <https://www.onb.ac.at/bibliothek/sammlungen/literatur/bestaende/institutionen/verlage/paul-zsolnay-verlag/286-details> (date of access: 15.01.2021).

⁷Термины предложены автором статьи.

⁸Автор статьи изучала уникальные издания в 2019 г. в Вене.

Л. Шалит сумел эмигрировать в Лондон в конце 1930-х гг. Он же оказал помощь с выездом из Австрии самому П. Жолнай. Оба они были евреями либо австрийцами еврейского происхождения⁹.

Работа переводчика для многих являлась либо хобби, либо вынужденной мерой, особенно для литераторов еврейского происхождения, которым многие виды деятельности были запрещены с середины 1930-х гг. [13, р. 56]. Внештатные переводчики всеми силами пытались обеспечить себя, поэтому работали быстро и предлагали огромное количество книг для переводов. Яркий тому пример – Каталин и Андреас Гаспар, переводчики с венгерского. В начале 1930-х гг. на фоне политических разногласий с властями Венгрии семья вынуждена была переехать в Вену, откуда бежала в 1937 г. из-за преследования евреев или лиц еврейского происхождения. Они работали в издательстве П. Жолнай с 1930 по 1938 г., до того момента, когда издатель получил официальное письмо, в котором говорилось, что Гаспары – евреи, и необходимо срочно прекратить с ними сотрудничество¹⁰. Именно после этого письма издатель, сославшись на стилистические погрешности в работах семьи Гаспар, ищет нового переводчика с венгерского, а количество переводов с этого языка значительно уменьшается на какое-то время. Данная ситуация показывает, как личная ангажированность переводчиков влияет на переводческую политику издательства. Более того, в настоящее время издательство занимается переводами с центрально-европейских языков, в том числе и с венгерского, а начало этому процессу было положено именно супругами Гаспар.

В самом начале карьеры Дмитрий Уманский¹¹, билингв и переводчик советских авторов, вынужден был работать с корректором – носителем немецкого языка. Качество и скорость выполнения переводов Д. Уманским оставляла желать лучшего. Вот что пишет о нем корректор:

Перевод, как вы знаете, типичный для Уманского. Черновой вариант требует длительного и детального исправления. Для первой части романа предложен не художественный перевод, а типичный для бюро переводов подстрочник¹² (здесь и далее перевод наш. – Т. Х.).

Несмотря на все недостатки переводов Д. Уманского, П. Жолнай продолжал сотрудничать с ним, поскольку последний являлся авторизованным переводчиком и посредником между автором и издателем. Это тот случай, когда социальный капитал переводчика превосходит его профессиональные навыки, когда социальные связи ставятся выше качества текста. Д. Уманский, несмотря на то, что вырос в Вене, был активным приверженцем коммунистических идей, имел связи в литературных кругах в Москве и в конце 1920-х гг. переехал в СССР.

Еще один авторизованный переводчик (с идиша), который не укладывался в установленные сроки и не отвечал на письма неделями, – Зигфрид Шмитц. Он пользовался своей дружбой с автором и даже протекционизмом с его стороны. К сожалению, найти информацию о самом З. Шмитце непросто – он не оставил материал для архивов и часто менял место жительства (Чехия, Австрия, Швейцария, Палестина). Эта ситуация типична для биографии переводчика из Австрии того периода, который, в отличие от автора, не оставлял никаких сведений о частной жизни и часто переезжал из одной страны в другую. Биографию З. Шмитца можно восстановить в контексте его переписки с издателем, автором, рабочих контрактов, документов о миграции и архивных газетных статей. Много информации дает также некролог, опубликованный в одной из тель-авивских газет¹³: эта информация хоть и представлена сжато, но является довольно полезной. Именно такие методы помогают историкам перевода при расследовании деталей жизни переводчиков. Важность переводческой деятельности З. Шмитца заключается в его стремлении передавать идеи сионизма через перевод. Именно так он передавал собственные убеждения. Кроме письменных переводов с идиша, З. Шмитц переводил на сионистском конгрессе в Цюрихе и выпускал многочисленные статьи для еврейских изданий. Роль перевода и переводчиков в передаче знаний и идей подробно рассматривает Лариса Шиппель [10] на примере переводчиков, путешествовавших с Джеймсом Куком.

Как отмечалось ранее, П. Жолнай, венгерский еврей, поддерживал тесные связи с австрийским еврейским сообществом, и к 1938 г. более 60 % переводчиков издательства либо сами называли себя евреями, либо были названы евреями обществом, в котором они жили. Интересным является тот факт, что все переводчики еврейского происхождения¹⁴, работавшие на издательство «Жолнай», сумели

⁹Jewish Daily Bulletin. April 1935 [Electronic resource]. URL: http://pdfs.jta.org/1935/1935-04-12_3120.pdf?_ga=2.199292264.731461185.1591779914-1013299663.1591779912 (date of access: 15.01.2021).

¹⁰ÖNB Literaturarchiv. Zsolnay Korrespondenzarchiv Reichsschrifttumskammer an Paul Zsolnay. Januar 1938. 286/052.1286/B598.

¹¹Hohenems Genealogie Jüdische Familiengeschichte in Vorarlberg und Tirol [Electronic resource]. URL: www.hohenemsgenealogie.at/gen/getperson.php?personID=112517 (date of access: 15.01.2021).

¹²Correspondence Archive of Zsolnay Publishing House at the Literary Archive of the Austrian National Library.

¹³Israel State Archives [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov.il/en/archives/Archive/0b07170680034dc1/File/0b0717068086b5d3> (date of access: 15.01.2021).

¹⁴Jewish Archive in New York. Victor Polzer Collection. Identifier: AR 3683 / MF 477. Dates: 1899–1966.

эмигрировать, а некоторые из них продолжали работать из ссылки, как и многие другие австрийцы того периода [11]. Они становились агентами П. Жолная в Америке и Англии, устанавливали необходимые связи для продвижения австрийских авторов издательства. Эмиграция из доаншлюсной Австрии на тот момент оказалась крайне проблематичной и была невозможна без определенных финансовых и социальных гарантий – этот факт подтверждает высокий социальный статус и связи людей, занимавшихся переводами в Австрии в конце 1930-х гг.

Так, один из переводчиков с английского, Пауль Амман¹⁵ эмигрировал в США и продолжал работать на издательство «Жолнай» вплоть до своей смерти в 1954 г. Он активно продвигал издательство в Америке, сотрудничал с американскими авторами и переводил для П. Жолная. Переводческая деятельность П. Аммана вызывает особый интерес, поскольку он один из немногих, кто очень много размышляет о деятельности переводчика и «его ответственности перед всем миром»:

«Вы же знаете, я не упрямец. Скажу больше, я всегда благодарен за любые замечания, но вы знаете, поговорка “всегда есть, к чему стремиться” относится и к искусству перевода. Но если я говорю: “Я не могу с этим согласиться”, – поверьте мне, все во мне этому сопротивляется, все мои инстинкты, которые контролируют ответственность переводчика перед миром»¹⁶.

Письма датированы тем периодом, когда еще не было союзов переводчиков, специального переводческого образования учебные заведения не давали. Это были очень прогрессивные идеи на тот момент об ответственности переводчика перед обществом, переводческом активизме, о котором пишет М. Вольф [3]. П. Амман активно спорит с издателем и корректорами по поводу правок в тексте и изменения названия. Он единственный из переводчиков, чьи письма находятся в архиве, кто уделяет такое внимание ответственности за каждую строку. Остальные в основном обсуждают вопросы продаж и условия оплаты. Мюррей Холл, который написал историю издательства «Жолнай», также отмечает эту особенность архива корреспонденции. В архиве очень небольшое внимание уделяется тексту [8]. Большинство вопросов экстратекстуальные:

«Некоторых это удивит, но корреспонденция между автором и издателем, как это отражает архив, сконцентрирована не на стилистических проблемах, содержании произведений, предложениях об улучшении текста или тому подобном, но в первую очередь на деньгах, сроках, тиражах, рекламе и вопросах выпуска» [8].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что личность переводчика является основным, если не решающим, фактором в судьбе перевода. На примере лишь 14 лет работы одного издательства мы увидели несколько ярких образцов влияния переводчиков не только на текст, но и на дальнейшую судьбу перевода, связей между автором и издателем, а также тенденций в переводческой политике в регионе [12]. Именно символический капитал и социальные связи придавали наибольший авторитет переводчику в издательстве, тем самым усиливая его влияние. Личные мотивы актеров являлись главной движущей силой работы издательства и определяли его переводческую политику. Таким образом, при анализе переводов необходимо также изучать корреспонденцию основных актеров перевода, их жизненные обстоятельства и цели. Для полноценного понимания переводческих процессов необходимо уделять внимание работе с биографиями переводчиков, изучению их интересов, условий, в которых они живут и трудятся. Для работы с биографиями переводчиков необходимо объективно оценивать социальную среду исторического периода и устанавливать социальные связи между актерами переводческого процесса. Основной проблемой является недостаточное количество материалов о деятельности переводчиков. Этот вопрос можно решить, собирая материал в архивах авторов и издателей, в интервью с потомками переводчиков, и организовывая эту информацию в специальные сборники (в любом формате) биографий переводчиков [1; 12]. Ведь существуют сборники биографий авторов, ученых и политиков. Почему бы не выпустить сборник биографий переводчиков? Тема является до сих пор не исследованной в переводоведении, а потому представляет благоприятную среду для дальнейшего изучения – необходимо написать как можно больше биографий переводчиков, чтобы понять, как их личная позиция могла отразиться на тексте, судьбе произведения, развитии издательства и региона. Тема является актуальной для белорусского языка и переводов на него. Изучение обозначенного вопроса, возможно, выведет на новый уровень работу издательств страны и переводческую политику в Беларуси. Было бы интересно рассмотреть биографии переводчиков на белорусский язык и проанализировать их подход к работе, мотивы для работы над тем или иным произведением, критерии выбора текстов для перевода.

¹⁵Injoest, Lebenserinnerungen, Amann Paul (Institut für Jüdische Geschichte Österreichs). A biography of Mr. Paul Amann, his wife Dora and his children Peter, Henry and Eva Maria Amann.

¹⁶Correspondence Archive of Zsolnay Publishing House at the Literary Archive of the Austrian National Library.

References

1. Haiden T. Überlegungen an die Rolle des Übersetzers. In: Prigodich EA, editor. *Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 22–23 marta 2018 g.; Minsk, Belarus* [Foreign languages: innovation, research and teaching perspectives: materials of the International scientific and practical conference; 22–23 March 2018; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 229–234.
2. Wolf M. *The Habsburg monarchy's many-languaged soul*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2015. 285 p.
3. Wolf M. The sociology of translation and its activist turn. *Translation and Interpreting Studies*. 2013;7(2):129–143.
4. Jeanrenaud M. *Universalien des Übersetzens*. Berlin: Frank and Timme; 2014. 332 S.
5. Bedson T, Schulz M. *Sowjetische Übersetzungskultur in den 1920er und 1930er Jahren*. Berlin: Frank & Timme; 2015. 182 S.
6. Rundle Ch, Sturge K, editors. *Translation under fascism*. London: Palgrave Macmillan; 2010. 285 p.
7. Hall GM. *Österreichische Verlagsgeschichte 1918–1938. Band I*. Wien: Böhlau Verlag; 1985. 427 S.
8. Hall GM. *Der Paul Zsolnay Verlag: von der Gruendung bis zur Rueckkehr aus dem Exil*. Tuebingen: Niemeyer; 1994. 852 S.
9. Tashinskiy A. Wessen Übersetzung? Möglichkeiten und Grenzen des Begriffs „übersetzerisches Œuvre“ am Beispiel der Klagenfurter Übersetzerin Hertha Lorenz (1916–1989) [Internet; cited 2021 January 15]. Available from: <https://chronotopos.eu/index.php/cts/article/view/555/103>.
10. Schippel L. Übersetzungsgeschichte und Wissensproduktion räumlich erzählen. In: Dubach G, Fialais V, Ibarrondo L, Klemmer U, Leichsering T, Leroy M, etc, editors. *Grenzgänge in Kontaktzonen. Transition sen zones de contact*. Paris: Harmattan; 2019. p. 52–64.
11. Haiden T. Mimi Grossberg. In: Kremmel S, Richter J, Schippel L, editors. *Österreichische Übersetzerinnen und Übersetzer im Exil*. Vienna [s. n.]; 2020 (forthcoming).
12. Haiden T. Übersetzer – literarische Influenser [Internet; cited 2021 January 15]. Available from: <https://science.orf.at/stories/2995388/>.
13. Silverman L. *Becoming Austrians*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 352 p.
14. Bourdieu P. *Language and symbolic power*. Harvard: Harvard University Press; 1991. 302 p.

Статья поступила в редколлегию 25.01.2021.
Received by editorial board 25.01.2021.

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

WORLD AND NATIONAL CULTURE

УДК 130.2

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ТРАГЕДИИ «ФАУСТ» И. В. ГЁТЕ

Е. К. СЕЛЬЧЕНОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 200030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается вопрос о гностической сущности образа Фауста, являющегося ключевым для раскрытия гностических мотивов в немецкой культуре Нового времени, так как последующее осознание культурой самой себя преломлялось именно сквозь призму образа Фауста как магистрального для всей немецкой культуры. Поскольку ключевым для развития немецкой фаустианы и оформления гностической константы германской культуры стало воплощение духовных поисков И. В. Гёте, которые отразились в трагедии «Фауст», автор статьи анализирует произведение с точки зрения актуализации в ней гностических топосов – культурных констант, оформившихся на основе мировоззрения исторического гностицизма, которые несут в себе культурно-генетический код. В этом ключе автор рассматривает две пары *Фауст – Гретхен* и *Фауст – Елена*, подробно изучает как единую диаду пару *Фауст – София*, а путь Фауста – как путь гностического постижения тайны.

Ключевые слова: гнозис; гностицизм; гностический топос; Фауст; София; И. В. Гёте.

Образец цитирования:

Сельченко ЕК. Гностические топосы в трагедии «Фауст» И. В. Гёте. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1: 35–43.

For citation:

Selchenok EK. Gnostic toposes in tragedy «Faust» by J. W. Goethe. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:35–43. Russian.

Автор:

Елена Константиновна Сельченко – старший преподаватель кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Elena K. Selchenok, senior lecturer at the department of cultural science, faculty of social and cultural communications. elena.selchenok@gmail.com

GNOSTIC TOPOSES IN TRAGEDY «FAUST» BY J. W. GOETHE

E. K. SELCHENOK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the question of the Gnostic essence of the image of Faust, which is the key for the disclosure of gnostic motives in the German culture of the New Age, since the subsequent awareness of culture itself was refracted precisely through the prism of the image of Faust as the mainstream for German culture. Since the key to the development of German Faustianism and the formulation of the Gnostic constant of German culture was the embodiment of J. W. Goethe's spiritual quests, which were reflected in «Faust», the author analyses the tragedy from the point of view of actualising Gnostic toposes in it which are cultural constants that took shape on the basis of the worldview of historical Gnosticism that carry the cultural and genetic code. The two pairs *Faust – Gretchen* and *Faust – Helena* are considered in detail as a single dyad *Faust – Sophia*, and the path of Faust as the path of the Gnostic comprehension of the mystery.

Keywords: gnosis; Gnosticism; gnostic topos; Faust; Sophia; J. W. Goethe.

Введение

Гностический топос – это культурная константа, оформившаяся на основе мировоззрения исторического гностицизма, которая несет в себе культурно-генетический код и способна вырабатывать новые значения в ходе усвоения творческим сознанием в рамках мировоззренческой концепции конкретной культурной эпохи. Мы полагаем, что в культуре немецкого Просвещения, в частности, в творчестве И. В. Гёте, нашли отражение следующие гностические топосы: поиск и обретение тайного знания о Боге и мире (гнозиса) через возвращение ему утраченной полноты (TI); многомирие как иерархическое развертывание сложной системы отдельных эонов (духовных сущностей, жизненных сфер, циклов творения и т. д.) (TII); неразрешимый, извечный конфликт как результат напряженной, дуалистически заостренной нетождественности верхних и нижних ступеней иерархии многомирия (TIII); драматически переживаемый разрыв с *Единым* и последующая попытка восстановления связи с ним через одухотворение материального (софийный миф) (TIV); стратификация человечества сообразно причастности к духу (TV); эсхатологическая мотивация индивидуальной активности (TVII) (подробнее о топосах см. [1]).

Методы исследования складываются из синтеза методологических практик культурологии, филологии, религиоведения и литературоведения. В ходе исследования был применен системный метод, подразумевающий рассмотрение предмета научного изучения как системы, а также аксиологический подход, обеспечивший анализ культурных феноменов в качестве ценностей. Активно используется идиографический метод, подразумевающий описание индивидуальных особенностей единичных исторических фактов и событий, историко-хронологический метод, предполагающий воспроизведение явлений в их хронологическом развитии с присущими им особенностями, культурно-исторический, а также сравнительный методы. Кроме того, были использованы структурно-семиотический метод с опорой на текстуальный анализ произведений (позволяет выявить структурную взаимосвязь и взаимодействие элементов текста и контекста), герменевтико-рецептивный метод (обнаруживает рецепции гностических топосов в исследуемых явлениях культуры и отдельных произведениях), ритуально-мифологический метод (служит для определения мифологических структур и ритуальных моделей, а также для выявления мифологических образов и мотивов, трансформированных авторским сознанием).

Основная часть

Закрепление гностических топосов в немецкой культуре эпохи Просвещения проявилось в развитии тайных обществ (масоны, пиетисты, иллюминаты, неорозенкрейцеры, неотаплиеры). Религиозному мистицизму масонство, возникшее в светской среде и представлявшее своего рода элитарную религию для избранных, противопоставляет мистицизм светский, в котором причудливо переплетены элементы гностицизма, герметизма и т. п. В Германии масонство приняло аристократический характер и наполнилось мистическим содержанием, поиском особых знаний и откровений: по духу масонские ложи все ближе становились к средневековым организациям с иерархией духовных степеней, занимались каббалой и алхимией, стремились познать тайны Бога с помощью разума и при

этом обособиться в исключительное сословие. Орден иллюминатов создал концепт тайного знания, доступного посвященным, фактором идейно-политической организации и борьбы трансформировав антисистемный опыт средневековых ересей, сект, орденов и тому подобного в формы, из которых в XIX в. выросла современная политика. Особый интерес в пиетизме представляет учение о бого-словии возрожденных и учение о перфектизме.

Ключевым для развития немецкой фаустианы и оформления гностической константы германской культуры стало воплощение духовных поисков И. В. Гёте, которые отразились в трагедии «Фауст».

И. В. Гёте вырос в протестантской семье. Он «тяготеет к мистике и глубинному человеку, который служит антропологическим ориентиром для германской культуры» [2, с. 160], увлечен алхимией и натуральной магией (в юности), идеями Агриппы, Парацельса и Я. Бёме, что делает его представителем розенкрейцерского просвещения. И. В. Гёте был знаком с пиетизмом, масонством, герметизмом, алхимией, гностицизмом, и эти знания непосредственно отразились в его главном творении. Первое издание самого известного в XVIII в. руководства по алхимии – книги Г. фон Веллинга – вышло во Франкфурте в 1719 г. В нем были опубликованы герметико-алхимические иллюстрации. И. В. Гёте подробно рассматривает эту работу в своей книге «Из моей жизни. Поэзия и правда». Дерзкая магико-каббалистическая космология Г. фон Веллинга была выдержана в традиции Я. Бёме.

Исследователи неоднократно указывали на влияние неоплатонизма на творчество И. В. Гёте. Так, И. Б. Казакова уверена, что влияние философии Плотина (скорее, через философию Б. Спинозы, потому что пантеистический неоплатонизм) можно найти как в его художественном творчестве, так и в естественно-научных и философских сочинениях [3, с. 104]. Обширность этого влияния требует специальных исследований: «Сосредоточившись на алхимии Гёте как неоплатонической натурфилософии, можно расширить понимание гётевского неоплатонизма, увидеть в увлечении поэта алхимией не случайный эпизод его духовной биографии, а важный этап в постижении универсума таким, каким он предстает в учении Плотина» [3, с. 105].

По свидетельству самого И. В. Гёте, первые прочитанные им неоплатонические труды были написаны алхимическими авторами. С сочинениями самого Плотина он познакомился в 1806 г. и даже перевел часть его трактата с греческого. Понимание у И. В. Гёте демонического, согласно которому демон – это дух-руководитель или дух-хранитель, близко неоплатоническому. Мефистофель – воплощение зла с христианской точки зрения, но в алхимии, как неоплатоническом учении, зло не является абсолютной противоположностью добра. По мнению И. Б. Казаковой, «Гёте в “Фаусте” поднимает алхимическую проблему духовного восхождения – спасения – материальной природы, обретения ею бессмертия и неразложимости, присущей сверхчувственному миру» [3, с. 110].

В круг пиетистов И. В. Гёте был вхож благодаря своей матери с осени 1768 г. Их учение отходило от официальной доктрины церкви: они считали Святой Дух женской фигурой, матерью, много говорили о божественной мудрости, часто олицетворяемой женщиной и связанной со Святым Духом. Такое понимание Святого Духа созвучно с каббалистическим, потому что руах (дух) – женского рода. В гностическом Евангелии от евреев Иисус говорит: «Дух Святой, Матерь моя». Благодаря пиетистам И. В. Гёте открыл для себя книгу «Беспристрастная история ереси и церкви» Г. Арнольда, который уже в 1700 г. обратил внимание на альтернативные течения раннего христианства, противопоставив их ортодоксии. Г. Арнольд отстаивает позицию, согласно которой с самого начала истории церкви еретики всегда были добрыми христианами, а ортодоксы – нет.

Особенное впечатление на И. В. Гёте произвел гностицизм. Это отражено в восьмой книге его биографии «Из моей жизни. Поэзия и правда»: «Я старательно изучал различные мнения, и так как мне не раз приходилось слышать: каждый человек в конце концов имеет, мол, свою собственную религию – то мне показалось вполне естественным сочинить таковую и для себя, что я и сделал с превеликим увлечением. В основе ее лежал *неоплатонизм, к которому примешались элементы герметики, мистицизма и каббалистики*. Так я построил для себя мир, довольно причудливый и странный»¹ [4, с. 296]. Описание своей религии у И. В. Гёте очень напоминает уже рассмотренное нами гностическое мировоззрение (ТII). Он описывает божество, «извечно само себя воспроизводящее». Власть демиургическая передана иному существу: «То был Люцифер – ему отныне была передана вся созидательная сила, и от него впредь должно было исходить все остальное бытие. Он тотчас же явил доказательство своей безграничной дееспособности, создав ангелов, – также по своему подобию, независимых, но в нем неизменно содержащихся и им ограниченных. Окруженный величием этого сонма, он позабыл о своем происхождении от всевышних, возомнив, что его первоисточник в нем же и содержится. От этой-то первой великой неблагодарности и произошло все, что представляется нам несовместным с духом и с замыслом Божиим. Чем больше Люцифер сосредоточивался в самом себе, тем было хуже ему и всем духам,

¹ Здесь и далее курсив наш. – Е. С.

которых он лишил радости сладостного восхождения к их первоистоку» [4, с. 296] (ТIII). Некоторые ангелы присоединились к Люциферу, а другие – вернулись к первоистоку. Именно этот самый «второй бог», названный воспитанным в духе протестантизма И. В. Гёте Люцифером, и сотворил материю: «Из этой сплоченности всего сотворенного Люцифером и ему повинного произошло то, что мы понимаем под материей, все, что представляем себе тяжелым, твердым и мрачным» [4, с. 296]. Элохим, не дожидаясь тех «эонов, которые очистят поле действия», решает «устранить сей изъян мироздания» («Они одали бесконечное бытие *способностью распространяться и восходить к первоистоку*. Необходимый пульс жизни был восстановлен...») [4, с. 296]. Но не было еще существа, которое было бы изначально призвано восстановить свою связь с истоком (ТIV). Так был создан человек, «во всем сходствующий с божеством, более того – ему подобный, который, однако, именно поэтому вновь оказался в положении Люцифера, то есть был одновременно и безусловен, и ограничен... и ясное сознание, равно как постоянная целенаправленность его воли, должны были сопровождать все стадии его жизни» [4, с. 296]. Спустя некоторое время человек «сыграл роль Люцифера», т. е. совершил грехопадение, «и это вторичное отпадение возымело столь же великие последствия, ибо *весь сотворенный мир был и есть не что иное, как вечное отпадение и вечный возврат к первоистоку*» [4, с. 296]. Правда, все это И. В. Гёте говорит о себе в ранней молодости. Тем не менее очевидно его знакомство с этим мировоззрением.

По наблюдению Ж. Куиспела, И. В. Гёте многое заимствовал у Г. Арнольда, и это отражено в трагедии «Фауст» [5]. Именно в книге Г. Арнольда И. В. Гёте прочел о гностической идее двух душ (душа и дух), и отражение этого можно видеть в трагедии «Фауст»: *Zwei Seelen wohnen, Ach! Inmeiner Brust (О, в моей груди живут две души)*. Позволим себе согласиться с утверждением Ж. Куиспела, что И. В. Гёте принял гностическую концепцию о том, что спасение души неизбежно [5]. Духовный человек спасается, потому что в нем изначально есть дух, пневма (а не только душа). Спасение основывается не на божественном милосердии, великодушии и всепрощении, оно свершается в силу изначального обладания основанием для спасения – духом (TV).

Gerettet ist das edle Glied
Der Geisterwelt vom Bösen
Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.
Und hat an ihm die Liebe gar
Von obenteil genommen,
Begegnet ihm diese lige Schar
Mit herzlichem Willkommen.
Цит. по [5].

Спасен благородный член
духовного мира от зла,
кто старался, постоянно стремясь,
того мы можем спасти.
И на нем даже любовь
свыше прибывала.
Встретит его святой сонм
сердечным приветствием².

Завязка мировой драмы в гностицизме связана со стремлением к знанию и созиданию (София). И то и другое составляет ядро образа Фауста. Как и крупные гностические сказания, история героя начинается на небесах, продолжается на земле и заканчивается опять на небесах, повторяя падение, очищение и возвращение (ТIV) гностической Софии.

Именно в трагедии «Фауст» ярче всего выражены интересующие нас гностические топосы. И. В. Гёте не только продолжил традицию немецкой фаустианы, но возродил и актуализировал гностическую составляющую этого образа, определив окончательно его облик для последующей немецкой культуры.

К концу XVIII в., после двух столетий кукольных постановок и попыток литературной обработки и переосмысления образа Фауста у К. Марло и К. Клингера, в нем все ярче проступают титанические черты. В связи с этим примечательна пьеса «Фауст» Т. Гейсельбрехта: он исключил из сюжета описание безбожных деяний героя, но оставил его метания и поиски. В 1847 г. с одного из экземпляров этого произведения, сделанных ранее по приказу Фридриха Вильгельма III, была сделана перепечатка в издание И. Шейбле «Das Kloster». Вполне возможно, что образ Фауста рубежа веков обязан своей спецификой не только трагедии И. В. Гёте, но и этому тексту. В нем герой характеризуется как смелый и сильный духом и сравнивается с титанами. Он ищет знания в книгах, но не может их найти. Его гениальность не оценена, он получает жалкие гроши за свои труды, людей герой презирает, поскольку все они марионетки в этом мире, а потому достойны презрения. Не по заблуждению, а из-за одержимости порывом сбежать прочь от этого мира он обращается к некромантии. Еще раз напомним: идейным источником всех христианских ересей считался и фактически был гностицизм. Недаром И. Лионский называл своего легендарного предтечу Симона-мага отцом всех ересей. С учетом изначального германского арианского догмата о подобии (а не о единстве Отца и Сына), выраженного антитринитаризма,

²Перевод наш. – Е. С.

ориентации на князей и императора, а не на римскую курию, реформаторы, готовые взять в идеологические союзники всех, кто противостоял Риму, и обладавшие при этом прекрасным теологическим образованием, в поиске идейных обоснований своей позиции не могли пройти мимо гнозиса.

В таком случае обращает на себя внимание тот факт, что основой сюжета трагедии И. В. Гёте является уже не просто познание мира в духе просветителей (рациональное познание осталось за границами драмы), которое исчерпано для Фауста. Именно с разочарования в рациональном познании начинается произведение. Путем Фауста становится самопознание через познание устройства мироздания. Этот процесс начинается с выявления своего внутреннего Я – *alter ego* – Мефистофеля, который появляется в момент исчерпания познания объективного мира. Он же (Мефистофель) также именуется отрицанием. Немецкий ученый Г.-М. Шенке выделяет такую особенность гностической философии как «возможность отрицательного объяснения бытия» [6, с. 24].

Согласно Федоту, ученику гностика Валентина, обладать гнозисом – это знать, «чем мы были и чем мы стали, где были и куда заброшены, куда идем и откуда явится искупление, что есть рождение и что возрождение» [6, с. 32]. Гнозис, по наблюдению М. Трофимовой, оказывается тождественным единому бытию; он предстает в качестве «определяющего начала, которое обнаруживает себя повсюду – и в человеке, и во вселенной, и в акте творения, и в акте спасения, и в высшем, и в низшем» [6, с. 34]. Один из вопросов гностицизма о том, как примирить единство и двойственность, решается выбором миропонимания единства: «Гностик тождествен божеству, внешний мир – жизни внутренней... антропософия становится теософией, характеристики онтологические переходят в гносеологические...» [6, с. 34]. Так, постижение внешнего мира в трагедии «Фауст» оборачивается постижением внутреннего и стремлением к обладанию гнозисом.

По Трофимовой, «гнозис – это и единство всего бытия (но осуществляемое во множестве), и мир высший (но дополняемый миром низшим), и спасение (но необходимое лишь при творении), и путь одного человека (но и всего мироздания)» [6, с. 36]. Но гнозис – это не определяющее познание, а переживающее. Фауст уже в начале драмы оставляет определяющее познание позади и устремляется к познанию переживающему (TI, TIV):

Пергаменты не утоляют жажды.
Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник [7, с. 27].

М. Трофимова считает, что модель мира, созданная мышлением определяющего познания, оказывается отрицательным началом и гностики противопоставляют свой идеал ложному знанию.

Так, для гностицизма имеет значение знание, полученное в откровении. Как отмечает М. Трофимова: «Постижение смыслов и спасение – одно в гнозисе... Все внешнее должно быть пережито человеком, выбрано им, усвоено силой чувства» [6, с. 44]. Так и Фауст постигает смысл своего бытия в стремлении к всеобщему благу, что и оказывается для него залогом спасения (TIV). Он усвоил мир силой чувства (TII).

В гностическом памятнике «Пистис София» отмечается, что истина и жизнь достигаются «привнесением познающего в предмет познания, отсутствием границы между субъектом и объектом» [6, с. 38]. Таким образом, одним из ключевых моментов гностического поиска является единство с постигаемым. В трагедии И. В. Гёте «Фауст» это единство достигается погружением героя в пучину жизни и ростом образа до уровня Адама Кадмона (название первого и высшего из пяти духовных миров, которые были созданы для исправления Творения, в каббале), воплощением в Фаусте всего мироздания и оправданием героя в целом. Фауст спасается, физически умирая, преодолевая обреченную материю (TVII).

Что касается отношения гностицизма ко злу, то последнее признается необходимым в деле миростроения. Так и у И. В. Гёте дух отрицания оказывается неотъемлемой частью бытия, обеспечивающей последнему целостность, полноту, динамику, равновесие (TIII). По наблюдению М. Трофимовой, в гностическом восприятии зла наблюдается некая двойственность. Это объясняется тем, что «осуждению в конце концов принадлежит нечто, не преодоленное в тебе самом» [6, с. 48]. В начале драмы непреодоленным в Фаусте оказывается именно Мефистофель. «Битва богов и йотунов, верующих и демонов разворачивается отныне в глубинах человеческого духа, ее пространством становится общество, культура, искусство и техника... Антропологическая драма Парацельса и Бёме получает у Гёте новое воплощение, становясь ядром эстетики и культурологии» [2, с. 163].

Основой гностического мифа является образ и идеал Софии (Премудрости). В западной культуре он целенаправленно использовался преимущественно в немецкой мистике (Г. Сузо, Я. Бёме, Г. Арнольд). Именно оттуда берет образ Софии И. В. Гёте, но, по мнению С. С. Аверинцева, «в противоположность

Бёме и с сильным уклоном в язычество, подчеркнув ее материнские черты. Фауст, не удовлетворенный чистым интеллектуализмом... находит избавление в приходе к Софии – духовно-телесному началу, в котором сняты противоречия...» [8, с. 162]. В данном случае, по мнению С. С. Аверинцева, София символизирует мировую меру бытия. На наш взгляд, достижение Фаустом вечной женственности (Софии) – это не столько внезапное спасение от утраты чувства меры (хотя слепота героя и ускорила развязку, ибо, утратив зрение, он потерял чувство реальности и обратил свой взор внутрь себя, открыл мир в себе и только так обрел свое прекрасное мгновение). Это скорее результат движения к Софии на протяжении всей драмы: через кипучие воды жизни, через утрату Гретхен и Елены, которых мы склонны рассматривать как две ипостаси единой сущности. Сама София в трагедии «Фауст» распадается на три составляющие: телесную (Ахамот), душевную (Елена) и духовную (Mater Gloriosa).

Согласно С. С. Аверинцеву, «Ахамот (греч. Ἀχαμώτ как передача евр. hahāchmōth, “премудрость”), Эннойя (греч. Ἐννοια, “помышление”) в представлениях гностиков-валентиниан (Египет, II в. н. э.) – гипостазированное “помышление” падшей Софии, духовный плод ее грехопадения» [8, с. 40]. Ахамот порождена лишь одной Софией. Вся жизнь Ахамот сводилась к аффективно-страдательным состояниям (печаль, страх, недоумение, неведение). Исследователь отмечает: «...из страстей Ахамот рождается материя... из ее обращения – стихия души, а она сама слита со всем этим как плененная духовная субстанция» [8, с. 40]. Христос, дарованный ей как спаситель, сообщает Ахамот оформленность, а она, в свою очередь, желая «оформить душевно-телесный уровень бытия», производит демиурга, который при ее тайном содействии творит материальный космос [8, с. 40].

Само понятие «вечная женственность» впервые появляется в памятнике письменности «Книга Зогар» («Сэфер га-Зогар»), откуда усваивается каббалистической традицией, с которой был знаком И. В. Гёте. По словам Г. В. Синило, «каббалистическая концепция Шехины как женского элемента в Едином Боге... вызревала постепенно через отождествление Шехины с Духом Божиим и Премудростью через персонификацию, а затем гипостазирование Божественного присутствия в мире» [9, с. 327]. Вопросы о гностицизме как об истоке этого образа в памятнике письменности «Книга Зогар», о взаимодействии каббалы и гностицизма подробно рассмотрел в работе «Основные течения в еврейской мистике» Г. Шолем: «С точки зрения некоторых гностиков “низшая София”, последний эон на грани “плеромы”, представляет собой “дочь света”, низвергающуюся в бездну материи. Эта идея находится в тесной связи с идеей Шехины» [10, с. 288–289]. Восприятие Шехины как «мистической ипостаси общины Израиля» [9, с. 327], на наш взгляд, правомерно сопоставить с восприятием в гностицизме Софии как общего духа другой общины – избранных, пневматиков.

Рассмотрим с учетом вышесказанного о Софии и Ахамот образ Гретхен в трагедии «Фауст» И. В. Гёте. Героиня предстает перед читателем как наивное чистое дитя, и жизнь ее (даже в рамках драматической поэмы) также сводится к «аффективно-страдательным состояниям» (неведение, страх, печаль): встречаясь с Фаустом, ожидая его, сокрушаясь, она обуреваема именно этими чувствами [8, с. 40]. Грехопадение Гретхен как Ахамот и предание ее во власть грешного мира очевидны: она опозорена, покинута, заточена в темницу, где представляет собой «плененную духовную субстанцию» (TIV) [8, с. 40]. Так же как и Ахамот, опозоренная Гретхен в темнице ожидает своего милого жениха. Надежды, которые согласно тексту героиня возлагает на своего суженого, в действительности не соответствуют возможностям и применимы скорее к сфере духа:

Сквозь мрак темницы неутешный,
Сквозь пламя адской тьмы кромешной,
И улюлюканье, и вой
Он крикнул «Гретхен!», милый мой!
<...>
Он тут! Он тут! Он все исправит!
.....
Я спасена! [7, с. 175].

Правда, при этом Гретхен можно представить и как Софию (ведь именно она в конце спасает Фауста), результатом грехопадения которой явился духовный плод – Ахамот – загубленная дочь, о которой она говорит. Гретхен настойчиво посылает Фауста спасти девочку, которую уже утопила, она посылает спасителя, чтобы тот вновь добился воссоединения двух ипостасей, появившихся в результате грехопадения.

Имя Маргарита переводится с латинского как жемчужина. Известно, что наречение героини именем Гретхен – дань юношеской любви самого И. В. Гёте к девушке с таким именем. Тем не менее в тексте фигурируют два имени: в одиночестве или с Мартой (бытовой уровень) реплики подписаны «Гретхен»,

но как только в сцене появляется Фауст или Мефистофель (метафизический уровень), героиня именуется Маргарита. В гностической литературе есть устойчивый образ-символ Софии как жемчужины («Гимн жемчужине»). Несмотря на то, что научное изучение книги «Деяния Иуды Фомы» началось в первой четверти XIX в., когда И. Тило издал греческий текст, само произведение, как и гностические образы, был известен и раньше. Е. Н. Мещерская излагает в монографии мнение Т. Нёльдеке, который считает «Гимн жемчужине» неподдельным гностическим сочинением в его сирийском оригинале. Произведение можно считать древней гностической песней о душе, которая, будучи небесного происхождения, ниспосылается на землю и здесь забывает о своем небесном происхождении до тех пор, пока не будет разбужена небесным откровением, не исполнит своего предназначения и не возвратится ввысь, на небо, где вновь облечется в свои небесные одежды и вновь обретет свой идеальный первообраз в соседстве с высшими небесными силами [11, с. 114]. Цель царевича (освободить жемчужину) – символ мировой души. Спуск за душою мы видим в трагедии «Фауст» в эпизоде нисхождения героя к Матерям за Еленой. Можно предположить, что в данном контексте имя гётевской героини правомерно считать указанием на сущность данного образа. Это согласуется с представлением Маргариты (жемчужины) в финале драмы как вечной женственности (в упомянутой выше «Книге Зогар» Шехина также именуется жемчужиной). Можно найти в сочинении «Гимн жемчужине» и отражение промежуточной утраты Софии: «И я забыл ее, жемчужину... и под бременем притеснений их уснул сном глубоким» (цит. по [11, с. 171]). Фауст также сначала забыл свою Софию-Ахамот (в лице Гретхен). Спящим мы видим его и после знаменитой сцены в тюрьме.

Гностические истоки образа Елены, как было показано ранее, обнаруживаются в народной книге о Фаусте. Легенда о Симоне-маге, творившем чудеса со спутницей Еленой, была хорошо известна в Средние века в Германии. Она вошла в «Императорскую хронику» – немецкую поэму середины XII в., имевшую широкое распространение. Эта же легенда о Симоне-маге знакома и протестантским богословам, и демонологам XVI в.

Образ Елены в трагедии «Фауст» не так детально прописан, как образ Гретхен, история отношений Фауста и Елены явно носит символический, мистико-философский, эзотерический характер. И связь этого образа с гностицизмом более прозрачна, чем в случае с образом Маргариты. В драме И. В. Гёте Елена представляет скорее Софию, выведенную из царства Матерей (в образе Софии особенно акцентируется ее материнское начало). Если Елена – София, то путь Фауста – путь постижения Софии, т. е. стремления к гнозису. Еще в начале драмы Мефистофель опоил Фауста зельем, после которого тот «Елену во всех увидит непременно» [7, с. 98]. Фауст видит ее в зеркале, значит, ему открывается Премудрость в своем отражении, и он начинает погоню за этим образом, в том числе и в лице Гретхен. Временно забыв о Софии и утратив ее в буйстве Вальпургиевой ночи, он вновь находит ее и вступает с ней в своего рода мистический брак. Очищенная Елена тает в воздухе как облако – возвращается на небо и в слиянии с Ахамот (Маргаритой) предстает в финале той самой вечной женственностью – жемчужиной.

Более того, оба эти образа – Гретхен и Елена – представляют собой ипостаси вечной женственности, изначально они заключены в образе Фауста, воплощающего ищущее сознание и дух. Фауст говорит о двух душах, разрывающих его надвое:

Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела. [7, с. 43].

Одну из можно соотнести с образом любящей Гретхен-Ахамот, другую – с Еленой, растаявшей в воздухе, как облако.

На гностическую идею трагедии «Фауст» указывал в работе «Психологические типы» и К. Г. Юнг: «То, что сначала появилось в лице Гретхен, и потом, на более высокой ступени, стало Еленой, возвышается в конце до Mater gloriosa... Я только хочу указать на то, что мы имеем здесь дело с тем исконным образом, которым усердно занимались уже гностики, а именно с идеей божественной блудницы – Евы, Елены, Марии и Софии-Ахамот» [12].

С позиции пневматического подхода (а не с точки зрения христианской морали) нравственный облик Фауста (в смысле погони за ощущениями) не может быть подвержен никакой критике, ибо с точки зрения гностицизма стать лучше не значит подчиняться каким-либо моральным предписаниям. В финале драмы Фауст как человек начинает ощущать в себе божественное, т. е. способность преодолевать законы природы и изменять жизнь людей, например, создавать из болота или моря плодородную долину – творить свой мир (ТII).

В своем диссертационном исследовании С. В. Семочко последовательно доказывает, что концепт «Фауст» является в немецкой культуре константой. По словам Ф. В. Й. Шеллинга, доктор Фауст – первенствующее лицо в немецкой национальной мифологии [13, с. 61]. Исходя из определения места образа Фауста в немецкой культуре, можно сделать вывод о роли гностического компонента в истории немецкой (шире – германской) культуры. Таким образом, можно рассматривать две пары *Фауст – Гретхен* и *Фауст – Елена* как единую диаду *Фауст – София*, а путь Фауста – как путь гностического постижения тайны.

Заключение

Вопрос о гностической сущности образа Фауста можно считать ключевым для раскрытия гностических мотивов в немецкой культуре Нового времени, поскольку последующее осознание культурой самой себя преломлялось именно сквозь призму образа Фауста как магистрального для всей немецкой (а позднее, с подачи О. Шпенглера, и европейской в целом) культуры. Аккумулировав в себе германский гнозис поздней Античности, Средневековья и Реформации, образ Фауста как квинтэссенция германского восприятия сверхчеловека стал зеркалом, в котором последовательно отражались периоды развития самосознания немецкой нации и национальной культуры. Каждая эпоха создавала своего Фауста, перенимая вместе с этим образом гностическое наследие и встраивая его в новый мировоззренческий контекст. В трагедии И. В. Гёте судьба героя представлена как путь гностического постижения тайны. Фауст, как гностик, изначально предназначен для спасения, потому что в нем изначально есть дух (пневма), а пары *Фауст – Гретхен* и *Фауст – Елена* представляют единую диаду *Фауст – София*. Если исходить из того, что концепт «Фауст» является в немецкой культуре константой, становятся очевидными место и значимость гностического компонента в истории немецкой (шире – германской) культуры. И. В. Гёте не только продолжил традицию немецкой фаустианы, но и возродил, а также актуализировал гностическую составляющую этого образа, определив окончательно его облик для последующей немецкой культуры.

Библиографические ссылки

1. Сельченко ЕК. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре. В: Воробьева ОА, редактор. *Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы V Международной научно-практической конференции; 18–19 октября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 474–484.
2. Дугин АГ. *Ноомахия. Войны ума. Германский Логос. Человек апофатический*. Москва: Академический проект; 2015. 639 с.
3. Казакова ИБ. Неоплатонизм Гёте и духовная алхимия в «Фаусте». *Обсерватория культуры*. 2009;2:104–111.
4. Гёте ИВ. *Из моей жизни. Поэзия и правда*. Москва: Художественная литература; 1976. 718 с.
5. Quispel G. Faust: symbol of western man. *Eranos-Jahrbuch*. 1966;35:241–265.
6. Трофимова МК. *Историко-философские вопросы гностицизма*. Москва: Наука; 1979. 216 с.
7. Гёте ИВ. *Фауст. Трагедия*. Пастернак Б, переводчик. Москва: Художественная литература; 1976. 510 с.
8. Аверинцев СС. *София – Логос: словарь*. Киев: Дух і Літера; 2001. 460 с.
9. Синило ГВ. *Песнь Песней в контексте мировой культуры. Поэтика Песни Песней и ее религиозные интерпретации. Книга I*. Минск: Экономпресс; 2012. 680 с.
10. Шолем Г. *Основные течения в еврейской мистике*. Москва: Иерусалим; 2004. 510 с.
11. Мещерская ЕН. *Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды)*. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1990. 243 с.
12. Юнг КГ. Психологические типы [Интернет; процитировано 1 марта 2018 г.]. Доступно по: <http://www.bookap.by.ru/psyanaliz/ungtip/gl27.shtml>.
13. Семочко СВ. Концепт «Фауст» как константа немецкой культуры [автореферат диссертации]. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2004. 20 с.

References

1. Selchenok EK. [Transformation of Gnostic ideas in European culture]. In: Vorob'yova OA, editor. *Aktual'nye problemy humanitarnogo obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 18–19 oktyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Current problems of humanitarian education: materials of 5th International scientific-practice conference; 2018 October 18–19; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 474–484. Russian.
2. Dugin AG. *Noomakhia. Voyny uma. Germanskii Logos. Chelovek apofaticheskii* [Noomakhia: wars of the mind. Germanic Logos. The man is apophatic]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2015. 639 p. Russian.
3. Kazakova IB. [Goethe's neoplatonism and spiritual alchemy in «Faust»]. *Observatory of Culture*. 2009;2:104–111. Russian.
4. Goethe JW. *Iz moei zhizni. Poeziya i pravda* [From my life. Poetry and truth]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1976. 718 p. Russian.
5. Quispel G. Faust: symbol of western man. *Eranos-Jahrbuch*. 1966;35:241–265.
6. Trofimova MK. *Istoriko-filosofskie voprosy gnostitsizma* [Historical and philosophical issues of Gnosticism]. Moscow: Nauka; 1979. 216 p. Russian.

7. Goethe JW. *Faust. Tragediya* [Faust. Tragedy]. Pasternak B, translator. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1976. 510 p. Russian.
8. Averintsev SS. *Sofiya – Logos: slovar'* [Sophia – Logos: dictionary]. Kyiv: Duh i Litera; 2001. 460 p. Russian.
9. Sinilo GV. *Pesn' Pesnei v kontekste mirovoi kul'tury. Poetika Pesni Pesnei i ee religioznye interpretatsii. Kniga 1* [Song of Songs in the context of world culture. Poetics of the Song of Songs and its religious interpretations. Book 1]. Minsk: Econompres; 2012. 680 p. Russian.
10. Sholem G. *Osnovnye techeniya v evreiskoi mistike* [Main trends in Jewish mysticism]. Moscow: Jerusalem; 2004. 510 p. Russian.
11. Meshcherskaya EN. *Deyaniya Iudy Fomy (kul'turno-istoricheskaya obuslovlennost' rannesiriiskoi legendy)* [Acts of Judas Thomas (cultural and historical conditioning of the early Syrian legend)]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1990. 243 p. Russian.
12. Jung KG. Psychological types [Internet; cited 2018 March 1]. Available from: <http://www.bookap.by.ru/psyanaliz/ungtip/gl27.shtm>. Russian.
13. Semochko SV. *Kontsept «Faust» kak konstanta nemetskoi kul'tury* [The concept of Faust as a constant of German culture] [dissertation abstract]. Voronezh: Voronezh State University; 2004. 20 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.01.2021.
Received by editorial board 15.01.2021.

УДК 821.161.3

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ОБРАЗОВ В ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «УЗНИК» НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Е. М. ЕВИЧ¹⁾, Л. О. МОРЗА¹⁾

¹⁾Средняя школа № 37 с углубленным изучением английского языка,
ул. Советская, 66, 150003, г. Ярославль, Россия

Проводится сравнительный анализ шести переводов на белорусский язык стихотворения А. С. Пушкина «Узник». Используется метод структурно-семантической сетки. Выявлена трансформация системы ключевых образов в переводах. Она связана с опытом личных переживаний поэтов-переводчиков, невозможностью найти точные лексические соответствия в двух языках, отсутствием в белорусском языке церковнославянизмов, образованием метафорических лакун.

Ключевые слова: сравнительный анализ; перевод на близкородственный язык; ключевой образ; структурно-семантическая сетка; метафорическая лакуна.

COMPARATIVE STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF KEY IMAGES IN TRANSLATIONS OF PUSHKIN'S POEM «PRISONER» INTO BELARUSIAN

E. M. YEVICH^a, L. O. MORZA^a

^aSecondary school No 37 with in-depth study of English, 66 Sovetskaya Street, Yaroslavl 150003, Russia
Corresponding author: E. M. Yevich (evichby@rambler.ru)

The study provides a comparative analysis of six translations into the Belarusian language of Pushkin's poem «Prisoner». The method of structural-semantic grid is used. The transformation of the system of key images in translations is revealed. It is connected with the experience of personal experiences of poets-translators, with the lack of accurate lexical correspondences in two languages, with the lack of church slavism in the Belarusian language, with the formation of metaphorical gaps.

Keywords: comparative analysis; translation into closely related language; key image; structural-semantic grid; metaphorical gap.

Введение

Поэзия – наиболее трудная для перевода форма организации художественной речи. Поэт преобразует окружающий его мир в сложный художественный образ. Перед переводчиком стоит задача понять этот образ, передать его особенности на другом языке, в связи с чем возникает вопрос

Образец цитирования:

Евич ЕМ, Морза ЛО. Сравнительный структурно-семантический анализ ключевых образов в переводах стихотворения А. С. Пушкина «Узник» на белорусский язык. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:44–49.

For citation:

Yevich EM, Morza LO. Comparative structural and semantic analysis of key images in translations of Pushkin's poem «Prisoner» into Belarusian. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:44–49. Russian.

Авторы:

Елена Михайловна Евич – учитель русского языка и литературы.
Лада Олеговна Морза – учащаяся.

Authors:

Elena M. Yevich, teacher of Russian language and literature.
evichby@rambler.ru
Lada O. Morza, pupil.
evichby@gmail.com

о целесообразности трансформации художественного образа и об эквивалентности поэтического перевода.

Существует несколько переводов на белорусский язык стихотворения А. С. Пушкина «Узник». Все они разные, и каждый по-своему оригинален. Представляется важным проследить, как в близкородственном языке изменяются знакомые всем образы, как поэты-переводчики М. Богданович, М. Танк, П. Глебко, Ю. Свирка, Я. Золак понимают их и передают в условиях родства корней большинства слов. Проблемой перевода на белорусский язык поэзии А. С. Пушкина занимаются В. П. Рагойша, Л. В. Прохоренко (Цалко), Т. В. Гончарова-Цинкевич. Исследователи отмечают сложности, связанные с отсутствием церковнославянизмов и старославянизмов в белорусском языке, межъязыковых синонимов, с отличиями в синтаксисе и грамматике двух языков. В результате в переводе образуются метафорические несоответствия (лакуны), которые, как считает Л. В. Прохоренко, преодолеваются билингвизмом (употреблением русизмов), заполнением лакуны другой метафорой или ее компенсацией метафорой в другом месте текста [1].

Проведен сравнительный анализ шести переводов на белорусский язык стихотворения А. С. Пушкина «Узник» с целью определить степень близости каждого из них к оригиналу и особенности трансформации художественных образов. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассмотрены шесть переводов данного стихотворения на белорусский язык, выявлены образные трансформации, вызванные необходимостью преодолеть метафорические лакуны, обусловленные различиями в русском и белорусском языках.

Материалы и методы исследования

В основу сравнительного анализа переводов лег метод структурно-семантической сетки, который исследует структуру значения ключевого образа. При помощи данного метода мы можем установить субъект (S), выступающий ключевым художественным образом, а также его составляющие (S1, S2, S3 и т. д.), средства его художественного выражения (тропы, речевые фигуры), его лексическое выражение. S – ключевой художественный образ, который получает развитие в дополнительных образах (S1, S2, S3 и т. д.), также обладающих собственными системами иносказательности и лексического выражения. Сохранение этой системы субъектов и их выражения имеет важнейшее значение для перевода.

Сравнительный анализ при помощи метода структурно-семантической сетки дал возможность оценить эквивалентность перевода. Субъект может совершать какое-либо действие или являться чем-либо, что позволяет выделить предикат (P, P1, P2, P3 и т. д.). К сравнительному анализу предикатов в текстах оригинала и переводов мы обращаемся в том случае, если значимые различия невозможно объяснить только структурно-семантическим методом. На основании данных структурной сетки проводился построфный сравнительный анализ шести переводов, отмечаются соответствие, утрата структурных элементов и привнесение новых. Результатом исследования стал вывод об особенностях перевода каждого из авторов, о трансформации ключевых образов и о степени близости к оригиналу.

Результаты и их обсуждение

А. С. Пушкин написал свое стихотворение в южной ссылке, когда вынужден был жить в Кишиневе и Одессе. В 1822 г. поэт аллегорически описал в стихотворении «Узник» свое положение. В произведении автор использует многоступенчатое сравнение. Себя он представляет узником, находящимся *в темнице сырой*. Узник, в свою очередь, сравнивается с *молодым орлом*, запертым в клетке. В стихотворении возникает образ *грустного товарища* узника – свободного орла. Равные друг другу *вольные птицы* разделены решеткой. Свободный товарищ призывает узника покинуть свою темницу и улететь в далекие края, где гуляют только вольный ветер и орел.

Первый перевод стихотворения на белорусский язык принадлежит М. Богдановичу. Он был написан поэтом, тяжело страдающим от туберкулеза легких, в 1916 г., за год до смерти. Свою ограниченную болезнью жизнь, большое тело М. Богданович часто сравнивал с тюрьмой, из которой стремилась вырваться на волю его свободолюбивая душа. Возможно, поэтому стихотворение «Узник» было очень близко белорусскому поэту. Перевод впервые был опубликован в 1927 г., через 10 лет после смерти М. Богдановича [2].

Второй перевод на белорусский язык выполнен М. Танком в 1937 г. и опубликован в ежемесячном культурно-общественном литературном журнале «Беларускі летапіс», который издавался в Вильно [3]. Четвертый номер за 1937 г. целиком посвящен А. С. Пушкину и приурочен к столетию со дня смерти русского поэта. Существует и более поздний перевод М. Танка, опубликованный в 1980 г. в пятом томе собрания его сочинений [4]. Поэт испытал тяготы тюремного заключения, его арестовывали и заключали под стражу несколько раз в Вильно в 1932–1936 гг. за подпольную революционную деятельность. В 1933 г. он даже издавал в тюрьме при поддержке политзаключенных рукописный журнал «Краты»

(всего вышло шесть номеров). Поэтому к стихотворению «Узник», в переводе которого М. Танк мечтает о свободной процветающей стране, у белорусского поэта сложилось личностное отношение.

Известны еще три перевода пушкинского стихотворения на белорусский язык. Их создали П. Глебка (опубликован в 1971 г.) [5], Ю. Свирка (опубликован в 1986 г.) [6] и Я. Золак (опубликован в 1988 г.) [7].

Я. Золак перевел стихотворение в США, где он жил в эмиграции с 1951 г. Еще летом 1944 г. поэт вынужден был покинуть страну, чтобы избежать репрессий за то, что работал учителем в школе и издавал рукописный журнал «Василек» на оккупированной немцами территории Случчины. Уже в США поэт самостоятельно обучился печатному делу и обустроил типографию в подвале собственного дома. В этой типографии издавались журналы «Беларускі патрыёт», «Сялянскі кліч», «Палессе», «Беларуская думка». Белорусский читатель познакомился с переводом поэта-эмигранта в 1988 г. в сборнике «Вятрыска з радзімай краіны». Неслучайно образы резких, холодных, колючих ветров и маяка появляются и в переводе стихотворения «Узник».

Первая попытка анализа трансформации ключевых образов в четырех переводах стихотворения «Узник» на белорусский язык была предпринята нами ранее. Здесь мы приводим полные данные структурно-семантического анализа шести известных переводов произведения [8]. Обратимся к структурному анализу ключевых образов первой строфы стихотворения А. С. Пушкина и его переводов (табл. 1). В оригинале представлены четыре ключевых образа: образ *Я* (узник, который сидит в темнице и наблюдает за орлом под окном), образы темницы, времени и орла.

Таблица 1

Образы первой строфы

Table 1

Images of stanza 1

Образ	Автор						
	А. С. Пушкин	М. Богданович	М. Танк (1937)	М. Танк (1980)	П. Глебка	Ю. Свирка	Я. Золак
S	Я* [сизу]	+ Я* [сяджу]	–	+ Я* [сяджу]	– Я* [сяджу] взянем (метафора)	– Я* [сяджу] адзінокі (эпитет)	+ Я* [сяджу]
S	Темница сырая (эпитет)	– Турма	– Цэля пану- рая (эпитет)	–	–	+ Астрог сыры (эпитет)	– Цемра (метафора)
S1	Решетка (метафора)	+ Рашотка (метафора)	–	+ Краты (метафора)	+ Краты (метафора)	–	+ Краты (метафора)
S	–	–	– [мінаюць] гады (метафора)	– дні і гады (градация)	– гады	–	– гады
S	Орел молодой (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)	+ Арол малады (эпитет)
S1	Вскормлен- ный в неволе (эпитет)	– Узросшы на волі (эпитет)	– Узгадованы воляй (олице- творение)	– Спазнаўшы няволю (метафора)	+ Узрослы ў няволі (эпитет)	– Няволя зрадніла (олицетворе- ние)	– Узрослы на волі (эпитет)
S2	Мой грустный товарищ (эпитет)	+ Друг сумны мой (эпитет)	– Мой сумны таварыш сінеючых гор (эпитет, метафора)	+ Мой сумны таварыш (эпитет)	+ Мой сумны таварыш (эпитет)	+ Мой сумны таварыш (эпитет)	– Сябрук майго суму (метафора)
S3	Кровавая пища (эпитет)	+ Крывая страва (эпитет)	+ Акры- ваўлены корм (эпитет)	+ Акрываў- лены корм (эпитет)	+ Крывая ежа (эпитет)	+ Корм свой крывавы (эпитет)	+ Крывая ежа (эпитет)
S4	Крыло	– Моцнае крыло (эпитет)	–	+ Крыло	+ Крыло	+ Крыло	+ Крыло

Примечание. Здесь и далее знаком + отмечены соответствия в системе ключевых образов оригинала и перевода, знаком – обозначены их несоответствия. Лексические отступления от текста оригинала выделены подчеркиванием.

Образ *Я* явно не характеризуется в оригинале, известно лишь, что лирический герой сидит. Этот образ создается деталями окружающей обстановки и сравнением с орлом. П. Глебка уточняет образ метафорой *сяджу вязнем* (узником), а Ю. Свирка подчеркивает эпитетом *адзінокі*.

Образ темницы (*S*) у А. С. Пушкина охарактеризован эпитетом *сырая*, в его систему входит выраженный метафорой дополнительный образ решетки (*S1*), которая разделяет узника и орла. М. Богданович передает систему образа темницы русизмами *турма* и *рашотка*. Переводчик стремился сохранить образы оригинала, к тому же он самостоятельно овладевал белорусским языком, живя с детства в Ярославле, поэтому такой русифицированный перевод оправдан. М. Танк в 1937 г. передает образ темницы сырой через эпитет *цэля панурая*, чем вносит немного иной оттенок смысла, сливает образ решетки и темницы. А в более позднем переводе образ темницы вовсе исчезает, остаются лишь *краты*. То же происходит в переводе П. Глебки. Ю. Свирка сохраняет образ темницы (*астрог сыры*), но теряет образ решетки. Я. Золак вводит метафору *цёмра*. Интересно отметить, что у М. Танка, П. Глебки и Я. Золака появляется дополнительный образ времени: *мінаюць гады* (метафора), *сяджу дні і гады* (градация). Это компенсация лакуны (*темница сырая*), которая образовалась из-за отсутствия в белорусском языке соответствующего слова высокого стиля старославянского или древнерусского происхождения с основным значением «место заключения» и дополнительным значением «тьма».

Систему ключевого образа орла молодого у А. С. Пушкина составляют дополнительные образы *S1* (неволя, в составе эпитета *вскормленный в неволе*), *S2* (товарищ с эпитетом *грустный*), *S3* (пища с эпитетом *кровавая*), *S4* (крыло, которым машет орел). Если ключевой образ (*арол малады*) сохранили все переводчики, то дополнительные образы изменились. *S1* в текстах М. Богдановича, М. Танка (1937 г.), Я. Золака заменяется на образ воли: *узросшы на волі, узгадованы воляй, узрослы на волі*. Ю. Свирка преобразует эпитет в олицетворение: *няволя зрадніла*. Образовавшуюся лакуну в переводе фразы *вскормленный в неволе* можно объяснить отсутствием в белорусском языке устаревшего лексического соответствия высокого стиля. *S2* усложняется метафорами в переводе М. Танка (1937 г.) (*мой сумны таварыш сінеючых гор*) и в переводе Я. Золака (*сябрук майго суму*). *S3*, *S4* адекватно передаются во всех переводах, лишь *S4* усложняется эпитетом *моцнае* у М. Богдановича. Незначительное изменение оттенка смысла замечено у М. Танка и Ю. Свирки в слове *корм*, который все же получают от хозяина, в отличие от свободно добываемой *пищи*. Немного изменяется предикат в переводах М. Танка, П. Глебки, Ю. Свирки, где орел свою пищу не просто клюет, а *дзяўбе*.

Система ключевого образа орла, подчеркнутого олицетворением, дополняется во второй строфе дополнительными образами *S5* (окно), *S6* (одно (задуманное)), *S7* (взгляд), *S8* (крик), выраженными метафорой внутри олицетворения. Во второй строфе (табл. 2) художественную нагрузку несут предикаты образы орла: *P1* (клюет), *P2* (бросает), *P3* (смотрит), *P4* (задумал), *P5* (зовет), *P6* (вымолвить хочет), *P7* (давай улетим). Действие развивается, передается градацией и завершается эмоциональным призывом улететь, усиленным восклицанием.

Таблица 2

Образы второй строфы

Table 2

Images of stanza 2

Образ	Автор						
	А. С. Пушкин	М. Богданович	М. Танк (1937)	М. Танк (1980)	П. Глебка	Ю. Свирка	Я. Золак
S5	Окно	+ Акно	– Краты	– Краты	+ Акно	+ Акно	+ Акно
S6	Со мною [задумал] одно (олицетворение)	+ [задумаў] са мною адно (олицетворение)	– Адно са мной [марыць і сніць] (олицетворение)	– Пра адно са мной [марыць і сніць] (олицетворение)	+ Са мною [задумаў] адно (олицетворение)	– Са мною і ён <u>заадно</u>	+ Са мною [задумаў] адно (олицетворение)
S7, S8	[зовет] взглядом, криком (олицетворение, метафора)	+ [завёць] паглядам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [кліча] поглядам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [заве] позірмам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [заве] зіркам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [кліча] паглядам, крыкам (олицетворение, метафора)	+ [заве] поглядам, крыкам (олицетворение, метафора)

М. Танк заменяет лексему «окно» словом *краты*, а предикат Р4 – выражением *марыць і сніць*. Ю. Свирка предикат Р4 меняет на фразу *са мною і ён заадно*. Меняется в некоторых переводах оттенок призыва Р7. Если у А. С. Пушкина орел призывает навсегда улететь, то все белорусские переводчики, кроме М. Богдановича, употребили глагол *паляцім*, который не предполагает законченность и невозвратность действия.

В третьей строфе (табл. 3) окончательно оформляется ключевой образ – *мы*, противопоставленный образу *Я* в первой строфе. Этот образ зарождается еще в призывном кличе орла (*Давай улетим!*). Во второй строфе он дополнен образом S1 (*вольные птицы*), выраженным метафорой. Система этого ключевого образа сохранена во всех белорусских переводах: *вольныя птушкі*, *вольныя птахі*.

Другим ключевым образом выступает воля, к которой стремятся орел и узник, – образ неопределенного пространства свободы. Он усиливается анафорой (*туда...*) и завершается, по словам В. Рождественского, «на высокой ноте гордого утверждения: “лишь ветер... да я!”» [9]. Систему образа воли, свободного края составляют дополнительные образы S1 (гора, которая белеет за тучей (метафора)), S2 (морские края, которые синют (метафора)), S3 (ветер, который гуляет вместе с орлом (S4) (олицетворение, парцелляция)).

Таблица 3

Образы третьей строфы

Table 3

Images of stanza 3

Образ	Автор						
	А. С. Пушкин	М. Богданович	М. Танк (1937)	М. Танк (1980)	П. Глебка	Ю. Свирка	Я. Золак
S1	Вольные птицы (метафора)	+ Вольныя птушкі (метафора)	+ Вольныя птушкі (метафора)	+ Вольныя птушкі (метафора)	+ Вольныя птахі (метафора)	+ Вольныя птахі (метафора)	+ Вольныя птахі (метафора)
S1	За тучей белеет гора (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	– <u>Снягамі вяршыны гараць</u> (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)	+ За хмарай бялее гара (метафора)
S2	Синют морские края (метафора на основе действия)	+ Сінеюць марскія края (метафора на основе действия)	– Сінее краіна мая (метафора на основе действия)	– Сінее краіна мая (метафора на основе действия)	– <u>Блакiтнага мора прастор</u> (метафора на основе признака, эпитет)	– <u>Марская прастора</u> мая (метафора на основе признака)	– За морам <u>вiднее маяк</u>
S3, S4	Гуляем лишь ветер... да я!.. (олицетворение, парцелляция)	+ Гуляем... сам вецер ды я!.. (олицетворение, парцелляция)	– Вецер гуляе <u>свабодны</u> ... ды я! (олицетворение, эпитет, парцелляция)	– Вецер гуляе <u>свабодны</u> ... ды я! (олицетворение, эпитет, парцелляция)	– Гуляюць... <u>арлы</u> ды вiхор!.. (олицетворение, парцелляция)	+ Разгульваем вецер... ды я!.. (олицетворение, парцелляция)	– Толькі вятрыскі гуляюць... ды я (олицетворение, парцелляция)

В описании морских краев переводчики совершают несколько интересных изменений. Возможно, каждый из них выражает собственные мечты и стремления. Возникновение этой лакуны связано с тем, что белорусское слово *край*, *краі* имеет значение *страна*, *страны*. Переводчики заполняли ее по-разному. М. Богданович использовал русизм *края*. М. Танк вводит близкий ему образ вершин, которые горят снегами (*снягамі вяршыні гараць*). Это могут быть вершины сосен или елей, а не вершины гор. S3 передается через выражение *сінее краіна мая*, что перекликается с классическим образом Беларуси (Беларусь синеокая). Образ ветра автор перевода подчеркивает эпитетом *свабодны*.

П. Глебка и Ю. Свирка заменяют метафору на основе действия метафорой на основе признака: *блакiтнага мора прастор*, *марская прастора мая*. П. Глебка образ ветра передает более сильным словом *вiхор*. Я. Золак усиливает его словом *вятрыскі*. Интересно, что вместо синюющих морских краев переводчик использует другой образ: *за морам вiднее маяк*. Выходит, что орел зовет узника не в просторы синего моря, а в конкретную точку на его противоположном берегу. Не исключено, что в этом переводе поэт-эмигрант выразил свою тоску по покинутой родине.

Заключение

Сравнительный анализ текстов, проведенный при помощи метода структурно-семантической сетки, показал, что перевод зависит не только от оригинала, но и от восприятия переводчиком самого текста, его жизненного опыта. Авторами наиболее точных переводов являются М. Богданович и П. Глебка (12 и 11 соответствий в системах ключевых образов). Наиболее вольное переложение образов в переводе М. Танка 1937 г. (4 соответствия). В переводе М. Танка (1980) обнаружены 9 соответствий, в переводе Ю. Свирки – 10, в переводе Я. Золака — 10 соответствий.

Отмечена трансформация системы ключевых образов в переводах. Это связано с опытом личных переживаний поэтов-переводчиков, невозможностью найти точные лексические соответствия в языках, отсутствием в белорусском языке церковнославянизмов и старославянизмов. Художественно-выразительный строй оригинала удалось сохранить всем переводчикам, за исключением незначительных переходов эпитета в олицетворение и метафору в переводах первой строфы у М. Танка, Ю. Свирки, Я. Золака.

В целом можно заключить, что система образов и иносказательности наиболее сохранена у М. Богдановича и П. Глебки, хотя первый и позволил себе употребление русизмов для более точной передачи художественных особенностей оригинала, как это нередко случается при переводе на близкородственные языки.

Библиографические ссылки

1. Прохоренко ЛВ. Пушкинские метафоры как объект перевода на белорусский язык. *Веснік МДПУ імя І. Шамякіна. Філалагічныя навукі*. 2011;2:90–94.
2. Багдановіч М. Пераклады [Интернет]. 2020 [процитировано 25 ноября 2020 г.]. Доступно по: <http://archives.gov.by/index.php?id=719464>.
3. Пушкін А. *Вязень. Беларускі летаніс*. 1937;4:66.
4. Танк М. *На зорных шляхах. Пераклады*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1991. 334 с.
5. Пушкін А. Вязень [Интернет]. 2020 [процитировано 16 октября 2020 г.]. Доступно по: https://knihi.com/Alaksandar_Puskin/Viazien_5.html.
6. Свірка Ю. *Паўшар’е блакіту*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1986. 125 с.
7. Золак Я. *Вятрыска з радзімай краіны*. Мінск: БелАДІ; 1988. 312 с.
8. Морза Л. Трансформация ключевых образов в переводах стихотворения А. С. Пушкина «Узник» на белорусский язык. В: *Актуальныя пытанні філалогіі*. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 2020. с. 68–73.
9. Рождественский В. *Читая Пушкина*. Ленинград: Детская литература; 1962. 190 с.

References

1. Prokhorenko LV. [Pushkin's metaphors as an object of translation into Belarusian]. *Vesnik MDPU imja I. Shamjakina. Filalagichnyja navuki*. 2011;2:90–94. Russian.
2. Bagdanovich M. [Translations] [Internet]. 2020 [cited 2020 November 25]. Available from: <http://archives.gov.by/index.php?id=719464>. Belarusian.
3. Pushkin A. [Prisoner]. *Belaruski letapis*. 1937;4:66. Belarusian.
4. Tank M. *Na zornyh shljahah. Peraklady* [On Star trek. Translations]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1991. 334 p. Belarusian.
5. Pushkin A. Prisoner [Internet]. 2020 [cited 2020 October 16]. Available from: https://knihi.com/Alaksandar_Puskin/Viazien_5.html. Belarusian.
6. Svirka Ju. *Pawshar'e blakitu* [Hemisphere blue]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1986. 125 p. Belarusian.
7. Zolak Ja. *Vjetryska z radzimaj krainy* [The wind from the homeland]. Minsk: BelADI; 1988. 312 p. Belarusian.
8. Morza L. *Transformatsiya klyuchevykh obrazov v perevodakh stikhotvoreniya A. S. Pushkina «Uznik» na belorusskii yazyk* [Transformation of key images in translations of Pushkin's poem «Prisoner» into Belarussian]. In: *Aktual'nye voprosy filologii* [Topical issues of philology]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2020. p. 68–73. Russian.
9. Rozhdestvenskii V. *Chitaya Pushkina* [Reading Pushkin]. Leningrad: Detskaya literatura; 1962. 190 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.
Recieved by editorial board 15.01.2021.

УДК 821.161.1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА, ЕЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ТИПОЛОГИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Т. А. СВЕТАШЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основании предшествующих исследований осуществляется системный анализ литературной игры как феномена, формулируется собственная концепция литературной игры, выделяются ее конститутивные признаки, предлагается определение данного понятия. На материале русской поэзии второй половины XX в. разрабатывается типология литературной игры и рассматривается ее значение для основных литературных направлений этого периода (реализма, модернизма, постмодернизма) с учетом их специфики. Обосновывается раскрепощающая роль литературной игры в искусстве, ее возрастающий масштаб, возможности и значимость.

Ключевые слова: игра; литературная игра; типология литературной игры; русская поэзия второй половины XX в.; реализм; модернизм; постмодернизм.

Благодарность. Автор благодарит доктора филологических наук, профессора И. С. Скоропанову и сотрудников кафедры русской литературы филологического факультета БГУ за помощь в подготовке статьи.

LITERARY GAME, ITS PHENOMENOLOGICAL COMPREHENSION AND TYPOLOGY IN RUSSIAN POETRY OF THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

T. A. SVETASHOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Basing on previous research the article presents the systematic analysis of literary game as a phenomenon. Proprietary conception of literary game is formulated, its constitutive features are highlighted, the definition is proposed. On the material of Russian poetry of the second half of the 20th century the typology of literary game is worked out and its role in the main literary schools of that period (realism, modernism, postmodernism) is educed in the light of their specific features. The liberating value of the literary game, its increasing scale, possibilities and significance are substantiated.

Keywords: game; literary game; typology of literary game; Russian poetry of the second half of the 20th century; realism; modernism; postmodernism.

Acknowledgments. The author thanks doctor of science (philology), professor I. S. Skoropanova and the teaching staff of the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University for the help during preparing the article.

Образец цитирования:

Светашёва ТА. Литературная игра, ее феноменологическое осмысление и типология в русской поэзии второй половины XX в. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1: 50–59.

For citation:

Svetashova TA. Literary game, its phenomenological comprehension and typology in Russian poetry of the second half of the 20th century. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:50–59. Russian.

Автор:

Татьяна Анатольевна Светашёва – преподаватель кафедры русской литературы филологического факультета.

Author:

Tatiana A. Svetashova, lecturer at the department of Russian literature, faculty of philology.
t_svet@inbox.ru

Введение

Интерес к феномену игры зародился еще в эпоху Античности: происходило первичное философское осмысление игры и ее места в кругу других форм человеческой деятельности, при этом ее значимость и ценность не подвергались сомнению. Платон в трактате «Законы» рассматривал понятие «игра» как свободную деятельность, Аристотель анализировал игру с точки зрения ее практической значимости.

Оппозиция *игра – основная деятельность* осталась актуальной и в Средневековье. Игра получила в философии схоластов негативную этическую оценку и была приравнена к бездействию.

В эпоху Возрождения понятие «игра» было «реабилитировано» Ф. Рабле, М. де Монтенем и другими мыслителями; игре была возвращена роль важнейшей формы человеческой деятельности, однако и на этом этапе она так или иначе противопоставлялась труду.

Самостоятельным объектом систематического изучения игра стала лишь в последние десятилетия XIX в., но многие вопросы в данной области до сих пор остаются дискуссионными.

Л. Витгенштейн вообще отказывался от возможности найти единые квалифицирующие свойства для всех проявлений игры, заключив, что различные ее виды составляют «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом» [1, с. 66]. Однако большинство исследователей не отказываются от возможности выделить конститутивные признаки игры как феномена, а это предполагает критику доктрины Л. Витгенштейна.

Тем не менее, трудности с дефиницией игры объективны и обусловлены рядом причин. С одной стороны, определение термина и область его применения неодинаковы в разных языках (на это указывали, в частности, Й. Хейзинга и А. Вежбицкая). Границы словоупотребления проведены в каждом языке по-своему и интуитивно понятны носителю языка. С другой стороны, именно интуитивная понятность слова «игра» во многом осложняет его дефиницию: лексема существовала в мировых языках задолго до ее употребления в научном дискурсе. На эту трудность указывает, например, Э. Финк: «Как раз то, что кажется нам привычным и само собой разумеющимся, порой наиболее упрямо ускользает от какого бы то ни было понятийного постижения» [2, с. 361].

Наконец, проблемы с определением игры связаны с разноплановостью данного феномена и множественностью подходов к его научному исследованию. Игра в широком смысле является объектом изучения многих дисциплин: культурологии, философии, педагогики, социологии, психологии, этики и других областей гуманитарного знания, – и разные подходы акцентируют внимание на разных аспектах этого феномена.

Рядом философов игра понималась метафорически, максимально широко. Например, Ф. Шиллер абсолютизировал значимость игры как средства избавления от «рабства зверского состояния»: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [3, с. 281]. Ф. Ницше не ограничивал игру рамками исключительно человеческой деятельности, считая ее основой бытия мира: «...Даже безобразные и дисгармонические начала представляют собою художественную игру, которую ведет сама с собою Воля, несущая вечную и полную радость» [4, с. 246]. Г.-Г. Гадамер, изучая понятие «игра», также выводил его за рамки чисто человеческого бытия и утверждал вторичность человеческих игр по отношению к подобным явлениям в природе. Многие исследователи полемизируют с таким широким пониманием игры. Так, например, Э. Финк утверждал, что вне человеческого бытия игра невозможна.

Максимально широко трактовал понятие «игра» и Й. Хейзинга, чей труд «Homo Ludens» (1938) является одной из основополагающих работ по теории игры, которую ученый считал основой культуры.

Выделив определяющие характеристики рассматриваемого понятия, Й. Хейзинга пришел к выводу, что это «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но безусловно обязательным правилам с целью, заключающейся в нем самом; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением “инобытия” в сравнении с “обыденной жизнью”» [5, с. 44]. На этом культурно-философском определении базируется эстетическое понимание данного феномена.

Исследователь постулировал игровую природу культуры в целом, в том числе поэтического искусства: «Игровой характер языка поэтических образов столь очевиден, что едва ли необходимо доказывать это с помощью многочисленных доводов или иллюстрировать теми или иными примерами» [5, с. 133]. Однако такое широкое обобщение делает невозможным разграничение игры и поэзии.

В адогматичной, нелинейной философии постструктуралистов игра понимается как способ бытия культуры и единственно адекватный путь восприятия мира-текста, находящегося в непрерывном становлении. Это понятие становится конститутивной частью философской основы постмодернизма, процесс творчества воспринимается как игра кодов и знаков.

В целом же вопрос о границах литературной игры остается актуальным для современной науки. Термин «литературная игра» пока недостаточно четко определен научным дискурсом.

Таким образом, **актуальность** настоящей работы обусловлена потребностью в системно-обобщающем изучении феномена литературной игры как концептуального и художественно-эстетического фактора, нацеленного на детоталитаризацию мышления и языка, раскрепощение сознания. Требуется уточнения дефиниция понятия «литературная игра», нуждается в решении вопрос о роли и особенностях феномена игры в русской поэзии второй половины XX в. в контексте доминирующих художественных систем.

Целью исследования является системный анализ литературной игры как феномена (на материале русской поэзии второй половины XX в.), формулировка ее определения и разработка типологии. Достижение цели требует решения следующих **задач**:

- 1) сформулировать определение понятия «литературная игра», обосновать ее атрибутирующие признаки;
- 2) произвести классификацию типов и видов литературной игры;
- 3) обосновать специфику феноменологического осмысления игры в поэзии русских реалистов, модернистов, постмодернистов второй половины XX в.;
- 4) выявить значение феномена игры в русской поэзии второй половины XX в.

Теоретические основы исследования

Очевидно, что литературная игра является частным случаем игры вообще. В литературоведческих исследованиях наблюдается разнообразие подходов к игре в литературе, понимаемой как совокупность приемов, житнетворческая стратегия, философско-эстетический принцип, симулятивная практика, эпистемологический процесс, совокупность поведенческих сценариев и др. Следовательно, нуждаются в уточнении как понятие «литературная игра», так и ее основные признаки.

Далеко не все конститутивные признаки игры как феномена бытия, выделенные Й. Хейзингой, Э. Финком, А. Вежбицкой и другими исследователями, являются существенными для литературоведения.

Одним из основных дифференциальных признаков игры в широком понимании является ее свободный характер. Литературная игра осуществляется посредством **приведения в действия продуктивного авторского воображения**, свободной фантазии.

Игра как феномен также характеризуется ощущением инобытия по сравнению с обыденностью. Следует уточнить, что эта оппозиция отнюдь не тождественна противопоставлению игры серьезной деятельности, утверждаемому средневековыми философами и оспариваемому в более поздних исследованиях. Й. Хейзинга указывает на неправомерность противопоставления игры серьезной жизни: игра осуществляется **с особой игровой серьезностью**, которая транслируется и во внеигровое пространство.

Тем не менее играющий субъект отдает себе отчет в некотором выпадении из реальности. Происходит конструирование особого игрового хронотопа, мнимой ситуации. К выводу об оппозиции *реальное – игра (нереальное)* приходит в своей работе Э. Финк: игра у него «сама по себе не является частью реального пространства и времени» [2, с. 368].

Поскольку любое литературное творчество подразумевает моделирование особой художественной реальности, для разграничения игровых и неигровых явлений в литературе понятие «обыденное» требует уточнения. В процессе литературной игры в роли обыденного, привычного выступают следующие явления:

- любые коммуникативные стандарты, т. е. устоявшиеся образцы и стратегии, а также речевые штампы различных дискурсов;
- литературная традиция, все закрепленные опытом воспроизводимые и узнаваемые литературно-художественные образцы, как то: жанровые и стилевые стандарты, стратегии презентации текста и авторской самопрезентации и др.;
- нормы литературного языка.

Игра в литературе подразумевает сдвиг относительно нормы, традиции, стандарта, шаблона, трансгрессивный рывок, выход за рамки существующей системы в «иное пространство», т. е. **перемещение в моделируемую реальность, в которой возможна реализация любых вероятностных сценариев, ролей и моделей**. Благодаря свободному обращению с привычными образцами игра деавтоматизирует восприятие, мышление, процесс творчества и культуру в целом.

Конструирование игрового мира и пребывание в нем характеризуется осознанностью, что постулируется большинством исследователей. Играющий понимает, что выпадает из реального мира, но не путает эти миры.

Художественный поиск в поэтическом искусстве имеет во многом спонтанный и интуитивный характер, но применение этих находок и процесс презентации готового художественного произведения

абсолютно осознанны. Однако важным фактором для выявления игровых приемов в литературе является авторская рефлексия по поводу используемых языковых и внеязыковых средств. А. Э. Скворцов приходит к выводу о том, что «игра в художественной литературе возникает там и тогда, где и когда автор намеренно заостряет свое и читательское внимание не только на том, что он выражает, но и на том, как он это делает»¹. Литературная игра всегда **направлена на один или несколько аспектов коммуникативной ситуации: язык, текст, контекст, интертекст, оформление и презентацию произведения, фигуры автора и читателя.**

На позитивную эмоциональную окрашенность игры обращали внимание Й. Хейзинга, А. Вежбицкая и другие исследователи. Ощущение «напряжения и радости» (Й. Хейзинга) сопровождает весь игровой процесс. В. В. Бычков обобщил подходы к игре как к эстетическому феномену, назвав ее одной «...из главных и древнейших форм эстетической деятельности, т. е. неутилитарной, совершаемой ради нее самой и доставляющей, как правило, ее участникам и зрителям эстетическое наслаждение, удовольствие, радость» [6, с. 211–212].

Нередко игровые приемы отличаются от неигровых явлений юмористическим или ироническим характером, использованием различных форм комического, т. е. эстетически значимого смешного, забавного, остроумного. На «улыбку узнавания» зачастую рассчитаны такие приемы литературной игры, как игра со словом (языковая игра), игра с цитатой (интертекстом), игра с жанровым и стилевым стандартом, различные виды масок и др.

Приемы языковой игры, не имеющие отношения к юмору или иронии, характеризуются когнитивным подходом и эстетизацией языковых единиц, побуждают читателя оценить новизну, красоту, гармоничность их сочетания или преобразования. В разные эпохи и в различных эстетических системах те или иные приемы могут доминировать, выражая дух времени.

Установка на эстетическое удовольствие, занимательность, зрелищность реализуется в конце XX – начале XXI в. в том числе в таких новых гибридных коммуникативных явлениях, как интерактивные интернет-проекты, кинетическая поэзия, слем, видеопозэзия, новейшие твердые поэтические формы и других, часть из которых находятся на границе искусства и массовой коммуникации. Таким образом, важным признаком литературной игры является **установка на положительный эмоционально-эстетический эффект.**

Й. Хейзинга называет отсутствие внешних, внеигровых целей одним из дифференциальных признаков игры и многократно подчеркивает, что игра не связана с выполнением каких-либо витальных функций, она носит необязательный характер, «конечные цели, которым она служит, сами лежат вне сферы непосредственного материального интереса или индивидуального удовлетворения насущных потребностей» [5, с. 21]. Игра как коммуникативная система внутренне мотивирована, имеет целью саму себя; она самодостаточна и подчинена собственной логике, вектор интереса направлен внутрь игрового пространства.

Однако данный признак нуждается в корректировке: при направленности на саму себя игра, тем не менее, связана с другими коммуникативными системами вертикальными и горизонтальными связями и не может быть полностью исключена из потока причин и следствий реального мира. Будучи встроенной в какую-либо форму деятельности, игра берет на себя соответствующие функции. **Игровой прием в поэзии и в искусстве в целом решает конкретную творческую задачу, которую ставит перед собой автор,** а также выполняет общие эстетические, воспитательные, коммуникативные и иные функции, которые свойственны искусству. Однако в моделируемой продуктивным воображением желанной реальности свободная творческая активность имеет цель в себе, а творческий процесс не менее ценен, чем результат.

В условиях идеологического давления, ограничения свободы слова и творческого высказывания игровое поведение автора становится способом **противостояния любым формам заострения, детерминации, девальвации роли независимого творца;** игровые стратегии утверждают самоценность творческой деятельности, важность свободы, одаренности, оригинальности как базовых условий существования искусства.

Игра раскрепощает и высвобождает творческий потенциал личности. Любое принуждение аннигилирует игру и превращает ее в симуляцию. На этом свойстве игры базируются фундаментальные исследования в области педагогики, социологии, психиатрии. Роль игры как раскрепощающего фактора в искусстве достаточно велика, игровые приемы обеспечивают многообразие искусства и его развитие, в том числе в условиях ограничения свободы слова и печати. Игровой литературный прием является максимально свободным творческим актом. Осуществляемое в рамках игры свободное обращение с нормой,

¹Скворцов А. Э. Литературная и языковая игра в русской поэзии 1970 – 1990-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Казань, 2000. С. 7.

традицией и стандартом влечет за собой трансгрессивные рывки за их пределы; следовательно, литературная игра является одним из путей осуществления эстетических прорывов, ведущих к формированию новых приемов и жанров.

Результаты и их обсуждение

Обобщая изложенное выше, можно выделить следующие признаки литературной игры:

1. Ее целью является преодоление нормативности, т. е. литературная игра реализуется посредством сдвига относительно традиции, нормы, стандарта, шаблона. Для нее характерно ощущение инобытия по отношению как к реальности языка, так и к реалиям культуры, которое может приводить к трансгрессивным эстетическим прорывам и давать начало новой традиции и новым художественным образам.

2. Основной принцип игры – свободная творческая активность, незапрограммированная утилитарно-прагматическими причинами, воспринимаемая как самоценная, утверждающая значимость творческой свободы, одаренности и оригинальности и открывающая бесконечные возможности для самореализации и создания нового.

3. Движущий импульс литературной игры – приведение в действие продуктивного творческого воображения и перемещение в «инаковое» пространство, в котором действуют правила, установленные самим автором, и возможна апробация любых ролей и моделей, ведущих к преодолению одномерности и линейности.

4. Литературная игра может быть направлена на язык, текст, контекст, интертекст, оформление и способ презентации произведения, фигуры автора и читателя.

5. Акт литературной игры ориентирован на положительный эмоционально-эстетический эффект.

6. Выбор используемых игровых приемов зависит от конкретных задач, которые ставит перед собой поэт.

Таким образом, литературная игра – это тип авторского высказывания и поведения, основанный на приведении в действие «машины желания» и перемещении в инобытийную по отношению к устоявшимся нормам, традициям, стандартам, шаблонам реальность продуктивного писательского воображения и свободного творчества, имеющего цель в себе, преодолевающего одномерность и позволяющего апробировать любую роль, любую возможность художественного поиска. Объектами такой игры могут становиться язык, текст, контекст, интертекст, оформление и презентация произведения, фигуры автора и читателя. Игре присуща ориентация на положительный эмоционально-эстетический эффект и отношение к игровому процессу как к не менее важному, чем результат.

Во второй половине XX в. в русской поэзии происходило изменение соотношения художественных систем, велись интенсивные эстетические поиски. Литературный процесс более активно, нежели ранее, обогащался различными игровыми приемами; кроме того, актуализировались и трансформировались уже известные типы литературной игры. Игра в поэзии постепенно приобретала всеобъемлющий характер и затрагивала все этапы и уровни создания и функционирования поэтического произведения.

В русской литературе второй половины XX в. доминируют реализм, модернизм и постмодернизм (хотя существуют и смежные, синтетические, и пограничные формы). Возможности литературной игры в этих направлениях определяются их эстетикой и философской основой, вследствие чего сильно различаются, кроме того, сам феномен игры по-разному осмысливается поэтами разных направлений.

В **реализме** игра используется в качестве инструмента, и, как правило, реалисты обращаются к уже привычным типам игры, ассимилированным литературным процессом, однако развивают их и воплощают на новом материале и в рамках собственного идеостила.

С точки зрения осмысления самой игры как феномена бытия и соотношения игры и поэзии показательным стихотворением Ю. Левитанского «Второе тревожное отступление». Описывая рефлексию над ролью и значимостью труда поэта, автор использует распространенное в классической философии противопоставление игры серьезности, настоящей жизни:

И разве тебе не казалось порой,
что ты занимаешься детской игрой,
в бирюльки играешь во время чумы,
во время пожара?²

Однако, согласно Ю. Левитанскому, поэту надлежит преодолеть сомнения и отвергнуть мысль о том, что его творчество является игрой, т. е. безделицей, вздором, деятельностью второстепенной, незначимой и даже неэтичной.

²Левитанский Ю. Д. Черно-белое кино: стихи. М. : Время, 2005. С. 32.

Немиметические же художественные системы не принимают такую позицию, опираясь на представление об игре как о необходимой и значимой свободной активности.

Уже в **постреализме**, включающем в себя элементы модернистской и постмодернистской поэтики, у игры более значительная концептуальная роль.

Для **модернизма** игра является частью эстетики и трактуется как прямой результат естественной свободы воли, способ познания мира и самовыражения. Следуя за Ф. Ницше, модернисты трактуют игру как одну из высших форм творческой свободы. Искусство представляется им как свободная игра творца-демиурга, причем направлена она не только на мир вокруг, но и на собственную судьбу: «Человек уже больше не художник: он сам стал художественным произведением» [7, с. 228].

О значимости феномена игры как концептуального фактора и ядра житнетворчества сигнализируют произведения Б. Пастернака: цикл «Вакханалия», стихотворение «Во всем мне хочется дойти...» и др. В его поэзии получает воплощение сам концепт «игра»; жизнь представляется как творческий процесс, она разыгрывается, а главный критерий оценки личности творца-артиста – то, насколько талантливо, самозабвенно исполнена роль, насколько захватывающей получилась жизнь-спектакль. При этом не допускается искусственность, фальшь, только безупречная гармония делает игру великой:

Сколько надо отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют овраги,
Как играет река³.

«...Человек играющий, артист отваживается жить не по стандартам своего времени (и в этом противостоит большинству современников), а по законам самой жизни, которую воспринимает как гениальное творение гениального художника»⁴. В то же время на поэтов-современников подобная трактовка концепта игры оказала огромное влияние. Модернисты и неомодернисты второй половины XX в. возрождают концепцию «эстетического житнестроительства, противопоставления законов эстетической игры как отражающих “высшую реальность” логике и законам обыденной жизни» [8, с. 20].

Эту традицию восприняла в своем творчестве и Б. Ахмадулина, лирическая героиня которой зачастую выпадает из реальности, создавая вокруг себя как бы альтернативную действительность, вступая в игру с предметами и явлениями («Сказка о дожде», «Приключение в антикварном магазине» и т. д.).

В стихотворении «Памяти Бориса Пастернака» поэтесса изображает встречу с ним как театральный спектакль. В метафорическом ряду этого текста, близкого по поэтике к модернизму, размывается граница между реальностью и постановкой; вся жизнь Пастернака-персонажа представляется как сценическая игра, наделяемая высоким сакральным смыслом. Игра для творца – это естественное состояние:

Вот так играть свою игру – шутя!
всерьез! до слез! навеки! не лукавя! —
как он играл, как, молоко лакая,
играет с миром зверь или дитя⁵.

Игра трактуется здесь в духе Ф. Ницше: как высшая, данная природой свобода, игра духа, игра воли.

В стихотворении К. Кедрова «Рай рояля» игра – неотъемлемая составляющая творчества, стихия существования творца, который пребывает в перманентном состоянии пика эмоций:

Или так –
рояль на ремонте
стало быть будем играть в самого себя
все нервы порваны
натянуты все струны
каждая клавиша бездонна
как лестничный пролет⁶.

В стихотворении «Игра в наперстки» Д. Новикова, чье творчество занимает пограничное положение между реализмом, модернизмом и постмодернизмом, человек вовлечен в игру таинственных мировых сил, которую он бессилен понять:

³Пастернак Б. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. Стихотворения 1931–1959. М. : Худож. лит.-ра, 1989. С. 115.

⁴Скоропанова И. С. Борис Пастернак. Краткий очерк жизни и творчества : пособие для учителя. Минск : БГПУ, 2002. С. 28.

⁵Ахмадулина Б. Сочинения : в 3 т. Т. 1. М. : Корона-Принт, 1997. С. 101.

⁶По непрочному воздуху. По следам XI Московского фестиваля верлибра : сб. стихотворений / сост. Д. Кузьмин. М. : АРГО-РИСК, 2004. С. 95.

В каком наперстке жизнь твоя?

– Все происходит слишком быстро,
и я никак не уловлю
ни траектории, ни смысла.
Но резвость шарика люблю⁷.

Стихотворение заканчивается призывом играть, т. е. поддерживать своим существованием игру мировой *Воли*.

После возрождения модернизма в русской поэзии во второй половине XX в. в рамках этого направления происходит активное обновление образной системы, поскольку поэты остро ощущали девальвированность поэтического слова, что метафорически воплощено в стихотворении А. Монастырского «Пунктирная композиция»:

Музыка
кончается,
язык
заплетается⁸.

Модернисты искали возможность принципиально нового высказывания, их интересовали вопросы философии языка, соотношение языка и бессознательного, поиски способа адекватно воплотить душевный хаос, что привело к формированию новых течений и школ: метаметафоризм (К. Кедров, А. Еременко, А. Парщиков, И. Жданов и др.), космополитическая школа языка А. Драгомощенко, конкретизм лианозовцев (Е. Кропивницкий, И. Холин и др.) и пр.

Авангардизм – самая радикальная ветвь модернизма – наиболее резок и в эстетических экспериментах. Вслед за авангардистами первой трети XX в. поэты второй половины минувшего столетия даже дают игровые названия своим неофициальным группам (СМОГ – «Самое молодое общество гениев»; ДООС – «Добровольное общество охраны стрекоз»; «Хеленукты» – окказионализм, полученный В. Эрлем путем анаграммирования).

Поэты ищут константы бытия в языке, он становится не только инструментом творчества, но и его объектом.

В книге «Аксиома самоиска» А. Вознесенский оперирует термином «экзистенциализм поэзии», подчеркивая магическую сущность поэтических игр, в частности, палиндромии. Поэт обращает внимание на то, что палиндромическая поэма В. Хлебникова «Разин» «предугадывала обратный ход революционного процесса»⁹.

Сам поэт-шестидесятник постоянно обращался к различным типам игры, и, в частности, выносил приемы языковой и визуальной игры в заглавия своих сборников, таким образом предельно концентрируя на них читательское внимание: «Аксиома самоиска», «Россія, Poesia», «На виртуальном ветру», «Страдивари сострадания», «Жуткий Crisis Супер стар», «Девочка с пирсингом», «СтиXXI», «Тьмать», «Ямбы и блямбы».

У неоавангардистов с игрой иногда связан и процесс изготовления книги. Самиздат часто предполагает использование техник, возвращающих к прикладному детскому творчеству: вырезанию, склеиванию, рисованию, аппликации. Зачастую эти произведения внешне теряют сходство с книгой. При всей своей этической спорности проекты, подобные собранной В. Бахчаняном коллекции некрологов «Мертвые душечки», представляют собой продукт раскрепощенного и свободного, апрагматичного творчества.

Русские неоавангардисты, унаследовав от футуристов и обэриутов отношение к языковой единице как к пластичному объекту, значительно расширили возможности литературной игры.

Игра как важнейший элемент эстетики авангардизма уводит поэта за границы сложившейся поэтической парадигмы и подталкивает к выстраиванию новой, более раскрепощенной, что приводит к появлению нео- и поставангардизма.

«Язык заплетается, под ним проводится черта. Это исход. Приводящий, не будем забывать, к “Коллективным действиям”» [9, с. 217]. Коллективность и поиски новых форм выражения (в обход «заплетющегося языка») вели одних поэтов к акционизму, других – к постмодернизму.

Концептуализм (авангард авангарда, по определению В. Некрасова) противопоставляет игру идеологической детерминации и эстетической нормированности. Тотальная нелинейность и предельное

⁷Новиков Д. Самопал: книга новых стихотворений. СПб. : Пушк. фонд, 1999. С. 8.

⁸Монастырский А. Небесному носатому домику по пути в Паган. М. : ОГИ, 2001. С. 72.

⁹Вознесенский А. А. Аксиома самоиска. М. : ИКПА, 1990. С. 160.

повышение значимости визуального компонента приводят к появлению новых форм игры – акций и перформансов.

В **постмодернизме** весь мир-текст трактуется как открытое пространство потенциально не ограниченных возможностей творческого взаимодействия с ним, и литературной игре в данном процессе принадлежит определяющая роль. В ней могут быть задействованы все типы и виды игры, но определяющая роль принадлежит гипертекстуальности – перекодирующей игре симулякров (по Ж. Делезу и Ж. Деррида) с целью деабсолютизирующего профанирования текстов, которые содержат изжившие себя идеи, отличаются тоталитаризмом мышления и языка. Постмодернистская поэзия характеризуется игрой знаков и кодов, отрицает бинарность оппозиций и воплощает (чаще имплицитно) представление о множественности становящейся истины.

Постмодернистам свойственно двойное кодирование текста, ориентированного одновременно и на массового, и на элитарного читателя. Игра приобретает многофункциональный характер и распространяется на язык, стиль, жанр, текст, интертекст, презентацию произведения, фигуры автора и читателя, подверженные деконструктивистскому децентрированию и обретающие новые, поливариативные качества в мире-тексте неограниченных возможностей. В русской поэзии второй половины XX в. новые тенденции сигнализируют о себе в издании несброшюрованных «рассыпанных» книг (в картонках с карточками (Л. Рубинштейн), в виде рулона туалетной бумаги (А. Соболев) т. д.), использовании авторской и псевдоавторско-персонажной масок, проведении акций и перформансов на основе постмодернистских текстов и др.

Перформативность, театральность становятся частью не только творческой, но и поведенческой стратегии. У постмодернистов игровое поведение зачастую выходит за рамки собственно творческого процесса и распространяется на повседневность, при этом, в отличие от модернизма, фигура автора децентрируется.

Ситуация постмодерна в русской литературе во второй половине XX в. привела к изменению и пересмотру традиционных ролей автора и читателя, а развитие интернет-коммуникации в конце столетия создало условия как для интерактивной рецепции, так и для вовлечения читателя в создание текстов по заданным образцам. Эти стратегии читательского поведения имеют игровой характер. Наиболее ярко игровое начало проявляется здесь в создании виртуальных персонажей и интерактивных проектов, вовлекающих читателя в сотворческое *чтение-письмо* (по Р. Барту) и совместные ролевые акции.

Разные виды литературных игр различаются игровыми инструментами и аспектами коммуникативной ситуации, на которые направлена игра.

Поэты могут играть с языковыми средствами, с создаваемым текстом и его компонентами, с чужими текстами, с культурным контекстом. Объектом игры может становиться оформление и презентация текста, его визуальная и звуковая стороны. Игра может выходить за рамки текста в сферу его функционирования, в результате чего возникают такие игровые формы, как слем-поэзия, акции, перформансы. Развитие мультимедиа и интернета позволило создавать динамические интермедийные произведения, в буквальном смысле преодолевающие статику текста.

Наконец, игровая коммуникация может осуществляться в диаде *автор – читатель*. Автор может играть с собственной репрезентацией, вводя в текст фиктивного нарратора.

В зависимости от объекта и инструментов литературной игры в русской поэзии второй половины XX в. можно выделить следующие ее типы:

1) языковая игра (фонетическая, грамматическая, словообразовательная, лексическая, синтаксическая);

2) игра с текстом, контекстом и интертекстом:

- игра с дискурсами и стилевыми стандартами;
- интертекстуальная игра;
- игра с жанровыми стандартами;

3) игра с оформлением и презентацией текста:

- визуальная игра;
- игровое преодоление статики текста;
- выход за пределы текста в сферу его функционирования;

4) игра с фигурами автора и читателя:

- использование масок (литературных, персонажных, авторских, псевдоавторско-персонажных), литературные мистификации;
- интерактивные виртуальные проекты.

С необходимыми изменениями данная типология может быть применена при изучении литературы других эпох и стран.

Следует отметить также, что литературная игра может носить комплексный характер, т. е. совмещать в себе признаки разных типов игры.

Во всех случаях литературной игры характер коммуникативной ситуации в целом сходен. В роли инициатора коммуникации и главного игрока выступает автор. Читатель занимает позицию зрителя-интерпретатора, от которого зависит успешность коммуникативного акта и реализация игрового замысла. В различных типах игры роль читателя неодинакова. Если в языковой игре он выступает в традиционной роли, то игра с интертекстом требует от него гораздо большей вовлеченности и знаний, необходимых для интерпретации игровых манипуляций с чужими текстами и культурными кодами. С нарастанием интерактивности читатель наделяется все большими полномочиями.

В русской поэзии второй половины XX в. происходит редистрибуция и обновление спектра используемых игровых приемов. Подвергаются модернизации и постмодернизации уже известные игровые стратегии, появляются новые. Широко используются каламбур, ирония и противоирония, оксюморон, пародирование, алогизм, нонсенс, абсурд, комический мажор, остранение, деконструкция слова и речи (удлинение и укорочение слов, трансформация и др.), монтаж аттракционов (термин А. В. Скидана), скоморошество, мистификация, пастиш, вероятностное цитирование (термин И. С. Скоропановой), травестийное двойничество, театрализация, игровая редукция авторского «я», прием маски, игра в игру (термин А. Андреева), практики гипертекстуальности и мультимедийности, издание «рассыпанных» книг, использование авторской, авторско-персонажной, псевдоавторско-персонажной масок, выход за границы текста и его «разыгрывание» во внетекстовом измерении (проведение акций и перформансов на основе постмодернистских текстов) и др.

Новые формы выражения игрового начала становятся возможными благодаря компьютеризации и появлению интернета, используются новаторские приемы интерактивности. С середины 1990-х гг. возникают и активно развиваются дигитальная поэзия и сетература, появление которых во многом подготовлено постмодернизмом.

Заключение

Литературная игра – одно из проявлений игры как сложного социокультурного феномена.

Роль литературной игры в русской поэзии второй половины XX в. динамически возрастает, результаты игровых экспериментов расширяют арсенал приемов поэтического искусства, служат обновлению литературы, расширению ее возможностей.

Проявление феномена игры имеет свою специфику в каждой из доминирующих в поэзии означенного периода художественно-эстетических систем. В **реализме**, основанном на принципе мимесиса, игра используется в качестве инструмента осуществления локальных задач. В **модернизме** игра – разновидность жизнотворческой стратегии, проявление талантливости и артистизма в проживании жизни. В авангардистской ветви модернизма игра участвует в выстраивании новой эстетической парадигмы. Главная функция игры в **постмодернизме** – детотализация мышления и языка, плюрализация сознания, переоценка ценностей. В постмодернизме представлены все без исключения типы и разновидности игры.

Литературная игра является сложным междисциплинарным объектом исследования и нуждается в дальнейшем изучении литературоведением в связи с ростом значимости игрового фактора в искусстве.

Библиографические ссылки

1. Витгенштейн Л. *Философские исследования*. Москва: АСТ; 2011. 347 с.
2. Финк Э. *Проблема человека в западной философии*. Москва: Прогресс; 1988. 552 с.
3. Шиллер Ф. *Собрание сочинений в 7 томах. Том 6. Письма об эстетическом воспитании*. Москва: Гослитиздат; 1957. 791 с.
4. Ницше Ф. *Стихотворения. Философская проза*. Санкт-Петербург: Художественная литература; 1993. 670 с.
5. Хейзинга Й. *Homo Ludens. Статьи по истории культуры*. Москва: Прогресс-Традиция; 1997. 416 с.
6. Бычков ВВ. *Эстетика*. Москва: Гардарики; 2002. 556 с.
7. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм*. Москва: Издательство Юрайт; 2017. 314 с.
8. Липовецкий МН. *Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики)*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 1997. 317 с.
9. Скидан А. *Сумма поэтики*. Москва: Новое литературное обозрение; 2013. 296 с.

References

1. Vitgenshtein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical research]. Moscow: AST; 2011. 347 p. Russian.
2. Fink O. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The problem of person in Western philosophy]. Moscow: Progress; 1988. 552 p. Russian.
3. Shiller F. *Sobranie sochinenii v 7 tomakh. Tom 6. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii* [Collected edition in 7 volumes. Volume 6. Letters about aesthetic education]. Moscow: Goslitizdat; 1957. 791 p. Russian.
4. Nietzsche F. *Stikhotvoreniya. Filosofskaya proza* [Poems. Philosophical prose]. Saint Petersburg: Khudozhestvennaya literatura; 1993. 670 p. Russian.
5. Huizinga J. *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on the history of culture]. Moscow: Progress – Traditsiya; 1997. 416 p. Russian.
6. Bychkov VV. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Gardariki; 2002. 556 p. Russian.
7. Nietzsche F. *Tak govoril Zarathustra. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm* [Thus spoke Zarathustra. Birth of tragedy, or Hellenism and pessimism]. Moscow: Yurayt Publishing House; 2017. 314 p. Russian.
8. Lipoveckii MN. *Russkii postmodernizm (ocherki istoricheskoi poetiki)* [Russian postmodernism (essays on historical poetics)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 1997. 317 p. Russian.
9. Skidan A. *Summa poetiki* [The sum of poetics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2013. 296 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.01.2021.
Recieved by editorial board 21.01.2021.

УДК 0008.0009

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИЗАЙНА КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Н. Ю. ФРОЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется поиск взаимодействия теории и практики дизайна в рамках современной ситуации. Целью статьи является попытка показать, что исследования дизайна должны быть основаны на глубоком его понимании как уникальной человеческой деятельности, включающей в себя как теоретическое осмысление, так и практическое воплощение. Рассматриваются специфика исследований дизайна, их становление и стратегия развития. На основе сравнения понятия «сложность» в науке и проектировании утверждается, что наука не является лучшим местом для поиска решения вопросов проектирования. Делается вывод о том, что любая попытка взаимодействия между проектными исследованиями для получения результатов, направленных на поддержку практики, должна основываться на фундаментальном понимании специфики деятельности. Такое понимание можно развить в набор строгих методов и приемов проектирования, соответствующих потребностям и желаниям практикующих дизайнеров.

Ключевые слова: исследование дизайна; дизайн-теория; дизайн-практика; дизайн-деятельность; природа дизайна.

Образец цитирования:

Фролова НЮ. Исследования дизайна как пространство взаимодействия теории и практики. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:60–68.

For citation:

Frolova NU. Design research as a space of interaction between theory and practice. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:60–68. Russian.

Автор:

Наталья Юрьевна Фролова – доцент кафедры коммуникативного дизайна факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natallya U. Frolova, associate professor at the department of communication design, faculty of social and cultural communications.
frolovanu@bsu.by

DESIGN RESEARCH AS A SPACE OF INTERACTION BETWEEN THEORY AND PRACTICE

N. U. FROLOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main focus of this work is on the search for interaction between theory and practice of design in the current situation. The aim of the article is to show that design research should be based on a deep understanding of design as a unique human activity, which includes both theoretical reflection and practical implementation. The article deals with the specifics of design research, its formation and development strategy. Based on the comparison of the concept of complexity in science and design, it is argued that science is not the best place to find approaches and methods of approach to design complexity. Instead, it concludes that any attempt at interaction between design studies to obtain results aimed at supporting design practice must be based on a fundamental understanding of the nature of design practice. This understanding can be developed into a reasonable and rich set of rigorous and disciplined design methods and techniques that meet the needs and desires of practicing designers.

Keywords: design studies; design theory; design practice; design activity; nature of design.

Введение

С началом автономизации дисциплины исследований дизайна (design studies, design research) проблемное поле ее исследований заметно расширилось. Это связано с расширением пространства дизайн-практики. На прошедшей в Ирландии в 2018 г. конференции «Proceedings of DRS»¹ были заявлены такие направления в исследовании дизайна, как design, research and feminism(s) (дизайн, исследования и феминизм)², designing social innovation in cultural diversity and sensitivity (дизайн социальных инноваций в условиях культурного разнообразия и восприимчивости), designing for transitions (проектирование преобразований), inclusive design (инклюзивный дизайн) и пр.

Вплоть до конца XX в. проблемы изучения теории и практики дизайна традиционно включались в пространство изучения таких дисциплин, как искусствоведение, культурология, маркетинг, экономика и т. д. В СССР вопросами теории и практики дизайна занималась дисциплина «Техническая эстетика»³, которая выработала свой методологический подход к проектированию.

Однако сегодня благодаря многим факторам (например, автономизация и укрепление дисциплины исследований дизайна), его изучение постепенно выходит из междисциплинарных или культурологических исследований. Исследования дизайна вошли в научное пространство, опираясь на различные подходы (междисциплинарный, культурологический, семиотический и пр.). Однако с выходом книги Н. Кросса (Nigel Cross) «Дизайнерские способы познания» («Designerly ways of knowing») [1] в англоязычной литературе стало актуально говорить об особом подходе познания мира – дизайнерском [2].

Эти процессы произошли во многом благодаря деятельности общественных организаций⁴, активной публикационной деятельности научных журналов⁵ и личному вкладу некоторых ученых, продвигающих значимость дисциплины. Все процессы по продвижению дисциплины актуальны в первую очередь для англоязычной и немецкоязычной научной среды. В русскоязычном пространстве этот процесс еще не начался, и в настоящее время данный вопрос исследуется только на кафедре коммуникативного дизайна БГУ под научным руководством Х. С. Гафарова. Процесс развития исследований дизайна в русскоязычном научном пространстве сопряжен со многими сложностями и прежде всего с идейной привязанностью к наследию технической эстетики. В последнее время было издано несколько работ по теории и философии дизайна на русском языке⁶, однако они несут скорее историко-культурологический характер.

¹DRS-2018. University of Limerick [Electronic resource]. URL: <http://www.drs2018limerick.org> (date of access: 10.09.2020).

²Здесь и далее перевод наш. – Н. Ф.

³Техническая эстетика – научная дисциплина (теория, история и методология дизайна), комплексно изучающая проблемы формообразования гармоничной предметно-пространственной среды. Данный термин имел распространение в советском научном пространстве.

⁴Design Research Society (DRS), Systemic Design Research Network (SDRN), etc.

⁵Design Issues, Design Studies, Design Science Journal, etc.

⁶Быстрова Т. Ю. Вещь, форма, стиль: введение в философию дизайна. М. : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 374 с. ; Лола Г. Н. Дизайн-код: методология семиотического дискурсивного моделирования. СПб. : Береста, 2016. 264 с. ; Лола Г. Н. Метафизика дизайна. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2014. 155 с. ; Чижиков В. В. Дизайн и культура. М. : МГУКИ, 2006. 361 с.

Напротив, в западноевропейской и американской научной среде с конца прошлого века велась работа по анализу и актуализации дизайна и выявлению особенностей его функционирования⁷. Уже на конференции «Методы дизайна», проведенной в Бирмингеме в 1965 г., С. Грегори попыталась соотнести методы проектирования с научными методами, впервые вводя в дискуссию термин «дизайн-наука» (design science): «Дизайн-наука связана с изучением, исследованием и накоплением знаний о процессе проектирования и его единстве. Она направлена на сбор, организацию и совершенствование тех аспектов мысли и информации, которые имеются в отношении дизайна, а также на конкретизацию и проведение исследований в тех областях дизайна, которые могут представлять ценность для практических дизайнеров и проектных организаций» [3, p. 323].

Исследования дизайна в процессе своего становления столкнулись с массой проблем, одна из которых – желание разделить теорию дизайна и практику. История дизайна XX в. продемонстрировала, что развитие теоретических подходов и методов не всегда направлено на практическую деятельность. Такая ситуация особенно характерна для СССР, где невозможность активно влиять на промышленное производство сформировала уникальную научную среду для разработки теории и методологии дизайна в рамках работы Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики.

В последние несколько лет в публикациях американских и западноевропейских исследователей высказывались многочисленные критические замечания о том, что теория дизайна находится в разрыве с практикой. Утверждалось, что результаты научных исследований не всегда полезны для практиков и что разработанные подходы чрезмерно трудоемки, слишком сложны для изучения, абстрактны и теоретичны. Одной из проблем разрыва теории и практики дизайна является недостаточное понимание его природы. Как следствие, в ходе исследований дизайна заимствовались подходы и методы, не всегда подходящие для практики проектирования, несмотря на то что они могли успешно применяться в других областях.

В данной статье будет совершена попытка проанализировать взаимодействие теории и практики дизайна. Несмотря на очевидность их взаимоотношений, как оказалось, есть необходимость обнаружения этой связи. Кроме того, есть необходимость понимания, что созависимость теории и практики в дизайне вовсе не является такой же, как в других сферах. Цель работы заключается в том, чтобы показать, что исследования дизайна должны быть основаны на глубоком его понимании как уникальной человеческой деятельности и включать в себя как теоретическое осмысление, так и практическое воплощение. Возможно, эта мысль не является оригинальной, но в связи с формированием новой парадигмы дизайна и укреплением новой дисциплины исследований дизайна становится важным понимание взаимодействия и взаимосвязи теории и практики дизайна, особенно для профессиональной подготовки в рамках высшей школы.

Взаимодействие науки и дизайна

В последние годы наблюдается интерес исследователей к статусу дизайна в культуре. Его положение и роль в культурных процессах действительно изменились, и об этом свидетельствует пролиферация дизайна, которую отмечает Х. С. Гафаров в статье «Вызовы глобализации и пролиферация дизайна» [4]. Столетняя история феномена позволила обобщить опыт практиков дизайна, которые не только делятся знаниями, но и предлагают различные модели развития дизайна в будущем⁸. Этот вклад уже оказал определенное влияние на изменение статуса дизайна и повысил интерес к изучению возможностей дизайн-проектирования как важной стратегии развития для других видов деятельности.

Во многих работах отстаивалась важность различий между дизайном и исследованиями дизайна⁹, между практикой и теорией. В некоторых публикациях обосновывалась позиция о том, что у дизайнерской практики есть своя собственная методологическая строгость¹⁰.

⁷Bye D. The nature of design. New York : Reinhold Publishing Corporation, 1964. 96 p. ; Faimon P., Weigand J. The nature of design: how the principles of design shape our world from graphics and architecture to interiors and products. Cincinnati : How Design Books, 2004. 199 p. ; Orr D. W. The nature of design: ecology, culture, and human intention. Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. 247 p. ; Pye D. The nature and aesthetics of design. Oxford : Berg Publisher, 2002. 160 p.

⁸Margolin V. Design, the future and the human spirit // Design Issues. 2007. Vol. 23. No. 3. P. 4–15. ; Reeves S., Goulden M., Dingwall R. The future as a design problem designIssues // Design Issues. 2016. Vol. 32. No. 3. P. 6–17.

⁹Jones G. R. Organisation theory, design, and change. London : Pearson, 2012. 512 p. ; Kolko J. Exposing the magic of design (human technology interaction series). Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. 208 p. ; Koskinen I., Zimmerman J., Binder T., Redström J., Wensveen S. Design research through practice. From the lab, field, and showroom. Amsterdam : Morgan Kaufmann, 2011. 224 p. ; Schon D. A., Bucciarelli L. L. Design theory and methods – an interdisciplinary approach // Design theory '88. Proceedings of the 1988 NSF Grantee Workshop on Design Theory and Methodology. New York : Springer, 1988. P. 29–35.

¹⁰An anthology of theories and models of design: philosophy, approaches and empirical explorations / A. Chakrabarti, L. Blessing (eds). London : Springer, 2014. 454 p. ; Erlich M. Theorie des Designs. Paderborn : Fink, 2013. 225 S. ; Jones J. C. Design methods. New York ; Chichester : John Wiley and Sons, 1992. 407 p.

Любой дизайнер, имеющий профессиональную подготовку и выросший на книгах В. Папанека¹¹ и Р. Б. Фуллера¹², представляет свой будущий продукт как идеальное проектное решение, имеющее не только функциональное, но и социокультурное значение, способное решить если не проблемы человечества, так, по крайней мере, проблемы конкретного человека. Однако проектирование всегда сопряжено с рисками, что проектируемый продукт не решит поставленную задачу, будет похож на другие и, что особо неприятно, может нанести вред обществу. Кроме того, дизайнер работает, как правило, с требовательными и зачастую некомпетентными клиентами в условиях ограниченного времени и ресурсов. Это является нормальным и повседневным контекстом любой дизайнерской практики.

Почти все проектные ситуации предлагают изучение различных источников информации, смену требований и запросов заказчика, ограничение временных и материальных возможностей. Наличие таких проблем может привести дизайнера к тому, что он столкнется с огромной сложностью проектирования, поскольку итоговое решение не всегда выражает его профессиональное мнение.

Есть интересный парадокс, связанный со сложностью поставленной задачи. Слишком простое задание на проектирование можно считать скучным. Именно сложность задачи дизайнера в какой-то степени делает его таким увлекательным и полезным предприятием для индивидуального развития человека. Это становится вызовом для человеческого ума и важным аспектом развития творческих способностей наряду с тем, что это и источник личного удовольствия от создания чего-либо нового. Кроме того, проектирование есть один из способов сконцентрироваться на изучении и решении проблемной ситуации, а эта стратегия становится все более перспективной в связи с популярностью концепции потока [5]. Сложность дизайна сама по себе не обязательно является проблемой, но, вероятно, представляет собой необходимое условие для инновационного и творческого дизайна.

Несмотря на то, что многие согласятся с таким положительным пониманием сложности дизайна, все же существует профессиональная необходимость для структурированного и организованного плана решения сложных задач. В поисках таких подходов создается впечатление, что многие обращаются к науке, которая, как известно, может справляться со сложностью задач и обладает рядом методов. Тогда возникает вопрос: может ли наука обеспечить дизайн методами, подходящими для решения сложных проектных задач?

Общепризнанно, что наука чрезвычайно успешно справляется со сложностями в процессе раскрытия механизмов и структуры реальности. Но являются ли основополагающие принципы научных методов и подходов пригодными для разработки практики дизайна?

Природа дизайн-деятельности

Вся история развития дизайна в XX в. показывает, что практики и теоретики активно пользовались методами науки, привнося язык и формы научного знания. Эта практика обогатила феномен, но не сделала его самодостаточным и автономным. Однако включенность научных методов позволила дизайну расширить свои теоретические и практические возможности¹³.

Когда методы и подходы заимствуют без понимания природы дизайна, это приводит к ситуации, в которой происходит существенный разрыв между теорией и практикой. Это особенно показательно в советской теории технической эстетики, когда разрабатываемые научные подходы не были использованы в полной мере в практической деятельности. Здесь надо оговориться, что такая ситуация связана не только с разрывом научного подхода и работой на производстве. Это связано со многими факторами советской действительности. Но разрыв между работой известных теоретиков технической эстетики и практической работой советской промышленности как нельзя лучше показывает неразрывность и взаимообусловленность теории и практики дизайна.

В этом контексте возникает тот самый разрыв между пониманием природы дизайна и универсальностью и достоверностью знаний. Х. С. Гафаров расширяет это представление о природе дизайна: «Перспектива “внутренней природы дизайна” охватывает предметы профессиональной компетенции дизайнера в зависимости от его специализации. Эта перспектива может включать пространственный анализ, (архи)тектонику, теорию систем, технологии, теорию медиа. Перспектива “внешней сферы

¹¹Папанек В. (Victor J. Papanek) – американский промышленный дизайнер, антрополог, философ и теоретик дизайна. Наибольшую известность ему принесла книга «Дизайн для реального мира».

¹²Фуллер Р. Б. (Richard Buckminster Fuller) – американский архитектор, дизайнер, инженер и изобретатель. Р. Б. Фуллер написал 28 книг, выработав такие термины, как эфемеризация и синергетика. Ему также принадлежит множество изобретений, в основном в сфере дизайна и архитектуры, наиболее известным из которых является легкий и прочный геодезический купол – пространственная стальная сетчатая оболочка из прямых стержней.

¹³An anthology of theories and models of design: philosophy, approaches and empirical explorations / A. Chakrabarti, L. Blessing (eds). London : Springer, 2014. 454 p.

дизайна”, его *контекста*, отсылает к междисциплинарности и множеству дискурсов, фокусируясь на том, как разрабатываются, формулируются и передаются знания о дизайне» [6, с. 15].

К концу XX в. рядом исследователей было сделано предположение, что дизайн как феномен уже вполне определен в своей природе и может являться самостоятельным типом мышления, который известен ученым Н. Кросс назвал дизайнерским (*designerly*). Он предлагает таксономию дизайн-исследований, которые основываются на трех категориях:

- дизайн-эпистемология – изучение проектного типа познания;
- дизайн-праксиология – изучение практики и процесса проектирования;
- дизайн-феменология – изучение форм и конфигураций артефактов.

Н. Кросс придает особое значение разграничению между исследованиями практики дизайна и самой практикой дизайна. В то же время он акцентирует внимание на том, что результаты дизайн-практики не должны исключаться из исследования дизайна. Кроме того, он утверждает, что эти исследования должны проводиться только специалистами в области дизайна и на основании практического опыта и теоретического осмысления всех процессов и результатов. Это позволило бы значительно расширить пространство проектирования и укрепить положение дизайна в культуре. Но такая позиция существенно развела дизайн и науку, поскольку Н. Кросс говорит о совершенно новом типе знания. Его книга «*Designerly ways of knowing*» существенно повлияла на формирование нового современного феномена, так активно сегодня развивающегося, – дизайн-мышления. Проблема внедрения дизайн-мышления в различные виды деятельности сегодня является актуальной, и об этом свидетельствует увеличение количества публикаций на эту тему¹⁴.

Однако это совсем не значит, что исследование дизайна и его теория являются чем-то совершенно независимым и новым в области мышления и понимания. Наука, если ее рассматривать как проект, – это то, над чем люди будут работать вечно или столько, сколько будет актуально. Цель науки – сформулировать всеобщее знание, объясняющее сложность действительности, поскольку она есть знание или система знаний, охватывающая общие истины или действие общих законов, особенно полученных и проверенных научным методом. Таким образом, цель заключается в формировании теории, представляющей собой достоверные знания, которые могут воспроизводить другие исследователи. Если теория выстроена правильно, то знания подтверждаются в исследовательском сообществе и сложность действительности воспринимается как нечто объяснимое и более близкое человеку.

Научные методы и дизайн

Практика дизайна заключается в создании уникальной реальности, выполняющей некие функции и воплощенной через продукт. Уникальность является результатом процесса преднамеренного проектирования, и неважно что это – мультимедийный проект или зубная щетка. Уникальность может ссылаться на классы систем (мебель, приборы, машины, шрифты и т. д.) и формировать новые, например, дизайн интерфейса (*interface design*), моушен-дизайн (*motion graphic design*), дизайн компьютерных артефактов и систем (*computer artefacts and systems design*). Уникальность может быть совершенной, когда придуманный продукт (предмет, процесс, знаковая система) не существовал ранее. Например, в рамках недели дизайна в Эйндховене¹⁵ в 2018 г. поднималась тема экологических отношений дизайна и переработки. Интересными оказались идеи компании BlueCity из Роттердама, которая разрабатывает целую линейку продуктов из кофейной гущи (обложки блокнотов, вазы, кашпо для растений, мебельные панели и посуда). На этой же выставке был представлен проект «Теплица будущего» (гидропонная теплица с автономным питанием на крыше), предназначенный для решения проблемы нехватки продовольствия.

Основным различием между успехом в науке и успехом в дизайне является то, что в науке важен исследовательский процесс, проводимый в соответствии с согласованными методологическими стандартами. В дизайне результат важнее процесса проектирования, причем качество результата определяется тем, насколько конечный продукт соответствует поставленной перед дизайнером задаче, а не тем, насколько хорошо дизайнер придерживался методологии проектирования. Известный ученый

¹⁴Браун Т. Дизайн-мышление: от разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 241 с. ; Кемпкенс О. Дизайн-мышление. Все инструменты в одной книге. М. : Эксмо, 2019. 224 с. ; Taylor P. Designerly thinking: what software methodology can learn from design theory // Proceedings of the 36th Annual Simulation Symposium. Washington : IEEE Computer Society, 2003. P. 107–116 ; Rowe P. G. Design Thinking. Cambridge : The MIT Press, 1991. 241 p.

¹⁵Dutch Design Week 2018 shows vision of the future [Electronic resource]. URL: <https://ddw.nl/en/press/press-archive/232/dutch-design-week-2018-shows-vision-of-the-future> (date of access: 10.09.2020).

Г. П. Щедровицкий писал: «Дизайн отличен от науки: он производит совершенно особые продукты – проекты и образцы изделий, никак не сводимые к знаниям» [7]. Окончательный успех дизайнера заключается в том, что продукт его деятельности решает проблемы человека и человечества, проживает некую жизнь в предметно-пространственном окружении индивида.

Поиском связи между наукой и дизайном занимались многие ученые как на Западе, так и в СССР. Например, Г. Саймон¹⁶ утверждал, что в процессе проектирования нельзя отказаться от научных методов, но необходимо существенно их ограничить. Такое явление он называл ограниченной рациональностью [8, с. 38] и проводил четкое разделение между природой «реального» мира (сфера науки) и мира искусственного (сфера дизайна). Г. Саймон впервые обосновал разделение научного и дизайнерского методов, тем самым заложив основу для последующей разработки дизайнерского метода познания. Такое понимание положения и значимости дизайна далее разрабатывали западноевропейские ученые, что в итоге вылилось в формирование самостоятельной дисциплины – исследования дизайна.

После выхода в 1972 г. книги «Науки об искусственном» Г. Саймона идея разработки новой формы постановки и решения проблемы проектирования стала объектом внимания многих исследователей. Наиболее радикальным был Д. Шон¹⁷, который в своей знаменитой книге «The reflective practitioner» [9] разработал более радикальную идею разделения реального и рефлектирующего понимания мира: «Рефлексия практикующего специалиста может служить корректирующим средством для переобучения. Через рефлексию профессионала есть возможность возобновлять и критиковать негласные понимания, которые выросли вокруг репетиционного опыта специализированной деятельности, что позволит по-новому осмысливать проблемные ситуации неопределенности или уникальности, а специалисту дает возможность получить новый опыт» [9, р. 61]. Согласно Шону, люди пытаются использовать техническую рациональность для решения неразрешимых проблем, а дизайн дает возможность поставить проблему, т. е. создать проблемную ситуацию. Дизайн – это постановка проблемы, а не ее решение. Он представляет собой рефлективную деятельность, с помощью которой в действии мы можем получить поддающееся проверке понимание наших мыслительных процессов. Д. Шон определяет, что посредством рефлексивной практики профессионалы узнают о своей имплицитной базе знаний и учатся на собственном опыте. Рефлексия в действии направлена на поведение, в то время как рефлексия на действии, рефлектирующее после события, – это обзор, анализ и оценка ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод, что решение сложных научных и проектных задач – это разные виды деятельности с разными целями, результатами и методами. Наука со временем выработала детальное и разнообразное понимание своих целей и подходов, когда методологическая строгость лежит в ее основе. В исследованиях дизайна необходимо использовать другие методы понимания. Дизайнерский подход используется уже более ста лет, он всегда соотносим с потребностями и желаниями человека. Однако это не та традиция, которая в рамках научной традиции переросла в интеллектуальный дискурс с теориями и экстернализированными представлениями, несмотря на то что уже выработаны и активно используются методологические основы, поддерживающие практику дизайна и формирующие его теорию, а также строгость и дисциплинированность в дизайн-проектировании.

Основы профессии даются в процессе образования, так как только в контексте обучения будущим дизайнером осваиваются методы и подходы проектирования при создании идеального дизайн-продукта. О. В. Чернышов пишет, что «профессиональная цель дизайн-деятельности, как ее конечный идеальный дизайн-продукт, заключается в формировании, развитии и актуализации социально значимых свойств и качеств человека» [10, с. 43]. Однако на практике специалисту редко удастся создать идеальный продукт, который точно воплощает идею и форму. Только в процессе обучения есть возможность апробировать различные подходы и методы, выработав некий авторский алгоритм принятия решения в процессе постановки проектной задачи. Когда дизайнер находится в сложной проектной ситуации, он должен действовать в соответствии с ней, учитывая все ее богатство, сложность и специфику. Получив образование, можно подготовиться к таким ситуациям, но невозможно предугадать, как действовать в каждой конкретной из них. Поэтому важно давать будущим дизайнерам максимально широкий диапазон проектных задач и подходов к проблемным ситуациям.

Вопрос о взаимоотношении дизайна и науки еще только встал на повестке у современных исследователей, также как и вопрос о стратегии развития исследований дизайна и проектных исследований.

¹⁶Герберт Саймон (Herbert Simon) – американский ученый в области социальных, политических и экономических наук. Автор множества трудов, в том числе книги «Науки об искусственном» (1972).

¹⁷Дональд Шон (Donald Schön) – философ, профессор Массачусетского технологического университета, основатель концепции рефлексивной практики и теории организованного обучения.

Стратегия изучения дизайна в мире, возможно, будет развиваться следующим образом: системный подход (исследования дизайна) – междисциплинарный подход – семиотический подход – рефлексивный подход.

Системный подход занимается изучением, идентификацией и формированием основополагающих принципов дизайна, а также выработкой универсальной методологии дизайн-деятельности. Развитие дизайн-исследований привело к их оформлению как целостной научной дисциплины, обладающей собственным предметным полем и собственными способами его познания. Вопросами теории дизайна занимаются, как правило, ученые, работающие в крупных университетах на факультетах дизайна, или руководители всевозможных организаций по вопросам исследования дизайна¹⁸.

Междисциплинарный подход изучает дизайн как один из феноменов культуры, а также рассматривает его в контексте понимания дизайна как артефакта.

Некоторые дисциплины, такие как инженерия, культурология, информатика, изобразительное искусство и архитектура, проводят исследования в области дизайна в различных формах и проблемных ракурсах. Даже с признанными результатами исследований в области дизайна, проводимых в рамках других дисциплин, значимость дизайна заметно занижается. Тем не менее, междисциплинарный подход к изучению дизайна получил развитие, особенно в русскоязычном пространстве¹⁹.

Семиотический подход к изучению дизайна связан с фигурой К. Криппендорфа, профессора кибернетики, языка и культуры Школы коммуникации Анненберга при Пенсильванском университете, и его важной работой «Семантический поворот. Новое обоснование дизайна» [11]. Семантический подход показывает, как акцент смещается с проблемы функционирования артефактов на проблему воздействия артефактов на потребителя. «Семантический поворот фиксирует различие технической, нерелевантной по отношению к потребителю, работы артефактов и человекоориентированного взаимодействия с артефактами, определенного социально, культурно и индивидуально. Деятельность дизайнеров, ориентированных на человека, должна заключаться в разработке “гуманных” интерфейсов, которые осмысленны, просты в использовании, приятны для восприятия»²⁰. Последователей К. Криппендорфа не много, но можно назвать ряд ученых, развивающих в той или иной мере семиотическую теорию²¹.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что в настоящее время мы наблюдаем за интересными процессами, происходящими в культуре и науке, когда открываются ранее неизвестные пространства для исследований и формируются новые дисциплины. Формирование новых дисциплин связано, в первую очередь, с усложнением условий и форм отношений в мире, требующих более индивидуализированного решения различных проблем. Такие процессы ведут к появлению новых, синтезу совершенно разных направлений исследований и характеризуются сложноорганизованной структурой. Дизайн становится важным участником современных социокультурных трансформаций, оказывая влияние на другие виды деятельности и области знаний.

Феномен дизайна также подвержен внутренним трансформациям, которые связаны с усложнением условий и методов проектирования, поскольку практика дизайна расширяет свои границы, давая множественность интерпретаций термина. Теоретическое осмысление дизайна проходит сложный путь становления, несмотря на то что уже с начала XXI в. в Западной Европе и США автономизировалась

¹⁸Creswell J. W. Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. New Delhi : SAGE Publications Ltd., 2009. 260 p. ; Kuechler B., Vaishnavi V. On theory development in design science research: anatomy of a research project // Europ. Journ. of Information Systems. 2008. Vol. 5. No. 17. P. 489–504.

¹⁹Быстрова Т. Ю. Зачем дизайну культурология // Междунар. журн. исследований культуры. 2016. № 4 (25). С. 5–15 ; Курмичина А. Э. Культур-контентный дизайн как инструмент мягкой силы в эпоху глобализации // Культуролог. чтения-2016 : материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–19 марта 2016 г., г. Екатеринбург, Россия). Екатеринбург : УрФУ, 2016. С. 224–229 ; Лола Г. Н. Дизайн в эпоху перемен: метатеория или практическая методология // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Искусствоведение. 2017. № 4. С. 148–150 ; Родькин П. Дизайн будущего и будущее дизайна. М. : Совпадение, 2020. 200 с. ; De Vaus D. A. Research design in social research. New Delhi : SAGE Publications Ltd., 2001. 296 p. ; Xue A., Tan T., Chong D., Xu T. Design and multi-disciplinarity: co-creation in practice // Applied degree education and the future of work. Education 4.0. Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2020. P. 63–76.

²⁰Гафаров Х. С. После Ульма: семантический подход в дизайне // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 октября 2018 г., г. Минск, Беларусь). Минск : БГУ, 2018. С. 6–19.

²¹Eckert C. Sources of inspiration: a language of design // Design Studies. 2000. Vol. 21. Issue 5. P. 523–538 ; Karjalainen T. M. Semantic transformation in design, communicating strategic brand identity through product design references. Helsinki : Univ. of Art and Design Helsinki, 2004. 271 p. ; Sjöström J., Donnellan B., Helfert M. Product semantics in design research practice // Working Conf. IFIP WG 8.2 (13–14 December 2012, Tampa, USA). Tampa, 2012. P. 35–38 ; Warell A. Design syntactics: a functional approach to visual product form theory, models, and methods. Göteborg : Chalmers tekniska högsk., 2002. 271 p.

дисциплина исследований дизайна как «зонтичный термин» для обозначения предметной области, объединяющей различные исследования и связывающей друг с другом разные области изучения дизайна» [7, с. 14].

В связи с появлением новых типов продуктов, интегрирующих цифровые компоненты, возникает серьезный вопрос о методологии создания, поскольку многие процессы становятся автоматизированными. Для того чтобы сегодня проектировать продукт, дизайнеру необходимо понимать взаимодействие между программными, техническими и теоретическими компонентами, а также учитывать работу сервисов и различных видов коммуникаций. Это формирует у дизайнера гибкое мышление, способное решать различные проблемы. Дизайнеры в рамках этих процессов тесно сотрудничают с представителями других дисциплин и нуждаются в более глубоком понимании междисциплинарного взаимодействия. Такая парадигма дизайна меняет текущее понимание его эволюции и возвращает дизайнера в статус универсала, как это было при зарождении профессии в начале XX в. Новое поколение дизайнеров должно обладать знаниями не только о проектном и техническом создании продукта, но и понимать взаимодействие между материальными и нематериальными услугами. Такие условия формируют необходимость подготовки дизайнеров в рамках междисциплинарного обучения.

Наука проектирования в будущем, вероятно, станет трансдисциплинарной. Это выразится не только в заимствовании методов исследования или теорий из других областей и их применении к проблемам проектирования, как мы делаем это сегодня, но и в воздействии на исследования за пределами проектирования, чтобы облегчить взаимодействие с новым поколением продуктов, процессов и систем.

По сравнению с естественно-научными и социальными науками исследования в области дизайна находятся в начальной стадии разработки, поскольку проводятся всего лишь несколько десятилетий. Академические позиции в научных исследованиях в области дизайна в самых выдающихся высших учебных заведениях мира лишь недавно закрепились и приобрели значительную популярность. Международные общества и организации по вопросам исследований также появились совсем недавно и развиваются удивительными темпами. Можно сказать, что в настоящее время происходит процесс укрепления позиций дизайна и как особой дисциплины, и как особого типа деятельности со своими исследовательскими методами и накопленным за сто лет практическим опытом. Мы наблюдаем за формированием новой культурной парадигмы дизайна.

Библиографические ссылки

1. Cross N. *Designerly ways of knowing*. London: Springer; 2006. 114 p.
2. Фролова НЮ. Дизайн-исследования в контексте концепции Найджела Кросса («Дизайнерские способы познания»). В: Важник СА, редактор. *Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VI Международной научно-практической конференции; 17–18 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: ИВЦ Минфина; 2019. с. 478–484.
3. Gregory SA. *The design method*. New York: Springer Science+Business Media; 1966. 354 p.
4. Гафаров ХС. Вызовы глобализации и пролиферация дизайна. В: Воробьева ОА, редактор. *Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования: сборник научных статей I Международной научно-практической конференции; 26–27 апреля 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. с. 13–24.
5. Чиксентмихайи М. *Поток. Психология оптимального переживания*. Москва: Сбербанк; 2013. 422 с.
6. Гафаров ХС. Дисциплинарная структура современных западных исследований дизайна: design studies: проблемы стратификации и таксономии. В: Воробьева ОА, редактор. *Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции; 19–20 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. с. 3–23.
7. Щедровицкий ГП. Дизайн и его наука: «художественное конструирование» – сегодня, что дальше? [Интернет; процитировано 10 сентября 2020 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3961/3978>.
8. Simon HA. *The sciences of the artificial*. Massachusetts: MIT Press; 1996. 248 p.
9. Schon DA. *The reflective practitioner: how professionals think in action*. New York: Basic Books; 1983. 384 p.
10. Чернышов ОВ. *Дизайн-образование: новая модель профессиональной подготовки дизайнеров*. Минск: Профилен; 2006. 279 с.
11. Krippendorff K. *The semantic turn. A new foundation for design*. Boca Raton: Taylor&Francis; 2006. 349 p. Co-published by CRC Press.

References

1. Cross N. *Designerly ways of knowing*. London: Springer; 2006. 114 p.
2. Frolova NU. [Designerly ways of knowing. Design studies in Nigel Cross' concept («Designerly ways of knowing»)]. In: Vazhnik SA, editor. *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17–18 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus* [Actual problems of design and design education: materials of the 6th International scientific and practical conference; 17–18 October 2019; Minsk, Belarus]. Minsk: IVTs Minfina; 2019. p. 478–484. Russian.
3. Gregory SA. *The design method*. New York: Springer Science+Business Media; 1966. 354 p.

4. Gafarov HS. [Challenges of globalisation and proliferation of design]. In: Vorob'yova OA, editor. *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya: sbornik nauchnykh statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*; 26–27 aprelya 2017 g.; Minsk, Belarus [Actual problems of design and design education: collection of scientific articles of the 1st International scientific and practical conference; 26–27 April 2017; Minsk, Belarus]. Minsk: Publishing Centre of the Belarussian State University; 2017. p. 13–24. Russian.
5. Chiksentmihaii M. *Potok. Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya* [Flow. The psychology of optimal experience]. Moscow: Sberbank; 2013. 422 p. Russian.
6. Gafarov HS. [Disciplinary structure of modern Western design studies: design studies: problems of stratification and taxonomy]. In: Vorob'yova OA, editor. *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya: sbornik nauchnykh statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*; 19–20 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus [Actual problems of design and design education: collection of scientific articles of the 2nd International scientific and practical conference; 19–20 April 2018; Minsk, Belarus]. Minsk: Publishing Centre of the Belarussian State University; 2018. p. 3–23. Russian.
7. Shchedrovitskii GP. Design and its science: «industrial design» – today and what's next? [Internet; cited 2020 September 10]. Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3961/3978>. Russian.
8. Simon HA. *The sciences of the artificial*. Massachusetts: MIT Press; 1996. 248 p.
9. Schon DA. *The reflective practitioner: how professionals think in action*. New York: Basic Books; 1983. 384 p.
10. Chernyshov OV. *Design-obrazovanie: novaya model' professional'noi podgotovki* [Design education: a new model of professional training of designers]. Minsk: Propilei; 2006. 279 p. Russian.
11. Krippendorff K. *The semantic turn. A new foundation for design*. Boca Raton: Taylor&Francis; 2006. 349 p. Co-published by CRC Press.

Статья поступила в редакцию 27.11.2020.
Received by editorial board 27.11.2020.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Języki słowiańskie dziś: w kręgu kategorii, struktur i procesów / Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk ; pod red. J. Banasiaka, A. Kiklewicza, J. Mazurkiewicz-Sułkowskiej. Warszawa, 2021.

Славянские языки сегодня: в кругу категорий, структур и процессов / Ин-т славистики Пол. академии наук ; под ред. Я. Банасяка, А. Киклевича, Ю. Мазуркевич-Сулковской. Варшава, 2021.

Сборник научных статей подготовлен в честь юбилея известного польского ученого, профессора Малгожаты Корытковской. Ее блестящие работы в области изучения семантики, синтаксиса польского и других славянских языков являются значимым вкладом в полонистику и славистику.

В сборник вошли 22 статьи известных ученых из Болгарии, Польши, России, Украины, Чехии – представителей разных национальных школ, знакомых с научными идеями М. Корытковской. Впечатляет охват славянских языков, на материале которых написаны статьи: болгарский, польский, русский, словацкий, словенский, украинский, хорватский, чешский. К сожалению, белорусский язык не представлен. Заметим, однако, что работы ученого цитировались и белорусскими авторами. В частности, в монографии С. Важника «Кантрастыўны сінтаксіс польскай і беларускай моў: семантыка і дыстрыбуцыя дзеяслоўнага прэдыката» (2008). Отметим также работу «Podstawowe struktury zdaniowe współczesnych języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski» под редакцией М. Корытковской и А. Киклевича (2010).

Проблематика сборника разнообразна. 7 публикаций связаны с болгаристикой. И это не случайно. Болгаристика и, в частности, синтаксические и се-

мантические вопросы болгарского литературного языка всегда были в центре научных интересов профессора Корытковской.

В сборник включены работы по разным разделам и аспектам языкознания. Констатируем явный перевес синтаксических публикаций (8). Грамматическим категориям посвящено 6 работ, морфемике и словообразованию – 4, теории и практике перевода – 2, лексикологии и лексикографии – по 1. Отметим при этом одну показательную тенденцию: большое количество работ написано на материале национальных лингвистических корпусов.

В сборнике выделим несколько блоков.

Первый и, пожалуй, самый большой блок («круг структур») представлен работами по *семантическому синтаксису, морфемике, словообразованию и морфологии славянских языков*, в которых польский сопоставляется с другими славянскими языками.

В статье Я. Банасяка и Е. Петковой «Kauzatywne “być albo nie być” w świetle modelu predykatowo-argumentowego» на основе теории предикатно-аргументных позиций М. Корытковской рассматриваются предложения с причинно-следственной связью¹. Приводятся английские, болгарские и польские соответствия. Авторы заключают, что «семантический синтаксис» ученого, ее предикатно-аргументная модель позволяют с успехом описывать причинно-следственные конструкции, что не всегда возможно в рамках так называемого *формального синтаксиса*. Это доказывается на примере как сложного, так и простого полипропозиционального предложений.

М. Дымарский в статье «Идентифицирующие речевые синтаксические модели: опыт обобщения (на материале русского языка)» настаивает на том,

¹Korytkowska M. Typy pozycji predykatowo-argumentowych. Warszawa : Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1992.

что эпоха моделирования в синтаксисе еще не закончилась и что следует различать синтаксическую систему языка и синтаксическую систему говорящего на этом языке. Последняя идея не нова для современного синтаксиса, но М. Дымарский идет дальше и предлагает считать реальной операционной единицей языкового сознания так называемую речевую синтаксическую модель (модель высказывания). Похожие идеи высказываются и в работах В. Ю. Меликяна, посвященных коммуникатам (см., например, «Словарь коммуниката русского языка» (2000), «Словарь фразеосинтаксических схем русского языка» (2000), «Словарь эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи» (2001) и др.). В статье препарируется модель *Так вот* + [вопр. предл.], которой эквивалентна польская модель высказывания с *więc*. При этом поддержим мысль М. Дымарского о том, что полезно изучать тот или иной иностранный язык на основе синтаксиса: овладеть готовыми формулами (в терминологии автора – речевыми синтаксическими моделями), на основе которых строятся высказывания в определенных ситуациях с определенными интенциями говорящего.

Статья известного польского синтаксиста З. Грэня «*Walencja a kolokacja*» посвящена теоретическому обоснованию таких синтаксических понятий, как *валентность* и *коллокация*. При этом автор учитывает польскую, чешскую и словацкую традиции. Приводятся языковые данные из валентностных словарей рассматриваемых языков, а также данные электронных языковых корпусов названных выше языков. В этом заключается новизна исследования. Валентность – это способность слова открывать вокруг себя позиции для других слов. Причем главный компонент накладывает на свое окружение определенные ограничения на уровне глубинных (*предикатно-аргументных* и *категориально-семантических*) и поверхностных (*формальных*) структур. Коллокация же имеет лексический характер и подразумевает сочетаемость слов, обусловленную значением языковых единиц (от *свободных сочетаний слов* до *идиоматики*). Автор статьи ратует за «встраиваемость» коллокации, широко представленной в электронных ресурсах, в соответствующие семантико-синтаксические валентностные структуры как результат «поверхностной» реализации валентности на лексическом уровне. Как представитель белорусского семантического синтаксиса придерживаюсь таких же взглядов. По мнению З. Грэня, коллокационную реализацию важно учитывать при проведении сопоставительных и лингводидактических исследований.

В работе Е. Ивановой «Болгарские конструкции с апрехенсивной частицей *да не би* в болгарском национальном корпусе» выдвинута гипотеза о том,

что в болгарском языке существует специальный показатель *апрехенсива* (беспокойство о возможности нежелательной ситуации) – частица *да не би*. Уделяется внимание другим средствам выражения апрехенсивной (модально-оценочной и эмоциональной) семантики в болгарском языке.

Э. Енджейко в статье «*Jeszcze o badaniu stylistycznych aspektów składni w kontekście współczesnych przemian lingwistyki*» ратует за решение одной из актуальнейших задач лингвистики XXI в. – разработку общей теоретической модели стилистического синтаксиса. Идеи стилистического синтаксиса, заложенные в полонистике З. Клеменсевичем и развитые в работах Т. Скубалянки и А. Вильконя, по мнению Э. Енджейко, уже недостаточны, хотя все еще являются важными на сегодняшний день. Отталкиваясь от оригинальной мысли З. Клеменсевича о различии между синтаксистом-грамматистом и синтаксистом-стилистом и введении специализации в синтаксисе, Э. Енджейко доказывает, что понятие «стилистический синтаксис» сегодня имеет более широкое понимание и предполагает не только стилистическую характеристику простых синтаксических единиц, но и синтаксическое ранжирование сложного текста (дискурса).

В качестве эпиграфа Э. Енджейко взяла слова А. Киклевича: «Настало время гиперпарадигм, которые опираются на идеи универсализма, кумуляции знаний, а также кооперации наук». Речь о так называемой *zintegrowanej składni funkcjonalnej*. А. Киклевич остается верен себе, даже описывая союзы в сложном предложении. В статье «*O pewnym typie spójników rozłącznych w języku polskim (w porównaniu z językiem rosyjskim)*» автор рассматривает отдельную группу союзов с позиции логики предложений, признавая, что логические основы языка имеют универсальный характер с точки зрения определенных синтаксических явлений в группе языков. В случае с союзами это касается сложного предложения: оппозиции, имеющие место между отдельными союзами, базируются на логических свойствах. Сопоставление союзных подсистем польского и русского языков позволяет А. Киклевичу констатировать, что при выражении *значений разделительности* и *инклюзивности* имеют место два разных языковых образа мира. При этом автор высказывает сомнение, что за этим фактом скрывается какая-то разница в аспекте ментальной репрезентации действительности поляками и русскими. Скорее имеет место разная языковая традиция.

Ценность публикации В. Малджиевой «Синтаксични структури, конституирани от междуметия в българския език» в том, что в ней представлен полный «модельный ряд» болгарских междометных конструкций, центральным компонентом которых

являются междометия разных лексико-семантических классов.

В статье Э. Тибенской «Bezsubjektové a bezpodmetovo subjektové vety (komparatívna štúdia slovensko – pol'sko – chorvátska)» проводится сопоставительный анализ словацких, польских и хорватских безличных предложений. Автор, опираясь на одну из работ М. Корытковской по конфронтативному синтаксису болгарского и польского языков, затрагивает традиционную проблему современного синтаксиса: безличные предложения, если рассматривать их с позиций семантического синтаксиса, более корректно называть не *бессубъектными* (здесь есть так называемый *субъект состояния*), а *бесподлежащими*, так как в них нет классического подлежащего, выраженного формой *номинатива*. Вслед за Г. А. Золотовой, отметим наличие в таких предложениях *генитивного*, *дативного*, *аккузативного*, *инструментального* или *локативного* *подлежащего*, поскольку семантический субъект может быть выражен соответственно *генитивом*, *дативом*, *аккузативом* и т. д.

К первому блоку в сборнике отнесем и работы по *морфемике* и *словообразованию* польского и других славянских языков.

В статье Ц. Аврамовой «За някои спорни въпроси, свързани с дефинирането на словообразователната транспозиция» рассматриваются спорные моменты определения *деривационной транспозиции* (*синтаксической деривации*). Автор утверждает необходимость пересмотреть существующее определение транспозиции в семантическом аспекте, учитывая традиции определения деривации, заложенные Е. Куриловичем.

Взаимоотношения между словообразованием и синтаксисом имеют место и в публикации Ю. Балтовой «Словообразуване и синтаксис (взаимоотношение и взаимозависимость)». Отношения словообразовательного и синтаксического уровней до сих пор остаются актуальным вопросом современного языкознания. Хотя статья и написана на болгарском языке, в ней уделяется внимание польской грамматике и освещает работы представителей польской лингвистической школы (Я. Розвадовского, В. Дорошевского, М. Гроховского, Р. Лясковского, С. Кароляка). Автор отмечает, что многие проблемы в рассматриваемой области остаются нерешенными. В частности, вопрос границ словообразования как лингвистической области, а также рассмотрение словообразования с позиций лингвопрагматики и коммуникативной грамматики.

Статья-обзор сопоставительного изучения морфемике славянских языков Е. Карпиловской «Слов'янська морфеміка у зіставному вивченні» включает в основном работы польских и украинских исследователей. Автор рассматривает проблемы и перспективы сопоставительного изучения

морфемике славянских языков, отмечая неодинаковую степень ее разработанности. Сопоставительное изучение морфемике необходимо для дальнейшей разработки общей типологии славянских языков и характеристики строения славянского слова. В этом плане интересен, безусловно, украинский опыт.

Результаты конфронтативных польско-словенских исследований в области словообразования представлены в статье П. Ковальского «Polskie i słoweńskie derywaty rzeczownikowe o znaczeniu hierarchicznym (wybrane problemy opisu)». Как пишет автор, достижения польско-словенских сопоставительных штудий незначительные. В статье сравниваются форманты, которые закреплены в качестве средств выражения за словообразовательной *категорией иерархичности*. Несмотря на большое количество совпадений, они в этой паре языков не идентичны: имеют место как качественные, так и количественные несовпадения. Сопоставление польского и словенского языков является интересным также потому, что в лингвистической литературе нет общего мнения относительно степени близости этих языков.

В статье Ю. Мазуркевич-Сулковской «Bułgarskie czasowniki dwuaspektowe w klasach verba cogitandi i verba sentiendi» проводится анализ ментальных и эмотивных двувидовых болгарских глаголов, их семантики и дистрибуции с позиций теории семантического вида С. Кароляка. Отмечается важная типологическая черта болгарского литературного языка: склонность к «двувидовости». Автор статьи отмечает, что чаще как двувидовые выступают *ментальные глаголы*, *трехаргументные (трехвалентностные) глагольные предикаты* с пропозиционной структурой $P(x, q, r)$. Все они являются отыменными дериватами, которые образуются при помощи специальных суффиксов. В работе используются данные коллективной монографии «Zintegrowany opis semantyczno-syntaktyczny czasowników bułgarskim, polskich i rosyjskich (verba cogitandi i verba sentiendi)» (2019), изданной при участии М. Корытковской. В них прослеживается зависимость между семантическими свойствами глаголов и предопределенными ими синтаксическими моделями.

Работа Р. и Д. Рошко «Korpusy wielojęzyczne wkładem Instytutu Slawistyki PAN w rozwój infrastruktury Clarin-pl. Przykłady analizy korpusowej nadwołaczem» – еще одно междисциплинарное исследование, проведенное на стыке информатики и языкознания, корпусной лингвистики и сопоставительной морфологии. Своеобразной Меккой корпусной лингвистики является Институт славистики Польской академии наук, где были созданы многоязычные корпуса славянских и балтских языков на основе европейской инфраструктуры *Clarin-ERIC*.

В практической части на примере употребления форм *звательного падежа* в польском, болгарском и литовском языках представлены разные варианты использования корпусов в контрастивных исследованиях.

Статья К. Скварской «O badatelkách a badaczkach, vědkyních a naukowczynich» посвящена феминативам со значением ‘женщина, занимающаяся наукой’. Польский и чешский – языки с развитой системой образования феминативов. Практически от каждого существительного мужского рода в этих языках может быть образовано соответствие женского рода. Система какого языка более гибкая в этом плане? В статье описываются различия между польским и чешским языками, которые наблюдаются на уровне словообразования, семантики и синтаксиса (синтаксических моделей) феминативов. Исследование также проведено на материале национальных корпусов.

Второй блок («круг категорий») представлен тремя публикациями.

Р. Ницолова в статье «Отношения между модальностью, эвиденциальностью и иллюкативной силой» отмечает большой вклад М. Корытковской в развитие теории модальности (имеется в виду монография 1977 г., посвященная болгарским модальным глаголам). *Эвиденциальность* – когнитивное состояние субъекта, связанное с получением информации из определенного источника. Эвиденциальная система болгарского языка нуждается, по мнению автора, в подробном исследовании в будущем. Это же касается и других славянских языков.

Статья Б. Бояр «Między prawdą, kłamstwem a ironią. Kilka uwag o modalności aletycznej, jej wykładnikach i o walidacji informacji» посвящена проблеме валидации информации, ее правдивости, за что отвечает *алетическая модальность* как субкатегория модальности. Оппозиция *правда* – *неправда (ложь)* с давних времен рассматривалась философами в рамках общей теории модальности. Эта проблема, как доказывает автор, актуальна и сейчас. В работе рассматриваются лексические, грамматические, интонационные и другие средства выражения алетической модальности.

А. Загнитко в статье «Лінійна позиційність, інтервальність і семантична повторюваність (віддаленість) іменниково-морфологічних форм» рассматривает формы рода, числа и падежа именных частей речи. Делается обширный экскурс в историю разработки этих грамматических категорий в европейском (отдельно – русском и украинском) языкознании. Исследование проведено на материале Украинского национального лингвистического корпуса.

В третий блок («круг процессов») включим работы по *лексикологии, лексикографии, корпусной лингвистике, теории и практике перевода*.

Статья «За словника на неиздадения втори том на “Български тълковен речник” от Стефан Младенов» Д. Благоевой посвящена лексикографическому наследию С. Младенова: рассматриваются принципы отбора лексики в «Болгарском толковом словаре» С. Младенова, роль диалектной лексики в становлении и развитии болгарского литературного языка. Анализ лексикографического материала позволяет исследовать процессы развития болгарской лексики в первые десятилетия прошлого века.

М. Фастын в статье «O niektórych neologizmach Stanisława Lema – w poszukiwaniu etymologii» предлагает новую интерпретацию (новые этимологии) 29 неологизмов С. Лема. Сентенцию *чтобы завоевать мир, нужно его сначала назвать* великий фантаст XX в. вкладывает в уста одного из своих литературных героев. В «Польско-русском словаре неологизмов Станислава Лема» М. Краевской содержится 1450 неологизмов. Автор отмечает трудность постижения языка С. Лема не только для среднестатистического читателя, но также для переводчиков и исследователей-лингвистов. Словарь М. Краевской – ценное издание для всех ценителей творчества С. Лема.

Как утверждает Э. Качмарска в статье «InterCorp i Treq jako narzędzia ułatwiające i wyszukiwanie ekwiwalentów», наиболее проблемными в плане перевода являются многозначные глаголы, называющие разные психические и эмоциональные состояния. Большие трудности при переводе таких глаголов возникают из-за того, что очень часто непонятно, что они в самом деле обозначают. В поисках эквивалента переводчику трудно найти одну конкретную лексему, которая полностью передавала бы значение, стиль, содержание оригинала. В связи с этим часть оригинального содержания при переводе утрачивается. Перевод становится неточным и в итоге передает какое-то «смодифицированное» содержание. Классические (бумажные) словари также не всегда помогают, упрощают и облегчают работу, так как ограничены по объему и не могут содержать всех значений, а также нужных контекстов и примеров. Реальную помощь в этом случае могут оказать электронные ресурсы (в том числе и *двуязычные параллельные корпуса*) и словари. Окончательное решение о способе перевода и выборе эквивалента принимает переводчик.

В статье на примере электронного ресурса *InterCorp* и основанной на нем базе контекстных эквивалентов *Treq* показывается, как эти ресурсы работают при осуществлении чешско-польских переводов.

Как мы уже выяснили, переводить «чувственную» лексику достаточно непросто. Это же подтверждает и А. Заторска в статье «Z problemów tłumaczenia predykatywnych wyrażen uczuć w słowieńskim przekładzie «Bez dogmatu» Henryka Sienkiewicza»). Автор сравнивает польские глаголы и аналитические конструкции, выражающие *предикаты чувств*, с их словенскими эквивалентами при переводе романа Г. Сенкевича «Bez dogmatu». Анализ подтвердил существование совпадений и отличий (в основном *семантико-стилистических*) между оригиналом и переводом. В работе выявлены типы переводческих трансформаций, рассмотрены метафорические аналитические конструкции. При этом сделано очень важное наблюдение: стилистическая маркированность больше проявляется не в ори-

гинальном тексте, а в переводном. Статья интересна также тем, что автор часть публикации посвящает такой проблеме, как *стратегии переводчика*.

Все статьи, представленные в сборнике, посвященном юбилею М. Коротковской, отражают не только высокие достижения национальных лингвистических школ (болгарской, польской, русской, украинской, чешской и др.), но и знание работ профессора. Этот факт говорит о том, что ученый обладает непререкаемым авторитетом в общей славистике и неслучайно считается одним из ведущих специалистов в современной польской лингвистике. Выход сборника в свет, несомненно, является событием в славистике.

С. А. Важник²

²Сергей Александрович Важник – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики, декан факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета.

Syarhei A. Vazhnik, PhD (philology), docent; professor at the department of computational linguistics and linguadidactics, dean of the faculty of social and cultural communications, Belarusian State University.

E-mail: waznik@yandex.ru

Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2020. 2 ч.

Slavic world and national speech culture in modern communication : collection of scientific articles : in 2 parts. / Yanka Kupala State Univ. of Grodno ; T. A. Pivovarchik (ed.). Hrodna : Yanka Kupala State University of Grodno, 2020. 2 parts.

В национальной науке есть ряд ключевых фигур, которые во многом определили развитие белорусской гуманитарной мысли. Одной из таких фигур является уроженец Гродненщины Евфимий Федорович Карский – «бацька беларусазнаўства», первый белорусский академик, ученый-славист, этнограф, автор многотомного монографического труда «Белорусы». С целью почтить память великого Ученого и популяризовать его наследие коллективом кафедры журналистики Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (далее – ГрГУ) подготовлен двухтомный сборник «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», который иллюстрирует не только востребованность в научном сообществе лингвистического наследия Е. Ф. Карского, но и развитие его идей в иных научных направлениях: теории коммуникации, медиалингвистике, журналистике, литературоведении.

Рецензируемый сборник подготовлен к XV Международным Карским чтениям и приурочен к трем знаковым датам: 160-летию со дня рождения Евфимия Федоровича Карского (1 января 2021 г.), 80-летию ГрГУ и 80-летию филологического факультета ГрГУ, на котором в начале 1990-х гг. была заложена традиция проведения конференции в стенах университета.

Расширим границы рецензии и вспомним еще один юбилей – 100-летие Белорусского государственного университета, к созданию которого Евфимий Федорович имел непосредственное отношение. Мало кто знает, что академик Карский прикладывал огромные усилия для создания белорусского университета в Минске: в 1919 г. ученый возглавил комиссию по открытию БГУ и даже был одним из разработчиков проекта устава университета.

Первый том юбилейного сборника включает историко-публицистический очерк «Карские чтения сквозь призму времени и памяти», подготовленный профессором М. И. Конюшкевич.

Мария Иосифовна проделала огромную работу как по организации и проведению Карских чтений, так и по систематизации «достижений» всех 14 научных форумов, прошедших в ГрГУ

за 30 лет. Автор рассказывает о карскиане – биографии и трудах Е. Ф. Карского. Иллюстрированный историческими фотографиями очерк-экскурс в историю Карских чтений повествует о событиях и людях, оставивших свой след в истории проведения этого научного форума.

Отдельно обратим внимание на раздел «Научные достижения гродненских лингвистов в зеркале Карских чтений», где освещается проблематика и научные достижения по функциональной и релятивной грамматикам, когнитивистике, прагмалингвистике, медиалингвистике, прикладной лингвистике, словообразованию и номинативной деривации, фразеологии многочисленных лингвистических школ ГрГУ, одна из которых по праву ассоциируется с именем профессора М. И. Конюшкевич.

Еще одна «несущая» структурная часть сборника – «Библиография работ об академике Е. Ф. Карском» – подготовлена правнуком ученого А. А. Карским.

В первую часть издания вошел также раздел «Роль и место научного наследия академика Е. Ф. Карского в развитии лингвистики и гуманитарных знаний», где представлены публикации о жизни и наследии Евфимия Федоровича. Так, например, рассматриваются следующие темы: значение трудов Е. Ф. Карского для сравнительно-исторического изучения современных славянских языков (А. С. Белая, В. Н. Бережнюк), Е. Ф. Карский и чешские лингвисты (на материале архивных документов) (Л. Д. Бондарь), репрезентация языковой картины мира восточных славян в труде «Белорусы» (Н. И. Клыпа), основы лингвокраеведения в работах Е. Ф. Карского (О. Н. Марченко), береза в белорусских обрядах с учетом замечаний Е. Ф. Карского (Т. С. Буйко), польский вопрос в России в интерпретации Е. Ф. Карского в период его ректорства в Варшавском университете (Т. Т. Кручковский).

Второй том сборника, в который вошли более 100 публикаций как известных ученых, так и молодых исследователей (лингвистов, литературоведов, историков, социологов, культурологов) из Беларуси, Польши, России и Украины, содержит шесть разделов: «Современные славянские языки в пространстве массовой коммуникации», «Медиазация реальности в дискурсе массовой коммуникации», «Художественный текст в современной медиакультуре», «Речевые практики и современная культура в зеркале коммуникативных процессов», «Риторика и славянские языки в образовательном пространстве: традиции и новации», «Координация речевого взаимодействия в онлайн-сообществах». Авторы статей обращаются к проблемным вопросам развития языкознания, медиалингвистики,

коммуникативистики, художественной литературы, риторики, педагогики в контексте актуальных процессов медиатизации.

Если бы не было Карских чтений, огромный вклад Е. Ф. Карского в белорусоведение, славистику и национальную гуманитаристику в целом дал бы основание для их создания. Е. Ф. Карский стоял у истоков отдельных областей белорусской гуманитарной науки и многие проблемы исследовал впервые. Делал он это с позиций сравнительно-исторического языкознания, на широком славистическом поле, доказывая, что белорусский язык представляет собой самостоятельную языковую систему. Так, например, Е. Ф. Карский стоял у истоков научного описания бело-

русского синтаксиса. Последователи ученого либо отталкивались от его научных идей, либо использовали богатый фактический материал (см., например, работы Я. Лёсика), накопленный им. Научные идеи академика Карского на протяжении многих десятилетий питали и питают исследователей и стимулируют развитие не только традиционных областей в белорусской филологии, этнографии, культурологии, но и таких молодых научных направлений, как медиалингвистика, когнитивистика, лингвистическая прагматика, теория коммуникации, дискурсология и другие. Об этом свидетельствует содержание второго тома сборника.

С. А. Важник¹

¹Сергей Александрович Важник – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики, декан факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета.

Syarhei A. Vazhnik, PhD (philology), docent; professor at the department of computational linguistics and linguadidactics, dean of the faculty of social and cultural communications, Belarusian State University.

E-mail: waznik@yandex.ru

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Денис Олегович
ПОЛОВЦЕВ**

**Denis Olegovich
POLOVTSEV**

3 февраля ушел из жизни заведующий кафедрой теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета Денис Олегович Половцев. Он оставил яркий след в истории молодого факультета и как любимый студентами преподаватель литературы, и как талантливый администратор, и как ученый, признанный в Беларуси, России, Украине, Литве.

Денис Олегович родился 14 сентября 1980 г. в Витебске в интеллигентной семье, где воспитанию детей придавалось большое значение.

После окончания Витебского государственного университета и получения степени магистра филологических наук, он начал преподавательскую деятельность в этом учебном заведении на кафедре педагогики и методики начального обучения. Затем Денис Олегович продолжил обучение в аспирантуре Минского государственного лингвистического университета (2004–2007 гг.).

Следующий этап – блестящая защита в 2009 г. кандидатской диссертации «Проблема инаковости в творчестве Э. М. Форстера» в Московском педагогическом университете, которая, по воспоминаниям

Юрия Викторовича Стулова, научного руководителя Д. О. Половцева, прошла в Ленинской аудитории Московского педагогического государственного университета в присутствии 16 докторов наук по специальности и 24 членов совета.

Огромный интерес к науке позволил открыть Денису Олеговичу новые грани англо-американской литературы. Две монографии («Проблема инаковости в творчестве Э. М. Форстера» и «Феномен инаковости и Другого в творчестве Э. М. Форстера») он опубликовал по горячим следам только что защищенной диссертации. Перед ученым открылись большие возможности для участия в различных программах повышения научной квалификации в Украине, России, Литве. Летние школы по американистике в украинских университетах, стажировка в летнем институте по американской литературе в университете Луисвилля (США), в Литовском эдукологическом университете стали свидетельством востребованности молодого ученого, его таланта и неиссякаемой творческой энергии.

В это же время Денис Олегович продолжал писать статьи, участвовать в международных конференциях в Беларуси и за ее пределами. Результатом

этого стало издание более 100 научных статей и 7 учебных пособий.

Научные достижения и активная преподавательская деятельность способствовали карьерному росту: сначала он получил должность доцента в Международном университете «МИТСО», а затем – заведующего кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и профсоюзного движения этого же учебного заведения.

В 2014 г. тогда декан факультета социокультурных коммуникаций, а сейчас – проректор Белорусского государственного университета Иван Иванович Янушевич, рассмотрев потенциал молодого руководителя, пригласил Дениса Олеговича на должность заведующего кафедрой теории и практики перевода на свой факультет.

На этой должности, стоявшей для него, несомненно, на первом месте, Денис Олегович проработал всего 6 лет, а кажется, что долгие годы, ведь сколько было сделано! Ему удалось главное – это отмечали и преподаватели, и нынешний декан факультета Сергей Александрович Важник – сплотить большой коллектив...

Денис Олегович являлся членом Международной ассоциации преподавателей английского языка как иностранного, Белорусской ассоциации преподавателей английского языка (входил и в состав ее правления), Белорусской ассоциации американских исследований, Российской ассоциации преподавателей английской литературы. Он входил в состав

редакционной коллегии научного журнала «Социальное воспитание», возглавлял организационный комитет Международной научно-практической конференции «Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире», стоял у истоков Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков «Языковая личность и перевод». Его трудолюбие, казалось, было безграничным: Сергей Александрович предложил ему выполнять работу секретаря совета факультета, и Денис Олегович с головой погрузился в эту работу.

Удивительно, как при такой насыщенной преподавательской и научной деятельности Денис Олегович успевал уделить внимание каждому сотруднику и студенту, выслушивал всех, старался помочь и посоветовать, да и сам был внимателен к советам профессионалов. При всей своей серьезности через некоторое время после знакомства он обнаруживал мягкое чувство юмора, мог огоршить неожиданно метким замечанием и удивить прекрасной памятью.

Денис Олегович навсегда запомнится верностью, надежностью и добротой. Он был лучшей компанией в радости и в горе: мог утешить, посочувствовать, беды близких людей переживал как свои, победы друзей воспринимал с открытым сердцем и искренностью.

Коллеги и ученики

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Важнік С. А. Мець ці быць? Пасесіўная карціна свету беларусаў.....</i>	4
<i>Беценко Т. П. Взгляд на лингвокультурологический анализ художественного текста как вид учебной деятельности в системе современного гуманитарного образования</i>	14
<i>Клокова А. Г. Смешанное обучение в высшей школе: из опыта апробации эвристического за- нятия.....</i>	22
<i>Хайден Т. Личность переводчика и судьба перевода: социальные факторы при анализе пере- вода</i>	29

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

<i>Сельченко Е. К. Гностические топосы в трагедии «Фауст» И. В. Гёте</i>	35
<i>Евич Е. М., Морза Л. О. Сравнительный структурно-семантический анализ ключевых обра- зов в переводах стихотворения А. С. Пушкина «Узник» на белорусский язык.....</i>	44
<i>Светаиёва Т. А. Литературная игра, ее феноменологическое осмысление и типология в рус- ской поэзии второй половины XX в.</i>	50

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ

<i>Фролова Н. Ю. Исследования дизайна как пространство взаимодействия теории и практики ...</i>	60
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Важник С. А. Славянские языки сегодня: в кругу категорий, структур и процессов.....</i>	69
<i>Важник С. А. Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуни- кации</i>	74

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Денис Олегович Половцев	76
---	----

CONTENTS

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

<i>Vazhnik S. A.</i> <i>To have or to be?</i> The possessive picture of the world of the Belarusians.....	4
<i>Betsenko T. P.</i> View at the linguoculturological analysis of the artistic text as a kind of learning activity in the system of modern humanities education	14
<i>Klokova A. G.</i> Blended learning in higher school: from the experience of testing a heuristic class	22
<i>Haiden T.</i> Personality of the translator and the destiny of the translation: social factors in translation analyses	29

WORLD AND NATIONAL CULTURE

<i>Selchenok E. K.</i> Gnostic toposes in tragedy «Faust» by J. W. Goethe	35
<i>Yevich E. M., Morza L. O.</i> Comparative structural and semantic analysis of key images in translations of Pushkin's poem «Prisoner» into Belarusian	44
<i>Svetashova T. A.</i> Literary game, its phenomenological comprehension and typology in Russian poetry of the second half of the 20 th century.....	50

CULTURAL INDUSTRIES

<i>Frolova N. U.</i> Design research as a space of interaction between theory and practice	60
--	----

REVIEWS

<i>Vazhnik S. A.</i> Języki słowiańskie dziś: w kręgu kategorii, struktur i procesów.....	69
<i>Vazhnik S. A.</i> Slavic world and national speech culture in modern communication	74

TO THE MEMORY OF SCIENTISTS

<i>Denis Olegovich Polovtsev</i>	76
--	----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по культурологии, искусствоведению, дизайну.

**Человек в социокультурном измерении.
№ 1. 2021**

Научно-теоретический журнал

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Редактор *А. С. Люкевич*
Технический редактор *А. Ю. Лецинская*
Корректор *А. С. Горгун*

Подписано в печать 26.02.2021.

Тираж 100 экз. Заказ 78.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Human in the Socio-Cultural Dimension.
No. 1. 2021**

Scientific and theoretical journal

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Editor *A. S. Lyukevich*
Technical editor *A. Y. Leschinskaya*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 26.02.2021.

Edition 100 copies. Order number 78.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021